

L. Rel. 1115

~~109m~~

Kniga

(Russische Lesebüch)

Lehrbuch

in der russischen Sprache,

zum Gebrauche

in den Schulen der russischen Gebiete

ist russisch geschrieben.

Herausgegeben

von

N. Tsch.

Leipzig 1830.

УЧЕБНАЯ КНИГА
РУССКАГО ЯЗЫКА,

ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ

въ училищахъ Балтійскихъ губерній

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

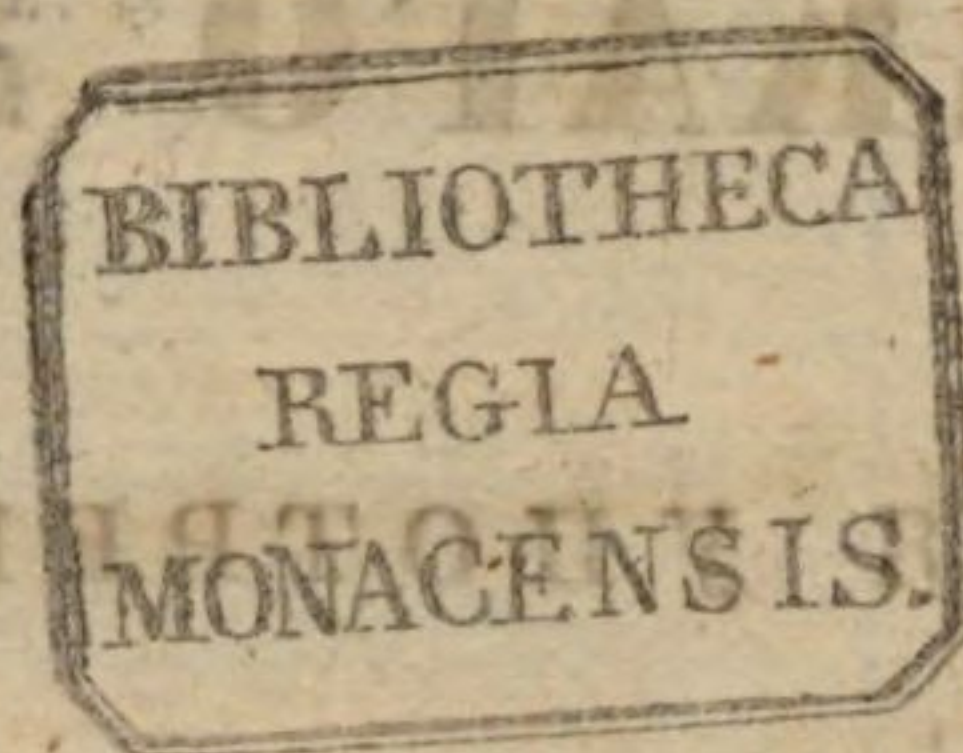
ИЗДАТЬ

Н. Ч.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпе-
тербургъ, 8 Іюля 1830 года.

Ценсоръ Ст. Сов. Никита Бутырскій,

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Побуждаемый благомыслящимъ Начальникомъ училищъ Курляндской Губерніи, предпринялъ я изданіе сей книжки въ намѣреніи доставить преимущественно любезнѣйшимъ моимъ слушателямъ, воспитанникамъ Мишавской Гимназіи, по возможности полнѣйшее и дешевѣйшее руководство къ познанію Русскаго языка, котораго успѣхи до нынѣ къ сожалѣнію были замедляемы, или совершеннымъ недоспашкомъ, или крайнею дороговизною учебныхъ пособій. При выборѣ помѣщенныхъ здѣсь спашей, руководствовался я какъ общимъ мнѣніемъ о достоинствѣ сочиненія, такъ и желаніемъ познакомить юношей еще весьма неопытныхъ въ Русской словесности, особенно съ тѣми произведеніями, которыя не только по языку, но и по самому содержанію своему суть собственно Русскія. Словаря, обыкновенно

прилагаемаго къ собраніямъ сего рода, не прибавилъ я для того, чшобы учащійся, ненадѣясь всегда имѣть близкаго пособія подъ рукою, заблаговременно пригошовлялся дома къ каждому учебному часу; тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія объясненія должны бытъ предославлены учителю при переводѣ и разборѣ писателя. Все изданіе раздѣляется на три курса для трехъ высшихъ классовъ Гимназіи и расположено такимъ образомъ, чшобы учащіеся постепенно переходили отъ легчайшаго къ труднѣйшему.

Издатель.

Митава, Іюня 27 дня,

1830 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

К У Р С Ъ П Е Р В Ы Й.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ, ПОВѢСТИ, ИСТОРИЯ.

- I. Жизнеописаніе Папріарха Московскаго Никона. *Катеновскаго*. (Спр. 1.)
- II. Державинъ. *Князя Вяземскаго*. (Спр. 27.)

П О В Ъ С Т И.

- I. Зинобій Богданъ Хмѣльницкій или освобожденная Малороссія. *О. Глинки*. (Спр. 38.)
- III. Бѣдный Макаръ или кто за правду горой, тотъ истый Ирой. *О. Булгарина*. (Спр. 64.)

И С Т О Р І Я.

- I. Войны съ Турками, (Спр. 87.) II. Сношенія съ Нѣмецкою землею (Спр. 91.) III. Дѣла съ Персією. *М. Муравьева*. (Спр. 94.)

К У Р С Ъ В Т О Р Ы Й.

ИСТОРИЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ, ОПИСАНІЯ, РАЗГОВОРЪ.

И С Т О Р І Я.

- I. Убіеніе Великаго Князя Михаила Ярославича въ Ордѣ, (Спр. 97.) II. Черная смерть, (Спр. 103.) III. Явленіе и первые успѣхи Самозванца, (Спр. 106.) IV. Обзоръ исторіи Новгорода. *Карамзина*. (Спр. 119.)

П У Т Е Ш Е С Т В І Я.

- I. Путешествіе по Швейцарскимъ горамъ и по Франціи. *Карамзина*. (Спр. 125.)

- II. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи. *Жуковскаго*. (Спр. 147.)

О П И С А Н І Я.

- I. Карпина Финляндіи. *Батюшкова*. (Спр. 167.)
 II. Личныя качества и могущество Годунова (при *Теодорѣ*). *Изъ исторіи Карализина*. (Спр. 176.)
 III. Двѣ сестры или копорой отдасть преимущество. *О. Глинки*. (Спр. 183.) Высочайшій Рескриптъ на имя *Карализина*. (Спр. 192.)

Р А З Г О В О Р Ъ.

- Вечеръ у Кантемира. *Батюшкова*. (Спр. 193.)

КУРСЪ ТРЕТІЙ.

ДУХОВНОЕ и СВѢТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ и СЛОГЪ Философическій.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

- I. Рѣчь Митрополита *Платона* Императору *Александру* при Коронаціи. (Спр. 215.)
 II. Слово при поминовеніи воиновъ, падшихъ на *Бородинскомъ* полѣ. *Архіепископа Августина*. (Спр. 222.)

СВѢТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

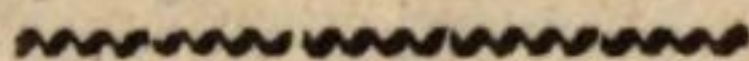
- I. Опрывокъ изъ похвального слова Императрицѣ *Елисаветѣ*. *Ломоносова*. (Спр. 227.)
 II. Опрывокъ изъ похвального слова Императрицѣ *Екатеринѣ II*. *Карализина*. (Спр. 241.)

Слогъ Дидактическій и Философическій.

I. Кто истинно добрый и счастливый человекъ. Жуковскаго. (Спр. 263.)

II. Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами. Архимандрита (нынѣ Митрополита) Филарета. (Спр. 273.)

III. Воззваніе Святейшаго Синода, (1812 года Іюля 17). (Спр. 290.)

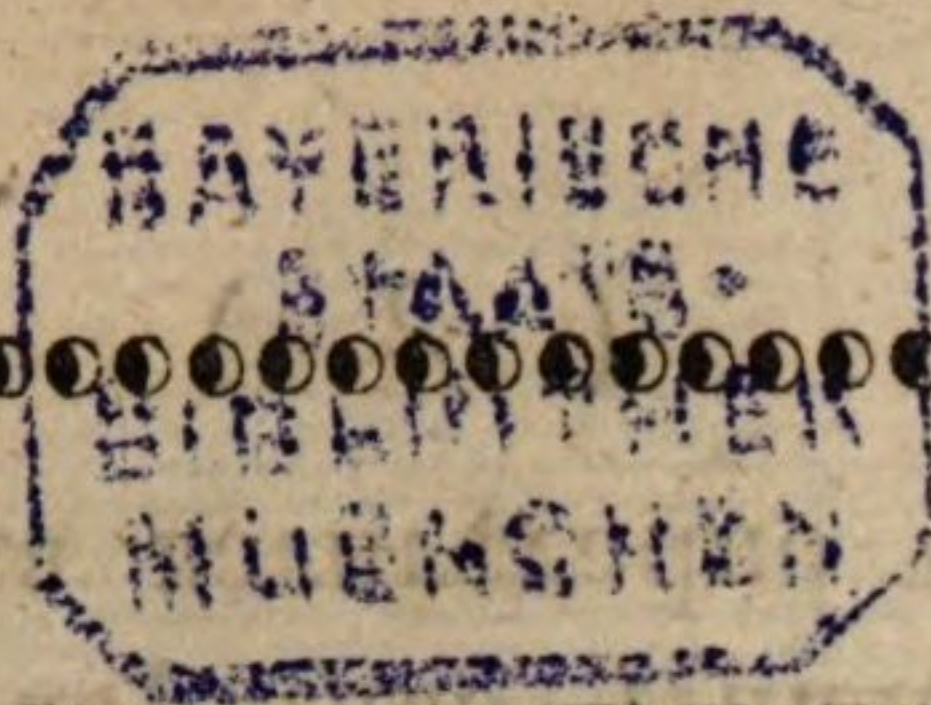

СВЯТЫЙ АКАКИЙ ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

I. Къто неименованъ донынѣ въ святыхъ писаніяхъ, а нынѣ въ святомъ писаніи (Святое Писаніе).

II. Въ святомъ писаніи описаны многіе великіе люди, а нынѣ въ святомъ писаніи (Святое Писаніе) описаны многіе великіе люди, а нынѣ въ святомъ писаніи (Святое Писаніе) описаны многіе великіе люди.

III. Въ святомъ писаніи описаны многіе великіе люди, а нынѣ въ святомъ писаніи (Святое Писаніе) описаны многіе великіе люди.

КУРСЪ ПЕРВЫЙ.

I. ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Московского Патріарха Никона.

Никонъ, славнѣйшій въ Россійской Исторіи послѣ Филарета Никипича — Папріархъ, родился въ 1605 году въ Маѣ мѣсяцѣ, опъ поселянина, въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода. Его назвали при крещеніи Никипою. Научившись въ малолѣтствѣ грамотѣ, онъ ушелъ изъ дому родительскаго, и провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ Св. Макарія Желтоводскаго, гдѣ съ особливимъ прилѣжаніемъ занимался изученіемъ Священнаго писанія. По неопоспупной просьбѣ родспвенниковъ, возвращаясь въ домъ, онъ не могъ уже испребить въ сердцѣ своемъ привязанности къ жизни монашеской. Послѣ смерти опца своего, Никонъ рѣшился — было оставить мірскую жизнь, и снова предасться любимому уединенію; но склоняясь на просьбы и совѣты родспвенниковъ, сочелся бракомъ съ предложенною невѣстою.

Скоро потомъ опредѣлился въ причетники къ церкви, и получилъ санъ Іерейскій.

Трое дѣтей, родившихся отъ сего супружества, скончались во младенчествѣ. Можетъ быть, потеря столь чувствительная для сердца родительскаго, или отдаленные виды честолубія, или безпокойный, ничѣмъ недовольный характеръ, или отъвращеніе отъ суебы и непостоянства міра, пробудили въ Никонѣ склонность къ уединенію. Съ нѣкотораго времени онъ переселился уже въ Москву; здѣсь постарался уговорить жену свою къ разводу, проживъ съ нею десять лѣтъ въ супружескомъ союзѣ. Мѣсто ея пребыванія назначено въ Алексіевскомъ монастырѣ, въ которомъ она, спустя нѣсколько времени, и посприглась.

Никонъ, распоргнувъ связи свои съ міромъ, удалился въ Анзерской Скинъ, находящійся на островѣ Бѣлаго моря въ Архангелогородской губерніи. Сей монастырь — если только можно назвать монастыремъ разбросанныя въ дальнемъ отъ церкви распояніи хижины — не обнесенъ оградой; море служитъ ему вмѣсто ограды. На островѣ считалось двѣнадцать келій, въ распояніи одна отъ другой около двухъ верстъ. Монахи видались другъ съ другомъ только во время церковнаго Богослуженія; всѣ они питались отъ подаенія хлѣбомъ и рыбою, которыя съ твердой земли присылали къ нимъ,

или рыбаки привозили. Церковь находилась на самой серединѣ острова въ равномъ разстояніи отъ каждой кельи. Монахи въ субботніе дни и въ навечерія праздниковъ собирались въ церковь, проводили въ ней цѣлыя ночи и до половины слѣдующаго дня, потомъ опять уходили въ свои безмолвныя жилища. Столь строгая жизнь — удобная однихъ услаждать, въ другихъ разгорячить пылкое воображеніе — понравилась новому опшельнику. Онъ поспригся и нареченъ Никономъ.

Монастырская церковь была деревянная. Люди, опрекшись суешной пышности міра, по крайней мѣрѣ хотѣли украшать храмы въ честь Того, чей храмъ есть — вся вселенная. Монахи Анзерскаго Скипа чувствовали сіе побужденіе. Они отправили въ Москву Начальника своего Еліазара съ Никономъ для собранія денегъ на постройку каменной церкви. Духъ господствованія не всегда побѣждается благочестіемъ; подъ покровомъ набожности, онъ часто пріобрѣтаетъ новыя силы. Никонъ, возвратясь въ Скипъ, поссорился съ Начальникомъ, и принужденъ былъ для себя искать другаго убѣжища. Тогда монашествующіе могли еще переходить изъ монастыря въ монастырь по своей волѣ, могли жить, гдѣ хотѣли и пока хотѣли. Никонъ пустился въ открытое море на лодкѣ, управляемой однимъ человѣкомъ, и по

преперпѣніи многихъ опасностей отъ бури, приспалъ пропивъ устья Онеги къ оспрову Кіи. Тамъ на память своего избавленія, онъ водрузилъ деревянный крестъ, и послѣ, бывъ уже Папріархомъ, создалъ монастырь, копорый и теперъ называется Крестнымъ.

Никонъ пришелъ въ Кожеозерскую пуспыню. Тамъ будучи принявъ въ число брапій, началъ жить по правиламъ Анзерскаго Скипа, удалился на ближайшій оспровъ, поспроилъ себѣ келью, пишался рыбою, копорую самъ ловилъ, ходилъ въ монастырь только для опправленія или слушанія Божіей службы, и проводалъ все прочее время въ безмолвномъ уединеніи. Такая спростая жизнь обрапила на себя вниманіе монаховъ, копорые послѣ смерти Игумена единодушно выбрали на его мѣсто Никона. Новгородскій Мипрополишъ Афоній посвятилъ его на сіе достоинство. Черезъ пригода по прибытіи Никона въ Кожеозерскую пуспыню, дѣла монастырскія заставили его опправиться въ столицу. Тутъ сдѣлавшись извѣстнымъ Царю Алексію Михайловичу, Никонъ посвященъ былъ Архимандритомъ въ монастырь Новоспаскій. Съ сего времени начинается полипическая жизнь Никона, копорый по особливой милости Государевой въ 1649 году произведенъ Мипрополишомъ въ Новгородъ, а въ 1652 возведенъ на Папріарцій престолъ Всероссійскій.

Цѣлая десять лѣтъ Никонъ прудился неутомимо для блага Церкви и Ошечесства, для пользы Монарха, для славы своего имени. Можеть бытъ, съ меньшею пылкостью, съ большимъ поспоянствомъ, Никонъ дѣйствовалъ бы умѣреннѣе, и въ самую пору доспигъ бы блестящей своей цѣли; можеть бытъ, онъ очень скоро получилъ все, чего ищеть честолюбіе самое ненасытное. Человѣкъ безпрестанно жelaеть. Горе тому, кто въ умѣ своемъ заблаговременно не сберегъ предметовъ, для удовлетворенія будущихъ желаній сердца. . . . Посмотримъ на дѣла Никона, любимца и друга Государева, прежде нежели обратимъ вниманіе на поведеніе Первосвященника высокомѣрнаго, причинившаго Благодѣтелю своему неслыханныя огорченія.

Никонъ отъ природы былъ одаренъ прогающимъ краснорѣчіемъ. Его дарованія и добродѣтели сполько понравились Государю, что Онъ приказалъ Никону, бывшему еще Архимандритомъ, пріѣзжать къ себѣ во дворецъ къ заупренѣ каждую пятницу. Никонъ воспользовался опличною милостію Царскою для защиты вдовъ, сиротъ и припѣсяемыхъ. Ему поручена была должность пріятная сердцу добраго Государя и добраго любимца — принимая прошенія отъ бѣдныхъ и угнѣпаемыхъ, и докладывавъ о нихъ Государю. Человѣколюбивый

Монархъ, по окончаніи заупрени, невыходя изъ церкви, выслушивалъ челобитныя, приказывалъ надписывать свои Царскіе Указы и для исполненія отдавалъ Архимандриту Никону.

Суровый характеръ не препятствовалъ ему быть сострадательнымъ. Управляя Митрополию Новгородскою, по случаю неурожая въ хлѣбъ, онъ питалъ неимущихъ гражданъ ежедневно по двѣсти, по триста человекъ и болѣе, каждый день раздавалъ милостыню деньгами и хлѣбомъ; построилъ четыре дома для страннопріимства вдовъ, сиротъ и престарѣлыхъ; посѣщалъ темницы и богадѣльни, освобождалъ невинныхъ, утѣшалъ преступниковъ и прощалъ вины ихъ, если они могли быть прощаемы безъ нарушенія общественнаго порядка. Довѣренность Царская къ Митрополиту Никону, казалось выходила изъ предѣловъ. Ему поручено было имѣть смотрѣніе за градоправителемъ и судьями, входить въ производствѣ судебныхъ дѣлъ, и обо всемъ доносить Государю. Никонъ пріѣзжалъ въ столицу каждую зиму для свиданія съ Царемъ, который чрезвычайно любилъ слушать его краснорѣчивую бесѣду. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ жители Новгорода спекались внимать сладкому, убѣждающему его поученію, которымъ — говоритъ описатель Никоновой жизни, какъ огнемъ онъ распалъ сердца слушателей. —

Онъ первый ввелъ въ Россіи dobroгласное парпесное пѣніе , взявъ примѣръ съ Кіевскаго , и учредилъ порядокъ чпенія по древнему церковному успаву. Папріарху Іосифу не нравились вводимыя перемѣны ; но Никонъ уже не боялся Папріарха , и всякой разъ , пріѣхавши въ Москву , служилъ въ придворной церкви съ новыми своими пѣвчими и по новому порядку чпенія въ присудспвіи Государя , копорый находилъ удовольспвіе слушапъ парпесную музыку , и одобрялъ полезную перемѣну въ опправленіи Богослуженія.

Подвигъ Никоновъ во время народнаго смяпенія въ Новѣгородѣ , подвигъ самый лучшій въ его жизни , сіяетъ въ Испоріи не менѣе ходапайспва Флавіонова за возмупившихся жителей Анпіохіи. Мяпежъ , укрощенный въ сполицѣ , оказался въ провинціяхъ. Народъ спональ подъ бременемъ подапей , поборовъ и исключипельной порговли въ пользу Боярина Морозова. Имя сего вельможи сдѣлалось ненависпнымъ для гражданъ. Можепъ быпъ , спокойспвіе не было бы нарушено , если бы коварный Волкъ , купецъ Новгородскій , не посѣялъ вражды въ народѣ. Онъ постарался пріобрѣспъ довѣренность поргующихъ Нѣмцовъ , и опкрылъ главнѣйшимъ изъ нихъ за тайну , что имъ всѣмъ угрожаетъ крайняя опасность ; что граждане почипають ихъ сообщниками въ монополіи

Морозова; что положено непременно всѣхъ ихъ перебить, а имѣнія разграбить, и что наконецъ оспается искать спасенія въ бѣгствѣ. Нѣмцы не могли не повѣрить словамъ Волка: они знали, что пламя возмущенія готово было вспыхнуть въ народѣ; знали, что достапочные люди, иностранцы и ихъ имѣнія весьма часто въ подобныхъ случаяхъ бывающъ жертвою неисповсѣда мяпежниковъ и съ великою поспѣшностію ночью уѣхали изъ города, забравши съ собою деньги свои и товары. Волку это было и надобно; онъ разгласилъ въ народѣ, что Нѣмцы, сообщники Морозова, жили въ Новгородѣ по его порученіямъ; что нынѣ для безопасности ѣдутъ они за границу съ его сокровищами, незаконно пріобрѣтенными; что Морозовъ и Нѣмцы измѣнили Царю и Государству, и что долгъ пребудетъ догнать клеветовъ предапельства, опнятъ у нихъ сокровища и наказатъ пресупниковъ. Яростный народъ пустился въ погоню, наспитъ Нѣмцовъ, билъ ихъ безъ милосердія и разграбилъ имѣнія. Несчастные бѣглецы лишились бы жизни, если бы нѣкоторые почепнѣйшіе купцы Новгородскіе не убѣдили мяпежныхъ согражданъ своихъ опложитъ казнъ до другаго времени, а между тѣмъ узнать опъ виновныхъ объ ихъ сообщникахъ и о всѣхъ обеспояпельствахъ измѣны; попомъ уже всѣхъ предашь

спрогоспи законовъ. Народъ послушался совѣта и посадилъ въ шюрьму иностранцевъ. Чшо попомъ сдѣлалось съ сими послѣдними, Испорія не объявляеть.

Эшо было полько поводомъ въ возмущенію. Оспервенившіеся мятежники вездѣ видѣли сообщниковъ Морозова, а особливо казались имъ такими люди богатые и чиновные; сіе подозрѣніе нравилось имъ попому болѣе, чшо служило предлогомъ къ грабительству. Спрѣльцы и Козаки соединясь съ народомъ, обспутили домъ Боярина и Воеводы Князя Федора Андреевича Хилкова; кричали, чшо онъ и всѣ чиновники, учавствуя въ измѣнѣ Морозова, по согласію съ нимъ опускають за границу хлѣбъ, мясо и рыбу, и пѣмъ возвышають цѣны на съѣстные припасы; слѣдственно всѣ достойны смертной казни. Успрашенный Воевода по городской спѣнѣ пробрался въ домъ Мипрополипа Никона, копорый скривъ Князя во внупреннихъ комнапахъ, приказываеть крѣпко запереть воропа Архіерейскаго дома. Мятежники бьютъ въ набатъ, окружають домъ Мипрополипа, выламываютъ воропа, допрашиваютъ служителей, желая знать, гдѣ спрятался Воевода, и пребують его выдачи. Не успрашимый Никонъ принимаетъ намѣреніе положить живопись свой за благо народа. Онъ выходитъ изъ чертоговъ и съ Ангельскою кро-

поспію говоришъ мяпежникамъ: «Любезныя дѣпи! за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? я всегда былъ съ вами; нынѣ спюю передъ вами и не скрываюсь. Я паспырь вашъ и гошовъ положишъ за васъ мою душу.» Оспервенившійся народъ закричалъ въ одинъ голосъ: «онъ измѣнникъ! онъ защищаетъ измѣнниковъ!» и съ звѣрскою люпоспію бросающъ на Первосвященника, началъ битъ его дубьемъ и каменьями. Никонъ поперялъ бы жизнь при семъ несчастномъ случаѣ, если бы самыя убійцы, сжалившись надъ невиннымъ спрадальцемъ и вспомнивъ его благодѣянія, не опврапили смерпельныхъ ударовъ. Мяпежники, почипая мерпвымъ Никона, ужаснулись, и съ опчаяніемъ въ душѣ, съ мученіемъ въ совѣспи, разошлись по домамъ своимъ.

Дворовые служипели опнесли въ келію Никона, бездыханнаго. Не смопря на крайнюю слабоспъ свою, онъ, пришедъ въ чувспво, ни о чемъ иномъ не помышлялъ, какъ о усмирении обуявшаго народа; о возспановленіи порядка и объ избавленіи невинныхъ людей опъ напрасной гибели: собралъ Духовенспво, исповѣдался, опслужилъ обѣдню, и такимъ образомъ пригошоваясь ко смерпи, велѣлъ везпи себя на саняхъ къ избамъ Земской и Таможенной, въ копорыхъ находились мяпежники. Приказавъ себя поднятъ и собравшись съ силами, онъ возгласилъ: «Дѣпи! я говорилъ вамъ прав-

ду; нынѣ повпоряю оную тѣмъ небоязненнѣе, что по долгу Христіанскому сподобился пригошовишься ко смерти. Какъ Пастырь, я пришелъ спасти васъ отъ духа вражды и несогласій. Успокойтесь и лишите меня жизни, если знаете за мною вину прошивъ Царя и Опечеснѣва!» Сонмище мяшежниковъ онѣмѣло. Дерзновенные отъ страха и стыда не смѣли возвести взоровъ на Первосвященника, и мало по малу разошлись. Митрополитъ поѣхалъ въ Соборную церковь, и тамъ, въ присутствіи многочисленнаго народа, предалъ проклятію начальниковъ возмущенія. Мяшежники ужаснулись и въ отчаяніи своемъ рѣшились отдать городъ во владѣніе Швеціи или Польшѣ, поставили Воеводою надъ собою содержавшагося въ пюрѣмъ служителя Архіерейскаго дома, по имени Жеглова, и учредили по дорогамъ спражи, что бы пресѣчь сообщеніе съ Москвою. Никонъ отправилъ къ Государю донесеніе съ нарочнымъ человѣкомъ, копорому тайными путями удалось пробраться до Столицы.

Между тѣмъ неисповснѣно мяшежниковъ мало по малу утихало. Ежедневно приходили къ Митрополиту толпы сихъ несчастныхъ и просили его объ исходапайспованіи имъ милости Царской. Когда умы были въ такомъ расположеніи, посланный, возвратясь въ Новгородъ, привезъ отъ Государя двѣ грамоты: одну

къ Митрополишу, другую въ Земскую избу ко
всему народу Новгородскому. Въ сей послѣд-
ней было написано, чѣобы народъ немедленно
выдалъ Никону начинщиковъ мяпежа и про-
силъ бы помилованія у своего Паспыря. Всѣ
съ рыданіемъ раскаивались и съ сокрушеніемъ
сердца молили Митрополиша о прощеніи. Доб-
рый Паспырь принялъ ихъ раскаяніе, оплакалъ
вмѣстѣ съ ними прежнее заблужденіе, бесѣдо-
валъ къ народу цѣлые три часа ошъ Священ-
наго Писанія, просилъ его и разрѣшилъ ошъ
кляшвы, и приказалъ главныхъ начинщиковъ
мяпежа схватишъ, заключишъ въ темницы. Не-
медленно взято было приста челоуѣкъ и ошъ-
дано подъ крѣпкую спражу.

По прибытіи въ Новгородъ Боярина и Воеводы
Князя Ивана Никишича Хованскаго съ войскомъ,
Волкъ былъ казненъ смертію, Жегловъ съ де-
сятью другихъ сообщниковъ сосланы въ Си-
бирь, а прочіе всѣ, по большой часпи безъ
наказанія, получили свободу. Никонъ зналъ, что
казнію всѣхъ преступниковъ увеличилось бы не-
счастіе, претерпѣнное жителями ошъ возму-
щенія. Обвиняя Никона въ погрѣшностяхъ, не-
забудемъ, что онъ пощадилъ кровь народную.
Почпи въ то же время Псковъ былъ позори-
щемъ народного смяшенія, которое гораздо до-
роже стоило городу и Государству. Кровь осаж-
денныхъ мяпежниковъ и осаждаващаго воинства

Царскаго лилась ручьями — Псковичи не имѣли у себя Никона!

Дорого споили сердцу Государя блестящія победы, одержанныя надъ вѣшнимъ непріателемъ, когда въ Его опсупспвіе моръ два раза опустошалъ Столицу и провинціи. Кпо знаешь, что могло бы случиться съ фамиліею Царскою безъ Никоновыхъ попеченій! Когда появилась зараза, Папріархъ склонилъ Царицу выѣхать изъ Москвы со всѣмъ домомъ, пупешествовалъ съ нею сперва въ Троицкій Сергіевъ монастырь, потомъ въ Калязинъ, а опшуда въ Вязьму; въ другой разъ, спустя годъ въ Тверь и въ Вязьму же; самъ объѣзжалъ мѣста сомнительныя; въ то же время опечески спарался о сохраненіи народа: учреждалъ заставы, приказывалъ зажигать большіе огни для очищенія зараженного воздуха, словомъ, изыскивалъ и производилъ въ дѣйство всевозможные способы для опвращенія опасности. Какія права на благодарность добраго Государя, на любовь всего народа Россійскаго!

Не смопря на возникшіе полки раскольническіе, не смопря на многія несчастія, посшипшія упрямыхъ невѣждъ, исправленіе книгъ церковныхъ должно бытъ почипаемо пріятнымъ для попомства свидѣтельствомъ о здравомысліи Россійскаго Духовенства въ половинѣ семнадцатаго вѣка. Папріархъ, съ давняго времени упра-

жняясь въ чпеніи книгъ духовныхъ, примѣ-
шилъ, что вкрались многія погрѣшности въ
Библию и Служебникъ, а особливо не нрави-
лись ему правила Споглавнаго Собора, по оп-
редѣленію котораго складываніе персповъ, ны-
нѣ употребляемое при моленіи, хожденіе не по
солнцу, проекрапное Аллилуія, охоша ѣспъ
колбасы и ѣздишь въ коляскѣ съ дышломъ, под-
сприганіе волосовъ, и проч., объявлены дѣла-
ми беззаконными, достойными проклятія и оп-
лученія отъ церкви. Самъ Царь, передъ оп-
равленіемъ въ походъ пропивъ Польскаго Ко-
роля, присушествовалъ на первомъ засѣданіи зна-
нѣйшаго Россійскаго Духовенства, собранна-
го для расмотрѣнія книгъ церковныхъ, сличе-
нія ихъ съ древними рукописями, исправленія
ошибокъ и нелѣпостей. Можетъ быть, не лзя
одобришь одной только погрѣшности, съ ко-
торою принялись за исправленіе книгъ, не
взявъ предварительныхъ мѣръ къ отвращенію
ненавистныхъ слѣдствій. Какъ бы то ни бы-
ло, благоразуміе пребуешь подвигъ сей оп-
неси къ числу тѣхъ, которые дѣлають па-
мять Папріарха Никона почтенною для сыновъ
Церкви и Опечесства.

Никонъ, достигши до высочайшей степени
достоинства, построилъ для себя новыя па-
лашы въ Кремлѣ, началъ жить весело и роскошно,
въ разговорахъ иногда себя позволялъ невин-

нымъ образомъ шупить съ пригожими женщи-
нами — покрайней мѣрѣ пишемъ о немъ Олеа-
рій, выхваляя умъ его и пріятность въ об-
хожденіи. Впрочемъ эпо мудрено согласишь съ
его спрогоспію въ разсужденіи музыки инстру-
ментальной, копорую почипалъ опасною для
благонравія. По его приказанію, музыкальныя
орудія опобраны во всѣхъ публичныхъ и ча-
стныхъ домахъ и созжены на площади. Одинъ
Никиша Ивановичъ Романовъ-Юрьевъ, род-
спвенникъ и любимецъ Царскій, могъ удер-
жапъ у себя музыку и ею забавляпсья. Сей
Бояринъ не во всемъ слушался Папріарховъ,
и опваживался иногда споришь съ ними.

Мы обязаны Никону извѣспною Русскою
лѣтописью, копорую Г. Шлецеръ назвалъ
Никоновскою, попому что сей Папріархъ
оспавилъ на ней собственноручную надпись.
Впрочемъ, Сочинишель, или лучше сказапъ,
Собирапшель сей Лѣтописи неизвѣспенъ; зна-
емъ только, что она доведена до 1630 года,
и почти во всемъ сходспвуешъ съ большимъ,
или Папріаршескимъ спискомъ. Тапищевъ за-
мѣчаешъ, что Никонъ выбросилъ и перемѣнилъ
мѣспя, соопвѣпспвенно образу своихъ мыслей
и чесполубивымъ своимъ видамъ; гдѣ, на при-
мѣрѣ, въ прочихъ Лѣтописяхъ было: Посла
Князь, или повелѣ Князь Мипрополипу или
Епископу; шупъ спспановлено: и моли Князь

опца своего Митрополиша или Епископа. Никонъ имѣлъ оспорожностъ предасть анафемѣ того, кто дерзнулъ бы дѣлать перемѣны въ его книгѣ; это видно изъ надписи, начерпанной на списокъ въ 1661 году, во время его пребыванія въ Воскресенскомъ монастырѣ, сущія при года по оставленіи Папріаршаго престола.

Не лзя точно опредѣлить времени, съ котораго началось несогласіе между Государемъ и Папріархомъ; явную вражду ихъ надлежитъ относить къ 1658 году. По грамотѣ Царской, писанной 21 Февраля слѣдующаго года, Полоцкому Богоявленскому монастырю велѣно состоять подъ начальствомъ Каллиста, Епископа Полоцкаго и Вишебскаго, вопреки грамотѣ Папріарха Никона, принявшаго за годъ передъ тѣмъ, упомянутый монастырь подъ непосредственное свое вѣдомство. Замѣтимъ различіе въ тонѣ сего Первосвященника. Смиранный Никонъ во увѣщаніи къ духовнымъ и мірскимъ всякаго сословія людямъ, писанномъ въ 1656 году, о предоспорожностяхъ моровой язвы, именуешь себя просто Архіепископомъ Московскимъ и Папріархомъ всея Россіи; напрошивъ того *высокомѣрный* Никонъ въ грамотѣ на Спавропигію Полоцкаго Богоявленскаго монастыря превозноситъ себя *Великимъ Государемъ, Святѣйшимъ Нико-*

номъ , Архіепископомъ Московскимъ всея Рос-
сіи , всея *Сѣверныя страны и Поморія*
и многихъ государствъ *Патріархомъ* , и
повпоряешъ покрайней мѣрѣ пять разъ шип-
ло *Великаго Государя*. При другихъ об-
стоятельстввахъ это не должно насъ оспа-
навливашъ: Цари въ Грамотахъ своихъ не
рѣдко именovali Папріарховъ Великими Госу-
дарями. Какъ бы то ни было , но , по низвер-
женіи Никона , Папріархи имѣли шипуль уже
не Государя , но *Великаго Господина* — ссы-
лаемся на старинныя записки и бумаги , на-
печатанныя въ древней Россійской Вивліюѣикѣ.

Повѣствованіе объ умысленныхъ , явныхъ
оскорбленіяхъ начнемъ съ анекдота , дошедшаго
до насъ черезъ Тапищева. Трудно повѣришь , до
какой степени спраси могутъ ослѣплять че-
ловѣка. Слѣдующій примѣръ показываетъ спран-
ное власполюбіе. Одинъ Дворянинъ , осужден-
ный за убійство на смертную казнь , подку-
паетъ Духовника Царскаго исходапайсво-
вашъ себѣ прощеніе. Правосудный Государь
отказалъ въ просьбѣ ходашаю , копорый раз-
свирѣпѣвъ , по нечеспивому дерзновенію оплу-
чилъ Порфироснаго Сына своего опъ прі-
общенія Свяпыхъ Таинъ. Монархъ , благо-
говѣя къ Религіи и уважая перваго ея Служи-
теля , просилъ Никона войши въ разсмопрѣ-
ніе сего дѣла ; но Папріархъ опрекся испол-

нишь волю Государя, и тѣмъ нанесъ ему крайнее огорченіе. Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, предвидя, какія слѣдствія для Опечесства можетъ имѣть сей поступокъ, поѣхалъ къ Духовнику, и угрожая ссылкой, принудилъ его не только разрѣшить Государя, но и просить у него прощенія въ безразсудной дерзоспи. Царь взялъ себѣ другаго Духовника. Никонъ проклиналъ Долгорукаго, но по счастію, Князь не спрашилъ проклятія, злобою произносимаго.

Въ то время, когда война поглощала доходы государственныя, когда по крайнему недоспадку въ наличныхъ деньгахъ Правительство принуждено было ввести въ употребленіе монету мѣдную, вмѣсто серебряной, Никонъ, выстроивъ и обогативъ монастыри Иверскій и Крестный, основалъ еще новую Обитель, заложилъ большую каменную церковь по образцу Іерусалимской, неутомимо занимаясь постройкою и по большой части жилъ въ любимомъ монастырѣ Воскресенскомъ. Царь прислалъ къ нему ближняго своего человека съ извѣстіемъ о нашествіи Крымскихъ Татаръ на Русскую землю, и совѣтовалъ удалиться для безопасности въ Макаріевъ Калязинъ монастырь, укрѣпленный каменною оградой. Никонъ черезъ посланнаго велѣлъ донести Государю, что «у него и безъ Калязина есть

другіе монастыри крѣпкіе , а именно Иверскій и Крестный ; что онъ лучше согласился сидѣть въ тюрьмѣ на Варварскомъ крестцѣ у Зачатія подъ горою , и что прежде всего самъ хочеть видѣться съ Государемъ. » Папріархъ того же дня прибылъ въ Москву, остановился уже не въ Кремль , но на Иверскомъ подворьѣ , и велѣлъ опъ себя доложить Царю , что имѣетъ желаніе говорить съ нимъ , подастъ ему миръ и благословеніе , и попомъ удалился для безопасности опъ нашесловія иноплемennыхъ. Государь чувствуя праведное негодованіе , хошѣлъ кончить дѣло черезъ Думнаго Дьяка Алмаза Иванова ; но Никонъ упверждалъ , что благословеніе заочное ничто не значить и непременно требовалъ аудіенціи , копорой слѣдствиемъ было дозволеніе Папріарху отправиться въ дальніе монастыри Иверскій и Крестный. Царь пожаловалъ ему двѣ тысячи рублей на пухевыя издержки.

Таковое поведеніе наконецъ должно было вывести изъ терпѣнія добраго Монарха. Довѣренность его и дружба къ Никону уступили мѣсто явному негодованію , копорое и даль онъ замѣнилъ Папріарху по возвращеніи его въ Сполицу , опмѣнивъ выходы свои въ Соборную церковь въ торжественные праздники. Государь каждый разъ присылалъ къ Папріарху сказывающаго , чтобы его не ожидали. Гор-

дый Первосвященникъ счелъ не простибельнымъ оскорбленіемъ сіи опказы, и наконецъ подъ ничтожнымъ предлогомъ, въ присупсѣвіи многочисленнаго народа, распаленный неисповою яростію, совлекъ съ себя Архіерейскія одежды, оставилъ пресполь свой и паспву, опрекся опъ Папріаршеспва и пошелъ по грязи пѣшкомъ на Воскресенское свое подворье. Вспревоженный народъ провожалъ его съ рыданіемъ. Черезъ три дня онъ уѣхалъ на проспой шелѣгѣ въ монастырь Воскресенскій, не принявъ Папріаршей кареты, копорую Царь послалъ въ слѣдъ за нимъ съ своимъ Бояриномъ.

Тамъ Никонъ снова предался жизни прудолюбивой; возложилъ на себя желѣзныя вериги, упражнялся въ молишвахъ, изнурялъ себя спротимъ воздержаніемъ, носилъ кирпичи для спроенія церкви, копалъ пруды, рубилъ дрова, косилъ сѣно, словомъ, учаспвовалъ во всѣхъ работахъ. Такія подвиги непрепятспвовали опшельнику запѣвать непонятныя спранности и покушались на дѣла непозволенные. Опказавшись опъ Папріаршеспва и зная, что храненіе преспола поручено одному изъ Мипрополиповъ, Никонъ не переставалъ священнодѣйспвовать Архіерейски, посвящаяъ Духовенство, разсылаяъ грамошы; на молебнахъ проклиналъ Спольника Романа Бабарыкина, читая тексты изъ Псалмовъ Давидовыхъ: « да бу-

дешъ дворъ его пуспъ, а жена его вдова, и чада его сироты,» и пому подобные; жаловался, что Царь присвоиваетъ себѣ власпъ духовную, прїѣзжалъ въ Москву досаждапъ Государю; увезъ изъ Собора жезлъ Св. Пепра Митрополипа, стоящій на Папріаршемъ мѣспѣ; билъ и мучилъ людей по своей волѣ.

Надлежало приняпъ рѣшипельныя мѣры. Въ 1660 году, почти два года послѣ Никонова опреченія, Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ соспавипъ Соборъ духовный для разсмотрѣнія поступковъ необузданнаго Первосвященника. Поданы были голоса, что безъ Вселенскихъ Папріарховъ Соборъ не можетъ судипъ своего Паспыря. Черезъ шеспъ лѣпъ, по приглашенію опъ Царя, прибыли въ Москву два Папріарха, Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, и соспавивъ съ Греческимъ и Россійскимъ Духовенспвомъ, подъ предсѣдапельспвомъ самаго Государя, Соборъ, призвали Никона для опданія опчепса. Высокомѣрный Никонъ вошедъ въ палату, по обыкновенію своему, началъ досаждапъ Царю грубыми опвѣпами.

Монархъ опкрылъ засѣданіе Собора Рѣчыю, въ копорой жаловался на Никона. Главныя вины Папріарха соспояли въ самовольномъ опспавленіи паспывы, въ прокляпії вельможъ Московскихъ и въ написаніи къ Папріарху Конспанши-

нопольскому укорительныхъ на Царя грамотъ. Никонъ съ гордоспїю оправдывалъ свои поступки, доказывая, что имѣлъ на то основательныя причины. По окончаніи засѣданія Государь послалъ Никону Царскій обѣдъ свой, котораго Папріархъ не принялъ.

На второмъ засѣданіи Никонъ еще болѣе досадилъ Государю, обвиняя его въ томъ, будто онъ подущалъ Соборъ выдумывать оклеветанія; а на жалобу Монарха объ укоризнахъ, написанныхъ въ письмѣ къ Папріарху Константинопольскому, опивчалъ, что онъ жаловался Папріарху тайно, какъ своему брату, но что Государь самъ сдѣлалъ ихъ явными передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Первыя два засѣданія совершены были во Дворцѣ, а прелѣе, на которомъ Царь уже не присушествовалъ, въ малой церкви Чудова монастыря. Тутъ Воспочные Папріархи прочли Никону приговоръ объ его низложеніи, сняли съ него клобукъ и панатію, и оставили его въ званіи простаго монаха. Никонъ имѣлъ швердоспъ выругать Вселенскихъ Папріарховъ, называя ихъ скипающими пришельцами и наемниками.

Разсмапривая поступки Никоновы, не имѣемъ причины сомнѣваться въ точной справедливости сихъ обвиненій, которыя сами по себѣ столько важны, что кажется не было надоб-

носпи вносишь въ приговоръ другихъ преступленій, не заслуживающихъ особливаго вниманія. Упомянемъ о нихъ для соблюденія порядка историческаго, и для показанія, сколь далеко проспирались запѣйливоспъ и упрямство покойнаго характера Никонова. Онъ нарекъ монастырь свой Новымъ Іерусалимомъ; мѣста въ немъ переименовалъ Галгофою, Назарепомъ, Виѡлеемомъ, Іорданомъ и Галилеею; себя называлъ Папріархомъ Новаго Іерусалима. Вселенскихъ Папріарховъ поносилъ безпреспольными; суда ихъ не почипалъ законнымъ; опвергалъ правила помѣспныхъ Соборовъ, бывшихъ послѣ седмаго Вселенскаго, и книгу, называемую Номоканонъ Воспочный, нарицалъ ерешическою.

Никонъ во все время пребыванія своего въ монастырь Воскресенскомъ пользовался доходами съ деревень и хозяйспвенныхъ заведеній. Царь помня прежнія заслуги его и добродѣтели, уже передъ опвезеніемъ въ Терапонтовъ Бѣло-озерскій монастырь, мѣспо назначенной ссылки, послалъ къ нему съ Окольниковымъ Спрѣшневымъ соболями и лисьи шубы, деньги и прочіе поспребности; Никонъ ничего не принялъ. Находясь въ изгнаніи и терпя недоспапокъ, онъ много разъ опвергалъ съ презрѣніемъ присылаемые отъ Царя подарки.

Разсмотрѣвъ поведеніе Никона, прежде и послѣ самовольнаго опреченія его опъ Папріаршества, каждый согласился, что такой безпокойный характеръ не могъ бытъ терпимъ въ Государствѣ Монархическомъ. Не довольствуясь духовною властію, онъ помышлялъ о присвоеніи себѣ власти гражданской; хотѣлъ царствовать, управляя волею Государя. Если предположимъ, что Никонъ дѣйствовалъ безъ особыхъ плановъ, что поступки его не имѣли направленія къ опдаленной цѣли, что его высокомеріе пребовало только минувныхъ жерпѣвъ для насыщенія себя — и тогда благоразумный Монархъ долженствовалъ бы удержать вредныя зашѣи сановника, забывающаго свои обязанности. Что было бы съ Опечесствомъ, когдабъ вмѣсто рѣшительнаго Алексія сидѣлъ на пресполѣ Царь, подобный слабому Θεодору? Какъ сомнѣваться, что въ лицѣ Никона не воскресъ бы новый Годуновъ, основавшій величіе свое на развалинахъ Царскаго дома?

Пребываніе Никона въ заточеніи объясняетъ его характеръ и показываетъ, на что могъ онъ опважиться. Живучи подѣ присмотромъ, будучи проспымъ монахомъ — въ то время, когда великодушный Царь забоиился о доспавленіи ему разныхъ удобностей и выгодъ, присылалъ къ нему деньги и подарки, — Никонъ велъ переписку съ людьми, себѣ преданными,

величалъ себя Россійскимъ Папріархомъ, оппращалъ Божію службу ; на экпеніяхъ велѣлъ поминалъ себя Свяшѣйшимъ Папріархомъ; не пропускалъ случая дѣйствовать на умы, приводя тексты изъ Священнаго писанія на счетъ Государя и своихъ приспавовъ, напримѣръ: « Господи! не поспави имъ въ грѣхъ сего ; Опче ! оппусти имъ , не вѣдящъ бо , что шворящъ,» и проч. ; водрузилъ на островѣ, подлѣ Оерапонтова монастыря , крестъ съ надписью , означающею , что «Никонъ Папріархъ започенъ за слово Божіе и за Свящую церковь ;» вырѣзалъ подобныя надписи на всѣхъ своихъ домашнихъ сосудахъ мепаллическихъ. Ведя себя такимъ образомъ , ссорясь безпрестанно съ людьми , его окружающими, онъ показывалъ, будто всѣ ищущъ его гибели. Къ Государю и Папріарху доходили частыя жалобы на Никона. Присланныя изъ Москвы для разсмотрѣнія поступковъ его чиновники, Архимандритъ Павелъ, Дворянинъ Иванъ Желябовскій и Дьякъ Семень Румянцовъ, воспрѣчены были ругательствами. Признано нужнымъ перевести его въ Кириловъ монастырь Бѣлозерскій, и взявъ оспорожнѣйшія мѣры въ разсужденіи присмотра за его поведеніемъ. И туда Папріархъ Іоакимъ принужденъ былъ посылать людей для опобранія у Никона панатіи и двухъ печатей , которыя , вѣроятно , были на что нибудь употребляемы , иначе никто не зналъ

бы, что онъ хранились у Никона. Это происходило уже по смерти Царя Алексія Михайловича. Доспойный преемникъ Его, Царь Θεодоръ Алексіевичъ въ 1681 году, слѣдспвенно на семдесяпъ шеспомъ опъ Никонова рожденія, уваживъ предспашельспво Царевны Тапіаны Михайловны и просьбу многихъ духовныхъ и свѣпскихъ особъ, разсудивъ, что обспояпельспва перемѣнились, и что безпокойный нравъ преспарѣлаго Никона ни для кого уже не могъ бытъ опаснымъ — повелѣлъ перевести его въ монастырь Воскресенскій. Никонъ скончался въ Ярославлѣ 17 Августа, на пупи, возвращаясь изъ започенія и погребенъ въ монастырь Воскресенскомъ, имъ основанномъ. Папріархъ Іоакимъ не любилъ Никона, и опрехся присупспвовапъ при его погребеніи. Напропивъ того Царь Θεодоръ Алексіевичъ своими руками предалъ землѣ пѣло мужа, нѣкогда бывшаго любимымъ и полезнымъ Опечеспву; повелѣлъ именовапъ его по прежнему Папріархомъ Россійскимъ, и испросилъ опъ Вселенскихъ Папріарховъ грамопы объ его прощеніи. Безъ сомнѣнія Царь Θεодоръ увидѣлъ, сколько нужно сдѣлапъ почпенною для гражданъ памяпъ великаго Первосвященника, чпобы посрамипъ грубыхъ невѣждъ и раскольниковъ, копорые не шерпѣли Никона и радовались, видя мнимаго своего врага во изгнаніи.

Никонъ былъ челоѡкъ. Оплачемъ страсти, копорыми разсудокъ не всегда бываетъ въ состояніи управлять для благополучнаго достиженія къ пристани безмятежной.

Каченовскій.

II. Д Е Р Ж А В И Н Ъ.

Угасло одно изъ свѣпиль Поэзіи нашей, лучезарнѣйшее свѣпило ея! Державина нѣтъ! Смерть похишила въ немъ у Музъ почтеннаго ихъ Неспора, у Опечеспва мужа знаменипаго, прошедшаго со славою и пользою поприще долгой жизни, — у ближнихъ и друзей добродушнаго спарца, украшеннаго семейспвенными добродѣтелями. Пускай другіе слѣдуютъ за нимъ на пупи гражданской службы, заспаютъ его проспымъ рядовымъ на часахъ въ день восшеспвіа на пресполъ ЕКАТЕРИНЫ II, и попомъ съ удивленіемъ увидятъ его любимцемъ, Спапсъ-Секрепаремъ и пѣвцомъ ЕКАТЕРИНЫ Великой: мы кинемъ взглядъ на его поприще литературное.

Упрапою великихъ людей, сею гореспною цѣною, покупаеися прискорбное право говорить о нихъ свободно. Съ одной спороны недоброжелательспво не упрекнетъ крипика лестію; съ другой спрахъ оскорбитъ раздражительное

самолюбіе не увлечетъ его за границу надлежащихъ похвалъ.

Державинъ, какъ другой Ломоносовъ, создалъ самъ себя. Судьба не уравнила пупи, по которому онъ долженъ былъ достигнуть до первыхъ степеней Государственнаго чловѣка и вершины славы піипической. — Первые порывы піипического таланта ознаменовались въ гвардейскомъ сержантѣ. Послѣ того Оды, написанныя при горѣ Чешалагаѣ и напечатанныя въ 1777 году, изъ которыхъ многія переправленныя явились послѣ въ свѣтъ подъ другими названіями, показали малому тогда числу любителей Поэзіи достойнаго наслѣдника лиры Ломоносова, а прозорливому взгляду просвѣщенныхъ судей и будущаго побѣдителя сего творца и образователя Русской Поэзіи.

Свѣпильникъ наукъ въ первые годы его молодости не озарялъ передъ нимъ міра, въ которомъ тогда единспвеннымъ вождемъ и исполкователемъ его таинспвѣ былъ ему вдохновенный геній его, душа пылкая и умъ прозорливый и наблюдапельный. Первыми его учителями въ Спихотворспвѣ были, кажется Ломоносовъ и Пепровъ. У перваго онъ научился звучности языка піипического и живописи Поэзіи; у другаго похитилъ онъ тайну заключающую живую, или глубокую мысль въ живомъ и

рѣзкомъ стихѣ — тайну совершенно неизвѣстную Ломоносову.

Въ скоромъ времени Державинъ сравнился съ наставниками, и конечно превзошелъ Пепрова. Недолго однако же слѣдовалъ онъ по дорогѣ, проложенной его предшественниками. Свое-нравный геній его, испытавшій богатство и свойство языка почти новаго, пробилъ себѣ путь особенный, на которомъ не было ему вожакаго и не будешь достойнаго послѣдователя. Безъ сомнѣнія, если многія изъ Одъ Державина могутъ раздѣлиться на опредѣленные роды: Пиндарическій, Гораціанскій, Анакреотическій, то многія по всей справедливости должны назваться Державинскими. И спрогій законодапель вкуса и правилъ не усомнился прибавить новую статью къ своей Пипикѣ. Какая словесность древнихъ или новѣйшихъ народовъ могла служить ему образцемъ для Одъ: *Фелица, Изображеніе Фелицы, Видѣніе Мурзы, Осень во время осады Очакова, Счастіе, на похоть въ Персію, Вельможа* и проч. Не говорю уже объ Одѣ на смерть Мещерскаго или къ первому сосѣду, гдѣ конечно нашъ Поэтъ, слѣдуя Горацію, одѣлъ глубокія испины и Философію прелестію Поэзіи; но кисть и краски занялъ онъ не у Римскаго Поэта. Не говорю уже о водопадѣ, гдѣ все дышитъ дикою и ужасною красою, гдѣ Поэзія побѣ-

дила Живопись, но гдѣ, къ сожалѣнію, не видно единства въ расположеніи и примѣпно, что Поэтъ (какъ почто, говорятъ, и было) составилъ свою Поэму въ разныя времена и изъ разныхъ часпей. Піэсы вышеназванныя и нѣкоторыя другія можно называть рудниками поэзіи, сокровищемъ опаснымъ, до котораго на свою гибель допронесся рука легкомысленнаго послѣдователя. Изъ всѣхъ Поэтовъ, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ, можетъ быть, Державинъ болѣе всѣхъ отличился оригинальностью, и потому родъ его долженъ оспаться неприкосновеннымъ. Природа образовала его теній въ особенномъ сосудѣ — и бросила сосудъ. Державину подражать не можно, то есть Державину въ красотахъ его. Подражали его заимствуютъ одни пороки, но ни одной красоты, ни одной мысли, ни одного щастливаго выраженія изъ могущественной и упрямой руки тенія не испоргнуть. Но если Державинъ, какъ создатель рода, до него неизвѣстнаго, сорвалъ вѣчнозеленую пальму Поэзіи, то и по творческимъ подражаніямъ онъ можетъ занять мѣсто на ряду съ величайшими Поэтами. Сомнѣваюсь, чтобы Анакреонъ превзошелъ нашего Пѣвца въ прелести и простотѣ стихотвореній, освященныхъ его именемъ; развѣ, можетъ быть, по достоинству слога, о которомъ одни современники его могли судить безошибочно, но конечно не

по прелести живописи, запѣйливой игривости и свѣжести воображенія. Я забываю Анакреона, чипая *Хариты*, *Рускую пляску*; вижу передъ собою Державина, сего единспвеннаго Пѣвца, пворящаго среди печальныхъ снѣговъ Сѣвера огненные розы Поэзіи, — розы, соперницы цвѣповъ, нѣкогда благоухавшихъ подъ счастливымъ небомъ Аппики. Въ самомъ подражаніи его нѣтъ ничего рабскаго, заимспвеннаго. Чипая Державина и Анакреона, вы скажете конечно: ихъ души были сродны. Державинъ при дворѣ роскошнаго Иппарха говорилъ бы языкомъ мудреца Θεоскаго; еслибъ Анакреонъ родился на берегахъ Невы, то упопребилъ бы всѣ краски Державина для соспавленія сихъ малыхъ, но безцѣнныхъ карпинъ, дышащихъ безпечноспію и нѣгою. Горацій, перенесенный судьбою изъ влажнаго Тибура или опъ роскошныхъ водъ Баіи, Горацій, желая поразить мыслию о смерти кипящее радоспію и всегда легковѣрное въ счастіи сердце, не сказалъ ли бы какъ нашъ Поэтъ:

Гдѣ сполъ былъ яспвъ, шамъ гробъ споишъ,

Гдѣ пиршеспвъ раздавались клики,

Надгробные шамъ воюшъ лики,

И блѣдна Смерть на всѣхъ глядишъ....

И счастливецъ содрогнулся бы при сихъ словахъ, подобно какъ опъ шѣхъ спиховъ, въ копорыхъ Горацій напоминаетъ роскошному

Римлянину, что изъ всѣхъ распѣній, украшающихъ его садъ, послѣдуетъ за нимъ одинъ печальный кипарисъ въ печальную обитель пѣней.

Въ теченіи прехъ царствованій раздавались пѣсни Державина. Но блестящій вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ, сей пиитическій вѣкъ славы Россіи (котораго Державинъ, казалось, былъ посреди насъ живымъ и краснорѣчивымъ памятникомъ), былъ лучшею эпохою и его славы. Онъ заспалъ его въ полномъ цвѣтѣ мужества и силы. Настоящіе дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народного мужества, были свидѣтелями закаша его генія, удрученнаго лѣтами. Но подвиги сыновъ Суворова часто пробуждали опъ сна его Пѣснопѣвца, и извлекали изъ лиры, уже охладѣвшей, звуки, достойные минувшихъ дней. Двѣ или три изъ пьесъ, написанныхъ Державинымъ въ послѣдніе три года, можно назвать прощальною пѣснью умирающаго лебедя.

Часто Державинъ, увлеченный своенравіемъ смѣлаго генія, среди лирическихъ воспорговъ пламенѣлъ негодованіемъ Ювенала, и струны Пиндарической лиры мешали укоризны въ порокъ, пробуждая препетомъ раскаянія пресупное упоеніе развратныхъ любимцевъ счастья. Нѣкоторыя изъ Одъ его, какъ напр. *Вельможа*,

могушь по справедливости назваться лирическими Сапирами.

Первый томъ его стихотвореній, кромѣ пиитическаго достоинства, имѣетъ для насъ и другую привлекательную сторону: онъ одинъ живописуетъ глазамъ нашимъ картину Двора Великой Монархини, родитъ въ сердцахъ нашихъ драгоценныя воспоминанія и сохраняетъ для внуковъ нѣкоторыя черты лицъ, игравшихъ значительныя роли въ семъ періодѣ, столь обильномъ чудесными происшествіями. По этой причинѣ вспрѣчающся въ Державинѣ мѣста темныя, сомнительныя для насъ, еще не столь опдаленныхъ отъ времени, въ которомъ они писаны, и къ которымъ потомство совершенно потеряетъ ключъ. Державинъ написалъ поясненія на два первые тома; они хранятся въ рукахъ мужа почтеннаго, знающаго имъ цѣну. Можно надѣяться, что сей ревнитель Руской Словесности, которая обязана ему многими полезными трудами, со временемъ употребитъ съ пользою драгоценность, ввѣренную ему Державинымъ.

Иные сравнивали Державина съ Ломоносовымъ, но что между ими общаго? Одно: томъ и другой писалъ Оды. Родъ, избранный ими, иногда одинаковъ; но духъ Поэзіи ихъ различенъ. Ломоносовъ въ стихахъ своихъ болѣе Орапоръ, Державинъ всегда и вездѣ Поэтъ.

И топъ и другой бывающъ иногда на равной
высопъ; но первый восходишъ поспешенно и
съ примѣпнымъ прудомъ, другой быспро и не-
примѣпно на нее возлѣпаетъ. Ломоносовъ въ хо-
рошихъ спрофахъ своихъ плыветъ величавымъ
лебедемъ; Державинъ паритъ смѣлымъ орломъ.
Одинъ плѣняетъ насъ спройноспію и пиши-
ною движеній; другой поражаетъ насъ неожи-
данными порывами: то возноспся къ солнцу
и успремляетъ на него зоркій и поспоянный
взглядъ, то огромными и распущенными крыла-
ми разсѣкаетъ облако, и скрываясь въ немъ,
какъ бы съ умысломъ, являетъ изумлен-
нымъ нашимъ глазамъ въ новой и возрож-
денной красопъ. Ломоносова чипапелъ непод-
виженъ; Державинъ увлекаетъ, уноситъ его
всегда за собою. Державинъ пѣвецъ всѣхъ
вѣковъ и всѣхъ народовъ! Ломоносовъ пѣвецъ
Россійскаго Двора. Горацій не дожиль бы до
нашего времени, если бы изъ его пвореній
сохранились однѣ похвалы Августу. Можепъ
быпъ, тогда и во все не чипали бы его, или
чипали бы въ Лапинскихъ классахъ Универси-
пешовъ и Училищъ, и кругъ славы величай-
шаго изъ Поэшовъ-Философовъ былъ бы весь-
ма ограниченъ. Пиписическій теній Державина
возлагаетъ дани на всю Природу — и вся При-
рода ему покорна. Геній Ломоносова довольсп-
вовался нѣкошорыми данями, и мы негодуемъ

на его умѣренность. Вся природа говоритъ сердцу и воображенію творца Водопада пѣпическимъ и таинственнымъ языкомъ, и мы слышимъ отголоски сего языка. Ломоносовъ былъ, кажется, невнимателенъ къ ея вдохновеніямъ. Державинъ смотрѣлъ на природу быспрымъ и свѣпозарнымъ взоромъ Поэта-Живописца; Ломоносовъ медленнымъ взглядомъ наблюдалъ. Пѣпическая природа Державина есть природа живая; попъ же въ ней пламень, пѣже краски, поже движеніе. Въ Ломоносовѣ видны слѣды пруда и пщательная опдѣлка холоднаго искусства. Однимъ словомъ, все, что человѣчество имѣетъ священнѣйшаго, что человекъ имѣетъ благороднѣйшаго — доблестъ сердечная, состраданіе, праведное негодованіе и презрѣніе къ пороку, глубокія мысли о безсмертіи и Создатель, печальныя чувства при видѣ слабости и спраданій человечества, сердечныя воспоминанія юности, родины, великихъ дѣланій предковъ и современниковъ, всѣ сокровища души, ума и сердца, обогатили воображеніе величайшаго изъ Поэтовъ-Державина.

Будемъ справедливы и признаемся, что достоинство его, какъ Поэта, многимъ превышаетъ достоинство его предшественника; но что не менѣе того труды и подвиги Ломоносова — труды и подвиги исполинскіе. Если Державинъ обязанъ Природѣ своимъ геніемъ,

мы обязаны Ломоносову тѣмъ, что геній Державина, не имѣя нужды бороться съ предлагающими трудностями языка, могъ явиться на поприщѣ его достойномъ. Будемъ дивиться красотѣ изваянія ПЕТРА Великаго, искусству Художника; но будемъ благоговѣть и предъ прудами, побѣдившими самую Природу, и вызвавшими изъ нѣдръ земли огромное подножіе, служащее стапуъ достойною подпорою и украшеніемъ.

Желательно, чтобы искусная рука, ведомая вкусомъ и безприсраспіемъ, собрала избранныя творенія Державина. Съ сею книжкою могли бы мы смѣло предстать предъ славнѣйшими Лириками всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ, не опасаясь побѣдителя.

Образъ Державина, сей образъ, озаренный пламенникомъ генія, сохраненъ намъ знаменитымъ живописцемъ Тончи. Живописецъ — Поэтъ изловилъ, и, еспѣли смѣю сказаць, приковалъ къ холсту божественныя искры вдохновенія, сіяющія на піиписическомъ лицѣ сѣвернаго Барда. Геній живописца прозорливымъ, вдохновеннымъ взглядомъ постигъ печать генія Поэзіи, темную для слѣпой толпы. Картина, изображающая Державина въ царствѣ Зимы, останется навсегда драгоценнымъ памятникомъ, какъ для искусства, такъ и для ближнихъ, оплакивающихъ великаго и добродушнаго спар-

ца. Молодой Поэтъ, постигшій пламенною душою красоты знаменитаго Лирика, будетъ хранить образъ его въ уединенномъ своемъ свящилищѣ. Сей безмолвный памятникъ, краснорѣчивыми воспоминаніями повѣдаетъ ему славу Державина и будетъ завѣщать ему блестящій его примѣръ. Юный пипомецъ Музъ не будетъ подражать ему въ слогъ: но подобно ему, питая душу однимъ изящнымъ, однимъ тѣмъ, что достойно Музъ, усиливъ раждающійся талантъ и дастъ ему новыя крылья.

Разборчивая и спрогая Крипика изрѣчетъ со временемъ рѣшительной приговоръ достоинству Державина, и въ горнилъ своемъ очистишь золото отъ чуждой примѣси. Но мы, еще живо пораженные упрямю великаго мужа, въ первыя минуны горести, осыплемъ цвѣтами признапельности свѣжую могилу Пѣснопѣвца, котораго память не остынетъ въ сердцахъ ближнихъ его, а мѣсто, можетъ быть, еще на долгое время останется празднымъ на нашемъ Парнасѣ!

Князь Вяземскій.

П О В Ъ С Т И.

I. Зиновій Богданъ Хмельницкій

или

ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

Взошло прекрасное весеннее солнце и освѣ-
 пило грозныя стѣны и прелестныя окрестно-
 сти Чигирина. Весело пробуждались гордые Ли-
 товцы, но съ прискорбіемъ взирали на свѣшъ
 дневной сыны Малороссіи: первые господсп-
 вовали, другіе спонали подъ игомъ рабства.
 Одинъ изъ сихъ послѣднихъ, спарець, болѣе по
 гореспнымъ опытамъ бурной жизни, нежели по
 числу лѣтъ, убѣленный преждевременными сѣ-
 динами и снѣдаемый тайною грустію, за дол-
 го до разсвѣта оставилъ омоченное слезами
 ложе и вспрѣшилъ солнце на высокой горѣ,
 прошивъ Чигирина, среди опустѣлыхъ разва-
 линъ древняго замка. То былъ Филомаръ Хмель-
 ницкій, копораго имя ужасало нѣкогда Турокъ,
 славилось въ степяхъ Крымскихъ, уважалось въ
 самой столицѣ Польской. Съ обнаженною гла-
 вою, съ устремленными къ небу взорами, опер-
 шись на посохъ и погруженный въ безмолвное
 созерцаніе великолѣпнаго неба, онъ казалось,
 оплучался на вѣки опъ бурь мятежной земли.
 Упомленная бѣдспвіями душа сливалась зара-

нѣе съ ясностію лазури. Но глубокая задумчивость его мгновенно изчѣзаетъ при видѣ прекраснаго, стройнаго юноши.

— « Опець мой, дозволишь ли горячності сыновней излиться въ сердце твое? Дозволишь ли спросишь себя, что виною размышлений твоихъ? Утѣшаешься ли повсемѣстнымъ ликованіемъ природы, или возсылаешь ты обычную жертву моленій къ небесамъ? »

Филомаръ, вмѣсто отвѣта, открылъ объятія и юноша упалъ на грудь его. — « Ночь спарца корюшка, говорилъ Филомаръ: сонъ оставилъ меня еще до разсвѣта, а молитва моя упредила солнце. —

« Но ты спалъ крѣпкимъ сномъ, мой милой Зиновій! горячая слеза родительская, окропившая румяную ланицу твою, не пробудила тебя. — « Такъ, сонъ мой былъ крѣпокъ: чрезмерная усталость причинила его. Ты знаешь, родитель! что я вспрѣшилъ весну далеко отъ нашей хижины, далеко въ дремучихъ лѣсахъ. Преслѣдуя дикихъ звѣрей, переплывалъ я рѣки и провождалъ ночи въ пустынѣ. Ты самъ приучилъ меня къ трудамъ. — Вчера, утомленный дальностію пупи, бросился я на кожу убитаго мною медвѣдя и спалъ такъ сладко, такъ пріятно, какъ ни одинъ изъ гордыхъ повелителей нашихъ вѣрно никогда не сыпалъ на роскошнѣйшемъ ложѣ своемъ. Прелестныя мечпанія услаж-

дали душу мою. О родитель! я и теперь еще
 прелещу въ восторгъ опъ сихъ мечпаній! Не
 само ли небо послало мнѣ споль уладительной
 сонъ? и не предвѣщаетъ ли онъ будущаго?
 Выслушай, отецъ мой, что мнѣ снилось, вы-
 слушай! Сначала всѣ бѣдствія Опечества
 нашего, какъ бы въ нѣкоей пространной кар-
 тинѣ, живо и совокупно представились взору
 моему. Бѣдные поселяне уныло влчили плугъ
 подъ грозою бича Липовскаго. Кровавымъ по-
 томъ и горькими слезами орошали они землю,
 копорой плоды разхищали у нихъ гордые вла-
 спелины. Дѣвы оппоргались сласполюбіемъ пи-
 рановъ опъ сердца маперей; юноши насиль-
 но влеклись изъ домовъ опеческихъ подъ кро-
 вавыя знамена враговъ. Цвѣтъ полей и злакъ
 нашихъ нивъ пожираемъ былъ конями Липов-
 скими — и сыны Малороссіи, лишенные воли,
 собспвенностей и законовъ, изгибались подъ
 тяжкимъ бременемъ даней и налоговъ. Томно
 опзывался скрышной спонъ народа, глухо зву-
 чали цѣпи рабства. Солнце, казалось, не хопѣло
 свѣпипъ спранѣ порабожденной. Ночь и без-
 молвіе окружали Опечество наше. Вдругъ бле-
 снула молнія, прогремѣлъ громъ и въ слѣдъ за
 симъ раздался голосъ невидимаго: «Возстаньте и
 бодрспвуйте: часъ свободы насталь!» Въ пысятъ
 мѣспахъ воспрянули рабы и цѣпи сокрушились.
 Тысячи возникали среди полей; цѣлые полки,

какъ будто родясь изъ земли, спекались подъ хоругвія Опечесства. — Вездѣ слышны были призывные клики, вездѣ сверкало оружіе. Поля дрожали подъ копытами коней. Является Герой вдохновенный небомъ, подкрѣпляемый щаспїемъ. Онъ великъ — и тысячи Малороссійскія повинуются ему, подьемлеть мечъ — тысячи Липовскія бѣгутъ. — Великій духомъ раздѣляетъ рапи на ополченія, указываетъ ополченіямъ пути — и вся Малороссія двинется къ бою. — Долго свирѣпствовала брань. Наконецъ злодѣи изгнаны, Опечесство наше очищено и кровь Липовская, рѣками пролитая, смыла даже самые слѣды припѣснителей съ лица Малороссіи. Тупъ солнце возсіяло во всемъ своемъ блескѣ, мракъ исчезъ; небо раскрылось и Богиня, прелестная, какъ весна, цвѣтущая всѣми красами младости, остановилась въ воздухѣ на златомъ облакѣ. Она улыбнулась — и грома браней поухли: простерла руку — и навела пучную зелень на помныя поля. Нивы озлапились, города начали возникать и рѣки покрываться судами. . . . Всѣ узнали въ Богинѣ сей — свободу. Свобода! свобода! восклицали милліоны — и милліоны благоденствовали. . . . Но ты плачешь, родитель мой! . . Ты плачешь? чпо причиною твоихъ слезъ? —

« Сладкія напоминанія прошедшаго и горестъ настоящаго. Было время, говорилъ Филомаръ,

было время, когда и мнѣ снились такіе же сны; когда и я мечпалъ во снѣ, мечпалъ и на яву о свободѣ Опечеспва нашего. Блиспательна была заря жизни моей: я споялъ на высшей спепени у преспола Сигизмундова. Государь Липовскій называлъ меня другомъ, обвивая скипепрѣ свой лаврами, пожапыми мною за Дунаемъ на брегахъ Евксина. Часпо предлагалъ онъ мнѣ дары: я всегда оппрекался опъ даровъ его. Однажды не опспупно спрашивалъ Государь сей въ чемъ я полагаю мое счаспіе. Въ свободѣ Опечеспва моего, опвѣчалъ я. Опвѣпъ сей не полюбился Самодержцу власполюбивому; зависпъ воспользовалась симъ, клевета наполнила весь дворъ раболѣпнымъ шопопомъ о какихъ-по злыхъ умыслахъ, въ копорыхъ спарались меня обличипъ, и не обличивъ, опдалили опъ двора. Корыспюлюбивые вельможи, подъ благовиднымъ предлогомъ опняпія способовъ вредипъ Польшѣ, опняли все мое имущеспво. Сей замокъ предковъ нашихъ опуспѣлъ. Я перешелъ въ шеперешнюю хижину. Тамъ, не сперпя ударовъ рока, умерла нѣжная пвоя мапъ — и памъ же въ нѣдрахъ нищепы возросъ пы, сынъ мой! пы, рожденный въ счаспливѣйшія времена и можепъ быпъ опредѣленный къ жизни гореспной, а что всего ужаснѣе, и къ вѣчному рабспву. — Нѣпъ, родипель мой! не рабу даровалъ пы жизнь; не для рабспва воспиталъ меня....

Ахъ, не самъ ли ты возвысилъ духъ мой, внушилъ мнѣ благородство чувствъ; открылъ всю прелесть свободы и весь позоръ рабства?.. Не ты ли озарилъ умъ мой свѣтомъ наукъ? Не ты ли наградилъ меня средствами пользоваться опытами древности, восхищаясь бытописаніями Грековъ и Римлянъ? Удѣлъ рабства, родишель мой! есть невѣжество. И для чего знаешь рабу, что были люди, которыхъ великій духъ управлялъ народами; распоргалъ позорныя цѣпи, двигалъ престоломъ и спроилъ города среди глухихъ пустынь? Почему вызываешь мнѣ великихъ мужей изъ опдаленныхъ вѣковъ глубокой древности, когда и въ самыя не давнія времена, въ родной и сопредѣльной намъ державѣ найди подобныхъ можно? — Давноль разсѣялись грозныя тучи, гремящія въ пространныхъ небесахъ могущественной Россіи? И не сіи ли самыя Липовцы, которыхъ иго угнетаетъ насъ нынѣ, дерзнули наложить оковы на древнюю столицу Великихъ Царей? — Такъ; мгновенныя успѣхи довели ихъ до сей дерзости, но грома ужасной и справедливѣйшей мести низпали на главы ослѣпленныхъ гордынею. Святейшій спрадалецъ Гермогенъ, веле-рѣчивый Келарь Палицынъ, простой родомъ, но знаменистой любовію къ Отечеству Гражданинъ Мининъ и славныя вожди: Пожарской, Трубецкой, Ржевской, Ляпуновъ и множество

другихъ , услышавъ спонъ припѣсенной Россіи , возспали опѣ глубокаго уныніа , восколебали народъ , разпоргли узы плѣна и даровали жизнь и свободу любезному своему опечеспву. — Торжеспвуешъ Россія , но спонешъ Малороссія!... Доколѣ продлился спонъ ея? ... Ужели позорное рабспво сіе будешъ вѣчно? — Нѣшъ! я чувспвую , чшо не умру рабомъ!... Звукъ оружіа пріяпенъ слуху моему , война занимаешъ всѣ мои мечпанія , а слава ешъ крайнею цѣлію желаній моихъ. Оппусти меня! я полечу подъ знамена одного изъ сосѣдспвенныхъ Государей: буду сражапсья какъ левъ , и пролипшемъ крови и слезъ испрошу одной милоспи , чшобъ освободитъ хошя малѣйшій уголокъ порабощен- ной Малороссіи. Онъ вѣрно не опкажешъ мнѣ въ эшомъ , и тогда пусть все вокругъ меня пресмыкаешся въ шинѣ рабспва!... Жизнь независимаго процвѣпешъ въ сладкомъ дыханіи свободы и коспи мои уснушъ мирно въ землѣ неподвласпной. — О! ешъли бы всякой Малороссіянинъ мыслилъ и чувспвовалъ какъ мой Зинобій: Малороссія давно была бы свободна!» — Такъ воскликнулъ Филомаръ , обнимаа своего сына. — «Позволь же , родитель мой! позволь мнѣ , слѣдуя влеченію моего сердца , искашъ трудовъ воинскихъ и славы. — Кровь предковъ играешъ въ жилахъ его , говорилъ Филомаръ про себя: таже пылкость , шоже спрем-

леніе къ подвигамъ. » Потомъ обрапясь къ сыну: « моленія твои , уже неоднократно повпоряемыя, должны исполниться. Скоро совершится тебѣ 20 лѣтъ. Въ сіи лѣта Филомаръ Хмельницкій былъ уже покрытъ ранами и славою. . . А сынъ его ? Такъ ! намъ должно будетъ наконецъ разспасться ! но прежде всего надлежитъ тебѣ исполнить священную для насъ обоихъ обязанность. » —

Тутъ Филомаръ напомнилъ сыну своему о Вассіанѣ , его крестномъ опцѣ , о копоромъ и прежде ему говаривалъ не разъ. Мудрый Вассіанъ , близкій по родству и дружбѣ Филомару , былъ наставникомъ его въ юности и другомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. За долго предъ симъ уклонился онъ въ безмолвную пустыню на лѣсиспомъ берегу Днѣпра. Филомаръ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни совѣпвался съ нимъ и почелъ бы за пресупленіе не представишь Зиновія юношею тому , кто любилъ лелѣять его на рукахъ своихъ еще ребенкомъ.

Между тѣмъ солнце спояло уже высоко ; тѣни примѣнно сокращались ; зной спановился помпелень ; многочисленные спада овецъ съ шумнымъ блеяніемъ спѣшили съ полей въ рощи ; воны пропжно ревѣли подъ плугами. Упомленные рабы земледѣльцы искали мгновенной прохлады подъ тѣнію деревъ. Все возвѣщало часъ полудня ; а въ роскошныхъ чертогахъ вельможъ

Липовскихъ едва только начинался еще день. — Филомаръ и Зиновій, замѣнившій собою посохъ опцу своему, шихо сошли въ пѣниспую долину, гдѣ стояла ихъ хижина. Зиновій помогаль спарому служишелю пригошовлять дичь, принесенную имъ изъ лѣсовъ; подчиваль опца своего медомъ дикихъ пчель; поспилаль ему ложе изъ лиспьевъ и душиспыхъ правъ — и Филомаръ плакаль опъ умиленія при сихъ знакахъ горячності сыновней. Для избѣжанія дневнаго зноя, положено было опправишь Зиновія съ насупленіемъ ночи. — Филомаръ вручилъ ему пайное рукописаніе къ Вассіану — указаль пупъ къ жилищу пуспынника; снабдилъ совѣпомъ опыпности, благословеніемъ родительскимъ и юноша, съ дуломъ звѣнящимъ за плечами, играя легкимъ копіемъ, весело пуспился въ пупъ свой подъ алымъ блескомъ вечерней зари. — Онъ зашелъ было проспишься съ другомъ своимъ Осмундомъ; но Осмундъ былъ на охопѣ. Къ разсвѣпу быспрый юноша находился уже въ окреспностяхъ Днѣпра, копорый въ весеннихъ разливахъ попилъ высокіе берега свои и синѣлся, какъ море, въ опдаленности. Три ночи продолжалъ Зиновій пупъ вверьхъ къ испоку Днѣпра, провождая большую часпъ дня подъ пѣнію дубравъ. Дичь и лѣсныя плоды соспавляли пищу его. Каждая спрѣла, пущенная мѣпкою рукою юноши, при-

носила съ собою добычу. Онъ не хотѣлъ заходить въ села, гдѣ ничего не слышно было, кромѣ звуку бичей Липовскихъ и спону Малороссіянъ. Четвертая упренная заря освѣпила спранника въ жилищѣ пустынника. — Зиновій заспалъ спарца совершающаго упренное моленіе. Обнаженными колѣнами споялъ онъ на жесткомъ гранищѣ. Бѣлая брада спруилась до чреслъ. Свѣжій упренный въперокъ развѣвалъ кудри сребриспыхъ волосъ. — Юноша съ благоговѣніемъ оспановился и ожидалъ, пока моленіе кончится. « Кто ты, юный звѣроловецъ? » спросилъ Вассіанъ, окончивъ молитву свою: что заспавило тебя проникнуть во глубину дикой пустыни? » — Воля родителя моего и собственное желаніе осѣнишь себя своимъ благословеніемъ. Я Зиновій, сынъ Хмельницкаго, изъ Чигирина. — « Сынъ друга моего Филомара! » воскликнулъ спарецъ и дрожащими руками прижалъ юношу къ сильно біющемуся сердцу въ вѣпхой груди своей. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ разспросовъ и объясненій они вошли въ хижину; большое деревянное распятіе занимало въ ней одну спѣну; блѣдная лампада теплилась передъ нимъ. Зиновій подалъ харпцію опъ Филомара и между тѣмъ, какъ спарецъ читалъ, юноша озиралъ хижину любопытными взорами и спарался проникнуть въ смыслъ изображенныхъ на спѣнахъ ея кар-

шинъ. Живопись представляла разные лица изъ жившій свяшыхъ. На одной изъ картинъ написаны были спраданія мученицы; опрубленная голова дымилась кровію въ рукахъ испуленного опца убійцы. Другія представляли Христіанъ спраждающихъ въ глубо чайшихъ пещерахъ. Черной мракъ темницъ озарялся яркимъ сіяніемъ опъ лица Ангеловъ, прилѣпавшихъ окроплять несчастныхъ узниковъ небесною рососо утѣшенія. На прочихъ видѣлъ онъ дремучіе лѣса, безмолвныя пустыни, гдѣ опшельники, обремененными веригами перпѣнія, сражались съ пылками спраспями. Распаленное воображеніе пворило призраки и ужасы пустынные. —

Между тѣмъ Вассіанъ, у котораго старость при шупила зрѣніе, съ шрудомъ прочишывалъ писаніе своего друга и съ часпымъ помаваніемъ главы (въ знакъ сомнѣванія); неручаюсь, сказалъ про себя. — Трудно.... Однакожь по-пробуемъ. И обрапясь къ Зинобію: «внимаіе швое обращено на сіи картины, сказалъ онъ. Это плоды прежнихъ лѣпъ моего уединенія. Я послѣдовалъ примѣру сихъ угольниковъ Божіихъ: каждый изъ нихъ, послѣ бурнаго плаванія въ океанѣ свѣша, уклонялся въ мирную приспанъ уединенія и вечерѣя жизнию, шихо знакомился со смертію и вѣчностію. Но щасливѣе сто крапъ юноша, поспигшій всю цѣну уединенія, всю суепность наслажденій

земныхъ и высокое таинство жизни загробной!... Тихо займется заря дней его, весело опсвѣтитъ солнце жизни.... Въ глубокой тишинѣ едва слышенъ ему дальній шумъ міра и ропотъ суевливыхъ обитателей его. Любезный юноша! бури ужасають пловцовъ, бури заносятъ ихъ изъ одной части свѣта въ другую, — опъ береговъ, блистающихъ великолѣпными городами, къ дикимъ необитаемымъ странамъ: но бури житейскія свирѣпѣе морскихъ...» Зиновій слушалъ спарца и не могъ понять, къ чему клонились слова его. — Съ любезною простотою угощалъ Вассіанъ гостя своего и послѣ умеренной трапезы, предложилъ ему успокоиться опъ прудовъ. Юноша уклонился подъ тѣнь древняго дуба, подлѣ дремучаго источника, положилъ голову на мшистые корни, — и сладкой сонъ одѣлъ безпечнаго крыломъ своимъ.

Какъ пріятенъ сонъ юноши, въ лѣта щастливой невинности, доколѣ чувства безмятежны, душа покойна и совѣсть ясная, какъ лазурь неба, незапятнанъ плетворнымъ дыханіемъ спраспей! Во время сна Зиновіева пустынный, сидя у порога хижины, предавался глубокимъ размышленіямъ о важномъ порученіи своего друга. Еще разъ перечитывалъ онъ хартію его: «Я посылаю къ тебѣ сына, писалъ Филомаръ; кровь Хмельницкихъ кипитъ

въ жилахъ его и сердце сильно бьется при имени свободы и славы. Ученіе не могло довольно насыпить всѣхъ его способностей. Скоро уразумѣлъ онъ языкъ Гомера и Тацита, дѣятельность его неопуступно пребудетъ новой пищи: оружіе, лавры и слава — вопль его милая мечта, предмѣты надеждъ и желаній. Испытай сего любимца души моей, другъ мой! Проникни взоромъ мудрости твоей въ тайные извѣстія его чувствъ: можетъ быть еще средство утолить въ немъ сей гладъ юнаго сердца, сію жажду къ войнѣ; успокоить волненіе души, готовой принять въ себя всѣ страсти и подвергнуться всѣмъ бѣдствіямъ жизни. Пусть сладость бесѣды твоей смягчитъ въ немъ речивость юнаго духа, умиротворитъ чувства и попушитъ, если можно, сію пламенную страсть къ славѣ; ибо что такое слава міра сего? Я пробѣгаю рядъ славныхъ людей и не нахожу ни одного, который бы не спрадалъ оцъ неблагодарности народовъ и умеръ бы спокойно.... И я самъ не довольно ли испыталъ тщету всего величія земнаго.... О! если бы я тебя послушалъ, сколькихъ горестей, сколькихъ бѣдствій избавился бы въ жизни! — Признаюсь, я желаю, чѣмъ сынъ мой забылъ о свѣтѣ, и самъ, забытый свѣтомъ, въ спокойной неизвѣстности, подобно безыменному пустынному ручью,

провелъ вѣкъ свой мирнымъ господемъ юдоли
земной. Жажда къ военной славѣ разправляетъ
только душу, не дѣлая ее щасливою. Иное
дѣло, есѣлибъ у насъ было опечесѣво.... Но
мы рабы! испинная слава и безсмертіе не мо-
гутъ бытъ удѣломъ нашимъ. Испытай же моего
сына!... Есѣли увидишь, что духъ его не-
укропимъ и спремленіе къ подвигамъ не обо-
римо, то.... Видно всему роду Хмельницкихъ
суждено боротся съ бурями спраспей и бытъ
игрою случаевъ.» Кропкій Вассіанъ, все еще
въ задумчивости, пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ
уснулъ Зиновій; но его уже тамъ не было.
Черезъ нѣсколько часовъ юноша возвратился,
обремененный ношею наспрѣленной имъ дичи.

Съ воспоргомъ рассказывалъ онъ о множествѣ
разныхъ птицъ въ сихъ пущыняхъ, о дикихъ
звѣряхъ, копорыхъ ревъ доходилъ до него изъ
глубины лѣса. — Есѣлибъ былъ здѣсь, гово-
рилъ онъ, другъ мой Осмундъ, мой вѣрный
поварищъ въ прудахъ и сподвижникъ въ звѣ-
риной ловлѣ: то мы безъ спраху проникли
бы въ самую мрачность вашихъ лѣсовъ и смѣло
нападали бы на берлоги черныхъ медвѣдей.
«Видно ты очень любишь охоту? — сказалъ
Вассіанъ. — Какъ не любить ее! вѣдь она
почный образъ войны! — И при томъ та-
кую опасную. — Чѣмъ болѣе опасности, тѣмъ
больше славы!» — Спарецъ пожалъ плечами

и вошелъ въ хижину совершать вечернее моленіе. Зинобій оспался одинъ, управлялъ свою дичь, смопрѣлъ на заходящее солнце и мечталъ. . . . Шумъ деревъ, гулъ и шелестъ по лѣсамъ представляли пылкому воображенію его шествіе полковъ. Ему казалось, что дубравы преобразались въ ополченія, поля покрывались строями и звукъ оружія далеко распекался по вѣтрамъ. Бурное печеніе Днѣпра еще болѣе пишало мечтательность его, представляя образъ сраженій. День прошекъ; солнце, озлапивъ зеленые вѣнцы горъ, остановилось на минушу въ видѣ свѣтлаго алаго шара, тихо зыблясь въ сизыхъ пѣняхъ, среди зубчатыхъ гранистыхъ скалъ. . . . Наконецъ оно утасло и вечеръ со всѣми своими прелестями наступилъ. — Пустынникъ кончилъ молитву, взялъ юнаго госня за руку и медленными стопами пошелъ съ нимъ на возвышеннѣйшій холмъ къ Днѣпру. — Они сѣли. Обширный кругъ окрестностей представился ихъ зрѣнію: рѣка шумѣла по долинамъ; берега ея попонули; верхи высокихъ горъ зеленѣли въ видѣ мѣлкихъ острововъ; земляныя глыбы и бурею испорженные деревья носились по волнамъ; луна тихо всплывала на горизонтъ; хладные лучи ея, казалось, приподымали край завѣсы, коюрою ночь покрыла землю. Вечернія росы разсыпались алмазными искрами и засвѣпились! —

Все посребрялось въ той сторонѣ, тогда какъ въ пропивулежащей темнѣли сумерки. Заря догарала въ румянѣмъ сіяніи; пурпуръ освѣчивался въ зеркалѣ тихаго залива. Ничто не нарушало глубокой тишины ночи, кромѣ глухо ревушихъ водъ и таинственнаго шопота засыпающихъ лѣсовъ.

При семъ священномъ величествѣ Природы, пустынникъ и Зиновій долго безмолвствовали въ умиленіи сердечномъ. Наконецъ первой прервалъ молчаніе: «Ты видишь, говорилъ онъ, что съ окончаніемъ дня, вся природа умолкаетъ и покоится: такъ проходишь день суешь нашихъ! и цѣлая жизнь не есмли одинъ мятежный день? Иные до самаго гроба не знаютъ успокоенія, борясь непрерывно съ волнами пучинъ мірскихъ; а я, благодаря Провидѣніе, хотя скользкою стезею опытовъ, достигъ однакожь надежной и безшумной пристани. Живя въ обществѣ, среди безчисленнаго множества воплощенныхъ страстей, нельзя не покориться имъ. Но уединеніе ограждаетъ человека отъ всѣхъ постороннихъ навѣтовъ, отъ всѣхъ внѣшнихъ ударовъ судьбы. Когда война свирѣпствуетъ въ какой-либо чуждой области, мы сожалѣемъ только о бѣдныхъ гражданахъ ея. Но тогда, кто имѣетъ тамъ свои помѣстья и дома, тогда горько слышитъ, спрашивается, что все его иму-

щество погибнешь отъ меча и пламени враговъ. — Общество людей есть поле вѣчныхъ битвъ. Кто имѣетъ въ немъ собственности, тотъ долженъ безпрестанно препепашь о поперѣ ихъ....» Вассіанъ говорилъ съ жаромъ. Юноша слушалъ съ почтеніемъ и равнодушіемъ: въ продолженіи рѣчи спарца осприлъ онъ на опломкѣ граница копіе свое, служившее ему вмѣсто посоха. — Пустынникъ примѣпилъ холодность слушающаго и продолжая испытаніе, завелъ совсѣмъ другой разговоръ: «Сколько тебѣ лѣтъ? — Отецъ мой говоритъ, что уже скоро кончится двадцать. — И я думаю тоже. Ты родился, любезный Зиновій! въ блистательнѣйшую эпоху жизни твоего родителя.»

«Ополченіе козаковъ ввѣрено было Сигизмундомъ отцу твоему: онъ воздвигнулъ хоругвь опеческа и тысячи Малороссіянъ, ревностныхъ любительей славы и браней, спекались по гласу его. Филомару и мнѣ вручены были булавы начальства. Сыны Малороссіи не могли сражаться для свободы; но имъ дозволено было сражаться для славы — и полки храбрыхъ съ веселіемъ лепѣли на брань. Война была съ Турками. Еще Польскіе легіоны не успѣли двинуться, а быстрые Козаки уже покрыли берега Днѣпра лѣсомъ копій своихъ. Съ великою силою Визирь перешелъ рѣку и быстрые шатры свои раскинулъ на необозримыхъ долинахъ.

Турки недвигались далѣе и мы стояли. Съ каждою упреннею зарею воздухъ оглашался дикимъ крикомъ ихъ тысячей, возсылавшихъ моленія къ пророку. Топотъ и ржаніе безчисленныхъ коней, глухой бой по нахрамъ и рѣзкіе звуки трубъ наполняли окрестности бранною грозою; но отецъ твой, чуждый страха и врагъ бездѣйствія, равнодушно взиралъ на гордость Мусульманъ. — Умышленно показывая, будто спрашивая множества ихъ и желая окопаться, онъ повелѣлъ мнѣ, съ частію легкихъ войскъ, обойти безпечнаго непріятеля съ крыла. Съ вечера и до зари упренней шелъ я съ ополченіемъ своимъ по самымъ непроходимымъ и скользкимъ въ концѣ осеннихъ мѣсяцевъ путямъ. При слабомъ мерцаніи умирающей луны, то взбирались мы на крупизны горъ, то сходили въ пропасти и съ саблями въ рукахъ пробирались сквозь чащу дикаго лѣса. Наконецъ восходящее солнце указало намъ хребетъ непріятельскихъ ополченій. Ревность въ бою превозмогла усталость: никто не думалъ объ отдыхѣ; мы подали условный знакъ — и....»

Тутъ Вассіанъ остановился, чѣмъ взглянулъ на Зиновія. — Юноша пылалъ; глубокое вниманіе оковало все чувства его; онъ съ жадностію пожиралъ каждое слово старца — и....

«Далѣе, отецъ мой! далѣе! я стараю терпѣніемъ слушать тебя.» Спарецъ посмотрѣлъ на

юношу, улыбнулся и продолжалъ: «и — пушки, искусно скрытыя опцемъ пвоимъ, загремѣли.... Мы ударили съ пылу, а конница Малороссійская, разпахнувъ знамена, сомкнувъ ряды и громко воскликнувъ: за вѣру и славу! быспрѣвихря помчались на чело спана Турецкаго.... Пораженіе было совершенно: огромный спанъ, великіе обозы, богатство и профей доспались въ руки Козаковъ и опецъ пвой, подъ пучами густаго дыма, на поляхъ, облипыхъ кровію и успланныхъ прупами — принялъ свѣжій лавръ изъ рукъ побѣды. — О мой опецъ! великій опецъ мой, воскликнулъ юноша внѣ себя, обливаясь горячими слезами: для чего не говорилъ пы мнѣ никогда о славѣ пвоей? Съ какимъ пламеннымъ воспоргомъ облобызалъ бы я побѣдоносныя длани героя! Но продолжай! ради Бога продолжай! Бесѣда пвоя пріятнѣе млека въ день жажды и слаще меда ароматныхъ липъ. — Опецъ пвой написалъ съ поля сраженія къ Сигизмунду: «Государь! Легионы Польскіе были еще далеко, а непріятель въ глазахъ; храбрые Козаки горѣли неперпѣніемъ сорвапъ шапры непріятельскіе концами копій своихъ: — мы сразились; маперъ Божія спала за насъ. Магомепъ дрогнулъ и сила гордыхъ разбила въ прахъ! Плѣнныхъ пашей и профей съ благоговѣніемъ повергаю къ спопамъ Твоимъ.» — Сигизмундъ, признапелый къ за-

слугамъ Филомара, не умедлилъ благодарностію. Мечъ, осыпанный дорогими каменьями, булава Гепманская и бунчукъ приготовлены были въ даръ побѣдителю. Супруга Сигизмундова собственными руками вышила почешное знамя для войска Казацкаго. Съ сими-то дарами оправи-
вилась къ арміи пвоя мапъ, бывшая въ вели-
кихъ почеспяхъ при дворѣ. Многія преле-
спныя дѣвы изъ соопечеспвенницъ нашихъ
сопутспвовали ей. Между тѣмъ Филомаръ
не дремалъ на лаврахъ: онъ взялъ валовымъ
приспупомъ крѣпоспъ Турецкую и разбилъ
оспапокъ войскъ, оградившихъ себя окопами
въ полѣ. Тѣмъ кончилась война. — Въ это
время прибыла въ спанъ побѣдителей пвоя
мапъ. Она была беременна и вскорѣ разрѣши-
лась — побою. Ужасна была ночь, въ копорую
родился пы! — Осенняя буря возмушила всю
природу: красныя молніи раздирали черную за-
вѣсу пучъ; громъ капился за громомъ и лѣз-
вія копій нашихъ, подобно рядамъ зазжен-
ныхъ свѣчъ, горѣли нѣкіимъ синимъ пламенемъ,
нисходившимъ съ небесъ. Но съ первымъ лучемъ
зари пишина возспановилась и солнце выш-
ло въ полномъ великолѣпїи своемъ. Бѣлобрадые
спарцы, прозирающіе въ таинспво судебъ, за-
ключили, что жизнь пвоя будетъ бурна, мя-
шежна; но.... — Будетъ ли она славна? опещъ
мой! ибо человѣкъ безъ славы еспъ напрасное

бремя общеспва: ничто не опличаетъ его въ общемъ спадѣ пварей земныхъ. — Она оза-
рипся наконецъ славою! — О еспьли бы Про-
видѣніе оправдало сіе предвѣщаніе!» такъ
воскликнулъ Зиновій, — и въ сію минуу из-
спупленнаго воспорга можно было видѣть по
блеску очей, пыланію ланипъ и движенію ли-
ца, сколь сильно прогало его повѣспвованіе
сіе и чѣмъ онъ нѣкогда можетъ быть. Спа-
рецъ видѣлъ эпо: но припворно показываясь
равнодушнымъ: «И такъ пы желаешь собы-
тія пророчеспва, говорилъ онъ, и бури не
спрашапъ тебѣ, мой милой Зиновій? — Од-
ни малодушные спрашапся опредѣленій судь-
бы. Я видалъ, что съ наспупленіемъ бури,
когда влажныя облака, гонимые вѣпромъ, въ
великомъ безпорядкѣ взбѣгаюпъ на горизонтъ, —
всѣ робкія ппицы, суепясь и поскуя, съ кри-
комъ ищупъ убѣжища; но смѣлый орель, оп-
важно ширясь на вѣпрахъ, парипъ подъ бле-
скомъ молній и сражается съ пучами!... — Я
понимаю, что пы хочешь сказапъ, возразилъ
Вассіанъ, перебивъ рѣчь его: но, сынъ мой!
не лучше ли пройпи поприще жизни сей спе-
зею мира, спезею усѣянною цвѣтами проспыхъ
наслажденій? Непріятнѣе ли жипъ покойно,
въ свѣплой хижинѣ, услаждапся дружбою, пи-
тапся млекоу спадъ своихъ и одѣвапъ себя
домашнимъ руномъ; весело засыпапъ въ благо-

уханіи цвѣтовъ и еще веселѣе пробуждаются сладкимъ гласомъ упра? Не лучше ли, уполивъ безпокойство юнаго сердца, сочешасть его съ сердцемъ милой дѣвицы: выбрасть супругу вѣрную, кропкую, соединяющую разумъ съ нѣжностію? Не благоразумнѣе ли укрыть свѣпильникъ жизни своей отъ вихрей случайности, отъ мятежа людскихъ спраспей, подѣлѣнь домашняго благополучія; бысть для того, чпобъ наслаждаться бытіемъ своимъ и процвѣшая сѣдинами, оспудивъ привязанность къ жизни, шихо угаснуть въ объятіяхъ любимицы души твоей — въ кругу семейства, опершись на вѣру и чистую совѣсть? » Зиновій молчалъ. — «Юноша! думаешь ли ты, что шумъ оружія доставляетъ пріятнѣйшій сонъ, чѣмъ журчаніе родныхъ ключей?... Гдѣ надѣешься бысть спокойнѣе: въ теплой хижинѣ или въ рапномъ шапрѣ, не рѣдко раскинутомъ на снѣгахъ и окруженномъ всею суровостію зимнихъ бурь и трупамъ мертвыхъ и умирающихъ? — Отвѣчай же, какъ думаешь? — Бури и слава, отецъ мой, да будутъ удѣломъ жизни моей! Для славы готовъ сразиться со всѣми бѣдспвіями въ мірѣ. Но да поразишь меня небо всѣми громами своими, если честолубіе спанетъ, управляешь поступками моими, если возжажду славы для личныхъ своихъ пользъ. — Нѣтъ, я хочу пріобрѣсть славу, чпобъ получить довѣ-

ренность народа и, уважая святость оной, упопробить ее къ его же благу. — Теперь ли то время, о мой отецъ! чѣмбы помышлять о мирной жизни и тихихъ радостяхъ семейнаго счастья? — Чѣмбы сказалъ бы ты о дѣтяхъ, празднующихъ брачный пиръ свой подлѣ смертнаго одра умирающей ихъ матери! — А развѣ Малороссія не мать намъ? развѣ не на смертномъ одрѣ возлѣживъ она и кѣмбы не видѣла глубокой могилы, изрываемой ей самовластіемъ пирановъ? — Такъ! каждой Малороссіянинѣ долженъ забыть нынѣ всѣ наслажденія человѣка, всѣ радости жизни и помнить только одно опеченство. Да угаснутъ свѣщи брачныя, женихъ да не вводитъ невесты своей во храмъ и матери да поклянется не приближаться къ колыбелямъ первенцовъ своихъ, доколѣ не будетъ свободно опеченство! — Нѣтъ наслажденій въ оковахъ и жизнь, даръ неба для благородныхъ и свободныхъ существъ, не должна быть удѣломъ рабовъ!» Вассіанъ глубоко вздохнулъ и помолчалъ нѣсколько: «Трудно одолѣть опредѣленіе неба! сказалъ онъ тихо и продолжалъ разказъ: — Восхищенный родителъ взялъ на руки новорожденнаго и вынесъ предъ войско: громъ пушекъ и восклицанія ратниковъ вспрѣтили тебя!... Среди желѣзнаго лѣса копій и мечей, на полѣ ратномъ, въ виду дымящихся низпроверженныхъ окоповъ непріятельскихъ и разбитыхъ

спѣнь, почтенный пастырь церкви совершилъ крещеніе пвое. Вода зачерпнута была изъ Днѣспра и налипа въ купель шлемами храбрыхъ. Одинъ изъ воиновъ, имѣвшій почти столько же ранъ, сколько щипалъ лѣтъ жизни своей и другой я, были воспріемниками пвоими.» — Зиновій съ безмолвнымъ почпеніемъ облобызалъ руку спарца; Вассіянъ прижалъ его къ сердцу и продолжалъ: «Подъ звукомъ трубъ и вѣянiемъ знаменъ ты былъ повишъ; хоругвь Опечеспва осѣнила колыбель, повѣшенную на раповые копія; родишельница пвоя, не смотря на знапность сана, общала бытъ сама пвоею кормилицею, опецъ же — наславчикомъ пвоимъ. — О Боже! восклицалъ родишель пвой, подьема тебѣ къ небу: даруй, да содѣлаепся младенецъ сей наслѣдникомъ славы предковъ своихъ и если не силенъ будепъ разорвать цѣпей своего Опечеспва, пусть хопя обовьепъ ихъ свѣжими лаврами?» — Слова пуспынника, съ неизъяснимою силою дѣйспвовали на Зиновія: всѣ спруны сердца его потряслись. «Такъ, я вижу ясно, сказалъ по нѣкопоромъ молчаніи Вассіянъ, я вижу, что не рождень ты для спокойспвія!... Будь здѣсь или послѣдуй за мною въ хижину; я напишу опвѣтъ пвоему опцу.» — Зиновій оспался. Ночь непримѣпно пролепѣла. Уединенная звѣзда упра, какъ плѣющая искра, краснѣясь сверкала

на синемъ краю неба; вечерній соловей умол-
 калъ и ранній жаворонокъ, незримый въ ра-
 дужныхъ кругахъ, казалось ронялъ съ вышины
 разсыпчатые звуки пѣсни своей. Свѣжій вѣпе-
 рокъ прохладилъ воспаленныя чувства юноши.
 Заря осѣнила его розовымъ сіяніемъ и сладкій
 сонъ увелъ за собою, по западнымъ пропамъ,
 въ цвѣтущія долины мечпаній. Вассіанъ, воз-
 врапясь въ хижину, въ сумеркахъ догорающей
 ночной лампы, написалъ слѣдующій отвѣтъ
 Филомару. «Я исполнилъ порученіе твое. Не
 нужно дальняго испытанія, чтобы увѣришься
 въ томъ, что сынъ твой не рожденъ для
 спокойнаго уединенія. Можетъ быть сердце
 его умягчилось бы и распаяло въ обильномъ
 вершоградѣ щастія, на мягкомъ лонѣ роскоши
 и нѣги; но воспитаніе, доставленное ему по-
 бою и самая бѣдность ваша укрѣпила и воз-
 высила духъ его до степени геройства. — Это
 юный левъ, видящій добычу свою въ единыхъ
 подвигахъ; это орелъ, который умретъ съ
 тоски, если обрѣжутъ ему крылья. Скорѣй
 удержишь стремленіе Тясмины къ Днѣпру, не-
 жели порывъ сына твоего къ славѣ. И такъ
 молись за него Богу, приговляйся къ разлу-
 кѣ и оспри мечъ опцовъ твоихъ.» — Три
 раза встрѣчалъ Зиновій солнце въ пустын-
 номъ уединеніи Вассіана и вечеръ претяго
 дня назначенъ былъ для разлуки. Пустынникъ

благословилъ крестника своего образомъ Спаса Нерукопвореннаго. — « Сей Образъ, говорилъ онъ, защищалъ грудь мою во всѣхъ кровопролитныхъ бояхъ отъ тысячи непріятельскихъ стрѣлъ: да совершишь онъ таковое же чудо и надъ побою, сынъ мой! — Я бы охотно подарилъ тебя мечемъ и копіемъ моимъ, но сдѣлавшись орудіями мира, они уже не будутъ годиться въ браняхъ: копіемъ я копаю пшпашельные коренья, а мечемъ пожинаю цѣлебныя травы. » — Послѣ сего взялъ пустынникъ копье и стрѣлы Зиновіевы, положилъ ихъ передъ иконами, прочелъ пихо нѣкія таинственныя молитвы и омочилъ освященною водою. — Изъ объятій пустынника, окропленный его слезами, осѣненный опеческимъ благословеніемъ, юноша спѣшилъ къ дому родипельскому. Свѣжая, легкая кровь играла въ жилахъ его; юность придавала крылья ногамъ — и онъ не зналъ усталости. — Безпечная юность! прелестная заря бурнаго дня жизни, цвѣтущее преддверіе шерноваго лабиринта горестей, сколь блаженна ты мирнымъ спокойствіемъ чувствъ своихъ, свѣтлою совѣстію, новостію надеждъ, свѣжестію мечпаній, а болѣе всего своею неопытностію! Ты не имѣешь еще печальной способности предузнавать грядущія бѣдствія и увядать преждевременно въ поскѣ предчувствія! Спокойно засыпаешь ты на краю глу-

бокой бездны и весело играешь въ цвѣтахъ ,
не заботясь , что громы гошвы ударишь надъ
побою ! Горестъ ожидала Зиновія въ жилищѣ
опца его. Нѣжный Филомаръ спрашился бышь
вѣспникомъ / печали.

Глинка.

III. БѢДНЫЙ МАКАРЪ,

или

КТО ЗА ПРАВДУ ГОРОЙ , ТОТЪ
ИСТЫЙ ИРОЙ.

Опець мой былъ Капитаномъ въ гренадер-
скомъ полку , во время Турецкой войны , кон-
ченной со славою подъ начальствомъ Румян-
цова-Задунайскаго. Въ сраженіи при Кагулъ ,
опецъ мой поперялъ правую руку , получилъ
двѣ пули въ грудь и нѣсколько ударовъ саблею
въ голову. Послѣ этого угощенія , ему не для
чего было оспаваться за Дунаемъ : онъ вылѣ-
чился , вышелъ въ опспавку съ мундиромъ , съ
повышеніемъ чина , съ Георгіевскимъ креспомъ
въ пеплицѣ и съ инвалиднымъ содержаніемъ. —
Первымъ его дѣломъ было лепѣль на почпо-
выхъ въ Пепербургъ , гдѣ машь моя оспа-
валась со мною ; но здѣсь ожидалъ опца моего
ударъ гораздо ужаснѣйшій пушечнаго выпрѣла,

опорвавшего ему руку. — Подъѣхавъ къ воротамъ дома, гдѣ мы имѣли кварпиру, онъ въспревожился видомъ ельника и запахомъ ладана. Онъ входилъ въ комнату, и первый предметъ, представившійся его взорамъ, былъ гробъ, въ копоромъ лежала мать моя. Отецъ мой скрылъ жестокою скорбью въ глубинѣ твердой своей души, не пролилъ ни одной слезы при людяхъ, не испустилъ ни одного вздоха, ибо онъ почилъ недоспойнымъ дѣломъ храбраго солдата, былъ предметомъ состраданія холодной толпы. Блѣдный и безмолвный, онъ просился съ плечомъ, взялъ меня за руку, и пошелъ за гробомъ твердыми шагами. Когда печальный обрядъ кончился и любопытные разошлись по домамъ, отецъ мой, оставшись одинъ со мною, бросился на колѣни, усердно молился, и горькія слезы оросили израненную его грудь. Я рыдалъ, и почти былъ безъ памяти: мнѣ было тогда не болѣе десяти лѣтъ отъ роду. «Макаръ!» сказалъ мнѣ отецъ: «блѣдный Макаръ! я вижу, ты чувствуешь свою потерю, но знаю, что не въ состояніи постигнуть моей. Утѣшь меня, и клянись мнѣ на гробъ матери, за копорую я надѣюсь скорѣ послѣдовать, что ты исполнишь мою волю.» — «Приказывайте, батюшка!» отвѣчалъ я, всхлипывая. — «Говори правду, всегда и вездѣ!» — «Клянусь!» — «И такъ, да пре-

будешь надъ побой Божіе и родительское благословеніе до тѣхъ поръ, пока ты будешь исполнять свой обѣтъ.» Отецъ велѣлъ мнѣ поцѣловатьъ могилу, а потомъ свой Георгіевскій крестъ, обтеръ слезы и возвратился въ нашу квартиру медленными шагами, въ глубокомъ молчаніи.

Теперь только я примѣшилъ на дворѣ повозку, которая до нашего возвращенія оставалась запряженной. При ней стоялъ гренадеръ исполинскаго роста, съ деревянною ногою, опираясь на копыль; онъ былъ въ свѣтло-зеленой курткѣ съ краснымъ воротникомъ и такими же обшлагами, и въ красныхъ широкихъ шараварахъ. Волосы обстрижены были въ кружокъ, и голова покрыта чернымъ кожанымъ карпузикомъ въ видѣ шлема, съ галуснымъ гребешкомъ; посѣдѣлые усы, какъ серебряное шипье, свѣпились на лацканахъ мундира, украшеннаго медалью на Георгіевской лентѣ. Въ красномъ сафьянномъ папиронпашѣ была пара богатыхъ Турецкихъ пистолетовъ и кинжалъ, оправленный золопомъ. — Кухарка покойной моей матери стояла также возлѣ повозки, и утирала слезы передникомъ: видно она рассказала спарому воину о крамковременной болѣзни и скороспѣжной смерти своей доброй госпожи, потому, что глаза спараго воина были красны и какъ искры свѣпились

на блѣдномъ лицѣ. Черный песь уныло поглядывалъ съ повозки во всѣ стороны, и, казалось, чувствовалъ, что пріемъ не соответствовалъ ожиданію. «Марья!» сказалъ мой опецъ: «опдай Филипову постель и плаще Макара; мнѣ принеси порпиретъ покойной госпожи: прочее возьми себѣ за усердную службу.» — Служанка хопѣла броситься въ ноги, но опецъ мой удержалъ ее. — «Заплачена ли кварпира и швое жалованье?» — Заплачено все, опвѣчала Марья сквозь слезы. «И такъ прощай, мнѣ нельзя держать тебя въ услуженіи.» — Чрезъ нѣсколько минутъ, мои вещи были уложены въ повозку, и опецъ мой, поцѣловавъ миніапюрный порпиретъ покойницы, повѣсилъ его на груди своей. Мы усѣлись на чемоданахъ, и опецъ мой сказалъ извозчику: «спунай на Петербургскую сторону!»

Поворотивъ въ одну глухую улицу, мы увидѣли билетъ на воропахъ небольшой хижины. Филиповъ вошелъ въ домъ для рекогносцировки, и возвратившись, сказалъ моему опцу: «все исправно и мѣста довольно, Ваше Высокоблагородіе: мы никогда такъ не жили, ни въ лагеряхъ, ни въ праншеяхъ.» — Рапортъ Филипова рѣшилъ дѣло, и мы поспѣхъ наняли здѣсь комнапу и расположились на винперъ-кварпирахъ, какъ говаривалъ Филиповъ.

Не многіе изъ пѣхъ людей, которые сами собою вышли въ знать и пріобрѣли богатство, не многіе любящъ воспоминашь о прежней нищепѣ, а это опъ того, что весьма не многіе доспигають до этого искусственнаго благополучія прямымъ путемъ и заслугами. Но какъ моего кармана не пятчили ни одна чужая копѣйка и сердца не жгетъ ни одна слеза несчастнаго, то я съ удовольствіемъ описываю прежнюю бѣдность, съ копорою соединены пріятнѣйшія воспоминанія моей жизни, и прошу у чинапеля извиненія въ излишнихъ подробностяхъ: вѣрно не многіе изъ нихъ видѣли въ напурѣ эти карпины.

Квартира отца моего на Петербургской сторонѣ состояла изъ одной жилой комнаты съ перегородкою, и передней, копорая вмѣстѣ была и кухнею. За перегородкой была наша спальня: отецъ мой почивалъ на снѣ, прикрытомъ буркою, въ изголовьѣ имѣлъ одну кожаную, шерстью набишую подушку. Прикрывался онъ своею шинелью. Чистое бѣлье составляло лучшее украшеніе его воинскаго одра. Я спалъ на моемъ дѣтскомъ пюфякѣ. У постели отца стоялъ деревянной столъ, на копоромъ лежали книги, сообщаемыя ему для чпенія однимъ старымъ пріятелемъ, Корпуснымъ офицеромъ; здѣсь же разложены были письменный и брилленый приборы и небольшая шкапулка

съ папешами, свидѣтельствами и письмами покойной мапери. Два деревянные спула и чемоданъ съ вещами довершали убранство этого отдѣленія. Другая комната замѣняла намъ всѣ подраздѣленія огромныхъ палапъ: госпинную, споловую, залу, въ которыхъ такъ часпо бываетъ тѣсно и душно лѣни, инспригъ, пороку. Здѣсь, между двумя иконами, висѣло зеркальцо въ спальныхъ рѣзныхъ рамахъ, а подъ нимъ споялъ дубовый споль, на которомъ совершалась скромная наша прапеза. Шесть липовыхъ спульевъ и такая же софа, или просто скамья, безъ подушекъ, прикрытая полосатымъ ревендукомъ, ненарушимо спояли вокругъ спѣнь, тщепно ожидая сѣдоковъ, хотя прочность ихъ не уступила бы тяжести шестифундоваго орудія. Въ переднемъ углу висѣлъ Образъ Николая Чудотворца, передъ которымъ, наканунѣ каждаго праздника, теплилась лампада. Подъ образомъ хранились драгоценнѣйшія вещи: Георгіевскій крестъ, офицерскій знакъ, шпага съ золотымъ шемлякомъ и портретъ мапери моей, обернутый чернымъ флеромъ. — Надъ скамьею, надъ софою, хотѣлъ я сказать, приклеенъ былъ эстампъ, признайся, очень дурной гравировки, изображающій Кагульскую битву, а внизу портретъ Фельдмаршала Румянцова въ черныхъ деревянныхъ рамкахъ безъ стекла. Здѣсь развѣшены

были и профеи: упомянутые Турецкіе пісполешы и кинжалъ, которые отецъ мой опнялъ собственноручно у Янычара подъ Бендерами. Въ углу стоялъ погребецъ, вмѣщавшій въ себѣ всю домашнюю нашу утварь, а на погребцѣ лежала складная коженная шашечница, нѣсколь-ко обожженная на бивакахъ, вмѣсто шашекъ служили спарыя душыя пуговицы различного калибра.

Опспавной солдатъ Филиповъ опправлялъ въ домѣ всѣ должности и ремесла. Онъ чиспилъ и чинилъ плащѣ и сапоги, спряпалъ кушанье, ходилъ на рынокъ, убиралъ комнапы, рубилъ дрова, носилъ воду, а иногда даже спиралъ бѣлье и починивалъ вепхую крышу дома. Главная его кварпира была за Русскою печью, въ передней, гдѣ шакже покоилась Жучка, собака, принадлежавшая нѣкогда цѣлому полку, и бывшая съ нимъ во всѣхъ походахъ и даже въ сраженіяхъ. Она кормилась при всѣхъ аршеляхъ, и не имѣла въ полку поспояннаго хозяина; но при опспавкѣ Филипова, опкрылось, что онъ былъ главнымъ предметомъ Жучкиной нѣжности, попому что онъ былъ Капитанскимъ походнымъ поваромъ. Жучка вмѣстѣ съ Филиповымъ выбыла изъ полку, къ сожалѣнію всѣхъ добрыхъ служивыхъ. Филиповъ ладилъ со всякою работою, опправлялъ ее съ удивительною ловкостью, и не взирая на множе-

ство занятій, находилъ время услуживать хозяйкѣ нашей, Шхипершѣ, бѣдной вдовѣ, обремененной большимъ семействомъ.... Одна печаль лежала у него на сердцѣ, а именно, что мой отецъ потерялъ свою природную веселость послѣ смерти моей матери, сдѣлался угрюмъ, молчаливъ, и не слушалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ прежде, пѣсень Филипова, до которыхъ старый служивый спраспный охотникъ, бывъ нѣкогда рошнымъ запѣвалой.

Когда же отецъ мой уходилъ со двора (что случалось очень рѣдко), то Филиповъ караулилъ у окна или у воротъ возвращенія своего господина, и какъ бы не примѣчая его, опвернувшись, привѣтствовалъ пѣснею:

« Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно! »

Отецъ мой чувствовалъ въ полной мѣрѣ нѣжную внимательность старого служиваго; входя въ комнату привѣпливо преналъ по плечу спарика, называлъ его Филипычемъ и спрашивалъ о здоровьѣ. Тогда Филиповъ обращался къ прежней дисциплинѣ, выпягивался спрункою и громогласно отвѣчалъ: « здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе: ради умереть за опца командира! »

Отецъ мой выходилъ въ будни только для перемѣны книгъ и для полученія жалованья. Всякій праздникъ, онъ надѣвалъ свой свѣтло-зеленый мундиръ съ красными опворопами, красный камзолъ съ широкимъ галуномъ, красное исподнее плаще, шляпу съ галуномъ же, бралъ свою шпагу съ золошымъ шемлякомъ, привѣшивалъ Георгіевскій крестъ, и ходилъ со мною къ обѣднѣ въ Пелропавловскій Соборъ, а послѣ обѣда, водилъ меня въ Лѣпній садъ или на Дворцовую набережную. Насъ посѣщаль одинъ только спарый однополчанинъ моего отца, который также поперялъ руку, а именно лѣвую, въ ту же самую кампанію. Спарики не могли между собою наговориться о прежнихъ своихъ похожденияхъ на винперъ-кварпирахъ, о походахъ, сраженіяхъ. Они почти ежедневно видѣлись, и предметъ ихъ разговоровъ, хотя одинакій, ни какъ не могъ истощиться. Деревянный столъ до такой степени напипался мѣломъ отъ черченія на немъ кареевъ Румянцова, что наконецъ надлежало черпипъ углемъ. Филиповъ почтипительно споялъ у дверей, и слушалъ рассказы о произшествіяхъ, которыхъ онъ по большой части былъ свидѣтелемъ. Въ знакъ одобренія, онъ улыбался и поглаживалъ усы; когда же память измѣняла которому нибудь изъ раскащиковъ, Филиповъ наклонялъ голову и медленно почесывалъ виски.

Тогда призывали его въ свидѣтели, и онъ очень почтительно рѣшалъ споръ, прибавляя почти къ каждому слову: « прощенья просимъ, просимъ не прогнѣваться, Ваше Высокоблагородіе! » Самъ же Филиповъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ своихъ начальниковъ. Когда языки дѣятельныхъ спариковъ приходили въ усталость, они приводили въ движеніе оспальныя свои руки за шашечницей. Въ это время Филиповъ, любя сильно шашечную игру, позволялъ себѣ приближаться къ сполу, и опершись на коспыль съ величайшимъ вниманіемъ смопрѣлъ чрезъ плечо своего господина. Каждая шашка, проигранная моимъ опцемъ, производила ужасную гримасу на лицѣ Филипова, каждый выигрышъ заставлялъ его улыбаться.

Что касается до меня, жизнь моя пропекла въ единообразіи. По упрямъ отецъ мой занимался со мною уроками; послѣ полудня, я читалъ Тилемахиду Тредьяковскаго, училъ наизусть уроки или игралъ съ Филиповымъ, который любилъ меня спраспно, и не только исполнялъ, но даже предупреждалъ всѣ мои желанія, забывалъ со мною свою спарость, и былъ наспоющимъ ребенкомъ. Всякій разъ, возвращаясь изъ лавочки, онъ приносилъ мнѣ гостинца, или пряничную лошадку съ золопою гривой, или кедровыхъ орѣховъ, или булку. Я былъ предметомъ всѣхъ его нѣжностей, всѣхъ

попеченій, и самъ любилъ его, какъ отца. Но я не долго наслаждался счастіемъ. Чрезъ полгода вышелъ Указъ объ опредѣленіи меня въ Кадетскій корпусъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, я осиротѣлъ на вѣки въ здѣшнемъ мірѣ. Прехожу молчаніемъ ужасныя подробности.... Горестъ свела въ гробъ моего отца; Филиповъ закрылъ его глаза и принесъ мнѣ послѣднее благословеніе. Добрый Филиповъ никакъ не могъ упѣшиться, и вскорѣ послѣдовалъ въ могилу за своимъ командиромъ; вѣрный Жучка не сходилъ съ кладбища: онъ безпреспанно визжалъ, вылъ, рылъ землю, и наконецъ испустилъ дыханіе на могилѣ своихъ господъ.

Находясь при отцѣ, я не понималъ всей важности данной мною клятвы: говоришь всегда правду. Между чужими людьми я удосповѣрился, что отецъ мой имѣлъ сильныя причины заспавить меня упвердить клятвою то, что мнѣ казалось очень простымъ и обыкновеннымъ. Правда глаза колетъ, гласитъ пословица, и человекъ, копорый говоришь всегда правду, находишься точно въ такомъ отношеніи къ людямъ, какъ если бъ онъ въ самомъ дѣлѣ царапалъ глаза вспрѣчному. Я не спану описывать всѣхъ обспоятельствъ моей жизни, но раскажу нѣсколько случаевъ, копорые имѣли вліяніе на мою участь, въ слѣдствіе моей клятвы.

Человѣкъ пріобрѣтаетъ мудрость опытомъ. Чѣмъ чаще мы ѣздимъ по одному пути, тѣмъ лучше знаемъ дорогу, и я въ темную ночь, въ извѣстномъ мѣстѣ, скорѣе послушаюсь извозчика, нежели Географа. Но юношество мыслитъ иначе. Горячая кровь быспромчитъ молодыхъ людей на пути жизни, спрасти подспрекаютъ, любопытство гонитъ, и они объѣзжаютъ кругомъ добрые совѣты, какъ будто камни или кочки, чптобы скорѣе достигнуть своей цѣли, гдѣ ихъ ожидаетъ разоренная гостиница—разочарованье. Однажды поварищи мои, каделы, не взирая на запрещеніе, хотѣли на опытъ повторить урокъ о потѣшныхъ огняхъ. Порохъ вспыхнулъ, блескъ исчезъ, а съ нимъ и наше удовольствіе; остались дымъ и смрадъ, эмблема раскаянья послѣ всякаго непозволеннаго наслажденія. Юноши, какъ обыкновенно водится, почувствовали свой просупокъ послѣ исполненія, и, какъ обыкновенно бываетъ, изъ одного просупка впали въ другой. Они согласились не опкрывать зачинщиковъ, но всѣмъ вмѣстѣ подвергнуться наказанію. Входитъ спротій офицеръ и пребуетъ показанія виновныхъ. — «Мы всѣ виноваты!» — говорятъ со всѣхъ споронъ. — Я стоялъ въ углу, попуя взоры, и не знаю, краснѣлъ или блѣднѣлъ; офицеръ примѣтилъ мое замѣшательство и подозвалъ къ себѣ. «Я зналъ тво-

его честнаго опца, Макаръ! скажи правду!» Названіе опца моего и правды взволновали кровь мою, и воображенію моему предспаль родишель мой, заклинаящій на могилѣ моей мапери говорить всегда правду. Я скрѣпился духомъ и высказалъ подногопную. Съ этой минутой судьба моя рѣшилась. Офицеры опносились ко мнѣ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежало узнать испину; поварищи убѣгали меня, какъ прокаженнаго. Похвалы съ одной спороны, а кулачные удары съ другой, сыпались на меня градомъ. Съ подбитыми глазами и съ разорванными лацканами мундира, я скипался печально, одинъ, посреди радостныхъ моихъ поварищей, не принимая учаспія въ ихъ забавахъ, и только по ударамъ чувспвовалъ, что я не одинъ воспитываюсь въ огромномъ зданіи. Въ цѣломъ корпусѣ меня не называли иначе, какъ бѣднымъ Макаромъ.

Это самое одиночеспво обрапило меня къ наукамъ, и я при выпускѣ получилъ первую награду, Поручичій чинъ и самую опличную рекомендацію въ полкъ. Товарищи мои опдавали мнѣ справедливостъ по наукамъ и по поведенію. — «Бѣдный Макаръ! говорили они: «право жаль, что онъ пакъ не пвердъ на языкъ; если бъ не то, онъ былъ бы добрымъ малымъ!»

Прибывъ въ полкъ, я былъ принятъ оплич-
но Полковникомъ, который приблизилъ меня
къ своей особѣ; но поварищи мои были уже
предувѣдомлены о моей привычкѣ, (какъ они
говорили, дурной), говоришь всегда правду, и
обходились со мною, хотя благосклонно, но съ
нѣкоторымъ опасеніемъ и предосторожноспью.
Одно обстоятельство разрушило мое спокой-
ствіе въ полку. Въ мѣста, занимаемая нашимъ
полкомъ, прибылъ изъ столицы молодой бо-
гатый помѣщикъ; родословное его дерево было
столь велико, что корни онаго углубились въ
обѣихъ столицахъ, а въпви, распроспраняясь
по цѣлому Государству, какимъ-то образомъ
переплелись съ стеблями родословной жены
Полковника. Но эптошъ юноша былъ гнилой
плодъ великолѣпнаго распенія. Онъ лучше зналъ
правила панцовальнаго искусствва и Француз-
скаго произношенія, нежели правила нравспвен-
ности и законы своего опечеспва и чеспви.
Оскорбивъ чеспъ одной достпойной, хотя бѣд-
ной дворянской фамиліи, распущный юноша
обвинилъ двухъ кадеповъ (п. е. юнкеровъ)
нашего полка и предспавилъ вымышленные до-
казательспва. — Назначена была Коммисія, въ
копорой, кромѣ гражданскихъ чиновниковъ, ве-
лѣно было засѣдашь двумъ Офицерамъ, и Пол-
ковникъ избралъ меня и своего сына. — Начал-
ся судъ, въ продолженіе котораго пиршество

не прерывалось въ нашемъ маленькомъ городкѣ. — Всѣ предсказывали, что дѣло рѣшится въ пользу богатаго юноши. Услужливый Секретарь, для сокращенія труда Судьямъ, уже составилъ проектъ резолюціи. Пришелъ день окончательнаго рѣшенія; я подалъ свое мнѣніе, и сынъ Полковника согласился со мною: высшее начальство основало свое рѣшеніе на моемъ мнѣніи, юноша былъ обвиненъ и подвергся строгому, хотя справедливому наказанію.

Полковница была въ опечаленіи. . . . Я долженъ былъ оставить полкъ. «Бѣдный Макаръ!» говорили офицеры, подписывая охотно аппеляцію о безпорочной моей службѣ: — «трудно тебѣ жить въ свѣтѣ съ своею правдою!»

Я улыбался сквозь слезы, проснился съ поварами, а особенно съ сыномъ Полковника, который, не взирая на гнѣвъ мапушки, сдѣлался моимъ искреннимъ другомъ, и поѣхалъ въ дѣйствующую армію.

Князь Пошемкинъ-Таврическій начальствовалъ Русскими войсками, которые открыли кампанію приступомъ къ Очакову. Баталіонъ гренадерскій (въ копоромъ я находился), въ виду начальника оказалъ чудеса храбрости, перешелъ ровъ по грудамъ тѣлъ непріятельскихъ, взлѣзъ на стѣну сквозь адское изверженіе огня, дыма, пуль, картечей, бревенъ и камней, и водрузилъ Русское знамя на землѣ, упишан-

ной кровью опчаянныхъ враговъ. Я не имѣлъ счастья поспѣть первый на спѣну, но былъ въ числѣ первыхъ. Начальникъ хотѣлъ непременно знать, кто былъ первымъ. Одинъ Подпоручикъ и одинъ волонтеръ знапной фамиліи, Подполковничьяго чина, оспоривали сію славу. Призвали меня для свидѣтельства, и я на первое слово.... «Макаръ, говори правду!» открылъ испину. Подпоручику дали Георгія, волонтеру полкъ, а меня произвели въ Капитаны въ эпопъ же полкъ.

Не спану распроспраняпсь въ описаніи различныхъ случаевъ эпой кампаніи, доставшихъ мнѣ при раны, любовь солдатъ, уваженіе поварищей и собспвенную увѣренность, что я исполнилъ долгъ свой, какъ слѣдуетъ Русско-му воину. Но награды пролетѣли мимо вмѣстѣ съ пѣми пулями и ядрами, копорыя въ меня не попали. Я вышелъ въ опспавку и поѣхалъ въ Пешербургъ.

Прежде всего я побѣжалъ на могилы моихъ родишелей и добраго Филипова; оросивъ ихъ торькими слезами и помолившись усердно, я почувспвовалъ облегченіе во всѣхъ моихъ гореспяхъ: я не измѣнилъ ни разу данной кляпвѣ. Съ могилы я невольно побрѣлъ въ Кадепскій корпусъ; я съ такимъ же чувспвомъ смопрѣлъ на эпо зданіе, какъ взрослый человекъ глядишъ на свою колыбель.

Въ это время начались издаваться въ Россіи періодическія сочиненія ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ участвовала сама Императрица ЕКАТЕРИНА, и вообще словесность наша начинала оперяться. Бывшій мой учитель Словесности издавалъ одинъ изъ Журналовъ; онъ предложилъ мнѣ быть его сотрудникомъ. Я съ радостью согласился, потому, что небольшой мой запасъ испощился, и мнѣ приходилось голодать. Старый мой учитель поручилъ мнѣ журнальную крипику, сказавъ: «Макаръ! говори правду!»— Я принялся за работу, и вскорѣ раскаялся. Несбыточное явленіе: правда въ журналъ возбуждала всеобщее вниманіе. Тогда, по примѣру Государыни, и многіе изъ знапныхъ людей занимались Русскою Словесностью. На всякій случай появлялось множество торжественныхъ одъ, куплетовъ, мадригаловъ и п. п. Публика наша еще была неопытна въ сужденіяхъ. Сумарокова ставили наравнѣ съ Ломоносовымъ, Поэмы Хераскова почитали выше Иліады, Маркиза Глаголя называли образцемъ легкой прозы, а слогъ Голикова сравнивали съ Тацитовскимъ. Всякій, напечатавшій чепыреспишіе, назывался въ свѣтѣ сочинителемъ, и если къ тому былъ богатъ, то пользовался такою славою въ обществахъ, какъ нынѣ первокласные писатели во Франціи и въ Англіи. Представьте же себѣ удивленіе сіятельныхъ и

превосходительныхъ Авторовъ , когда я началъ хладнокровно доказывать , что ихъ сочиненія заключающъ въ себѣ гиль и дичь , что юноша Державинъ показываетъ въ себѣ не обыкновенный геній , и со временемъ составитъ славу Русской Словесности , а что первый писатель нашего времени (т. е. тогдашняго) есть Авторъ Недоросля и Бригадира. Меня огласили либераторнымъ ерешикомъ , безпокойнымъ , злымъ человѣкомъ , начали доказывать , что я не имѣю права судить о Словесности , потому что моя бабушка родилась въ прехъ верспахъ отъ Прусской границы , а отецъ въ юности былъ друженъ съ однимъ Французомъ. Кончились тѣмъ , что бывшій учитель сказалъ мнѣ однажды : « Бѣдный Макаръ ! перестань писать : нельзя плыть противу теченія. » — Но мой учитель не хотѣлъ оставить меня безъ хлѣба ; онъ принудилъ себя похвалить сочиненія одного пакъ называемаго Либератора , и доказалъ по правиламъ Риторики , что ничего не можетъ быть прелестнѣе стиховъ :

« Однажды :

Шелъ дождикъ дважды. » —

Посредствомъ сего Автора , онъ досталъ мнѣ мѣсто Уголовнаго Судьи въ отдаленной провинціи.

Всѣ мои товарищи и вообще всѣ чиновники нашего провинціального города жили прекрасно, ѣли и пили много и сладко, жили въ меблированныхъ домахъ, ѣздили въ новомодныхъ экипажахъ и наряжали женъ и дочерей куколками. Я твердо вѣрилъ, что они, или по крайней мѣрѣ ихъ жены, имѣютъ богатые родовыя вѣчины или капиталы, полученные въ приданое или по наслѣдству, и долго думалъ, что они надо мною шутятъ, когда увѣряютъ, что подобно мнѣ, живутъ однимъ жалованьемъ, котораго мнѣ едва доставало на самое умеренное житье. Одинъ случай открылъ мнѣ тайну. Богатый проситель, котораго участь была въ моихъ рукахъ, принесъ мнѣ въ подарокъ серебряное блюдо съ рублевыми. Само по себѣ разумѣется, что я не принялъ подарка, но будучи позванъ къ обѣду въ день именинъ моего товарища, я узналъ это самое блюдо на столѣ подъ пирогомъ, не могъ скрыть моей улыбки, и когда меня спросили о причинѣ, то я, по моему обѣщанью, рассказалъ всю правду. Воронъ ворону не выключаетъ глаза, говорятъ пословица: не одинъ хозяинъ, но и всѣ гости сдѣлались моими врагами. На пропивъ того, всѣ жители города любили меня, называя однако жъ не иначе, какъ бѣднымъ Макаромъ.

Между тѣмъ въ Судѣ я всегда оставался одинъ при своемъ особенномъ мнѣніи. Для исполненія

моей кляпвы, я почиалъ лучшимъ средствомъ слѣдовать точному, буквальному и ясному смыслу закона, который, подобно нити Аріадниной, одинъ только можетъ указать намъ истинный путь въ лабиринтъ ябеды. — Товарищи мои говорили, что они руководствуются совѣстью и поступаютъ по тайному смыслу закона. Не знаю, какъ это случилось, но только тайный смыслъ и совѣсть всегда склонялись у нихъ въ пользу сильного и богатаго. Положеніе мое было самое не пріятное, но я терпѣлъ и не смѣлъ оставить своего поста, чувствуя присутствіе мое нужнымъ для защиты невинныхъ и слабыхъ.

Я уже довольно упреждалъ чипапеля описаніемъ несчастій, приходявшихъ опъ исполненія моей кляпвы. Я всю жизнь боролся съ голодомъ, холодомъ, всякаго рода недоспапками, клеветною и меспью. Воспоминаніе объ этомъ наводитъ на меня грусть: теперь однимъ скачкомъ перейду къ развязкѣ, и къ заключенію моихъ записокъ.

У насъ производилось дѣло одного весьма богатаго человѣка, котораго честь и все имѣніе зависили опъ нашего рѣшенія. Однажды, когда я вечеромъ сидѣлъ въ своей комнапѣ, въ моемъ нагольномъ пулупѣ вмѣсто шлафрока, и при сальной свѣчкѣ, читалъ упѣшеніе Се-

неки въ бѣдності, вдругъ отворяется дверь и входитъ братъ подсудимаго съ своею женою и дочерью. — Эта дѣвица почиалась по справедливости первою красавицею и самою богатою невѣстою въ нашемъ городѣ. Всѣ почтенныя мапушки, шепушки и дочки почиали ее сумасшедшею, потому что она предпочиала книги сплешнямъ, и отъказала въ рукѣ своей двумъ Генераламъ и премъ богатымъ спарикамъ. Если бы любовь могла раждасться въ сердцѣ умнаго и опытнаго человека безъ надежды, то я бы давно сошелъ съ ума отъ любви къ ней. Но я смотрѣлъ на этого ангела, какъ на существо высшее, иногда вздыхалъ, помышляя о ней и о моей бѣдності, пошуплялъ глаза въ ея присущіи и не смѣлъ даже говорить съ нею. « Милостивый Государь! » сказалъ мнѣ отецъ прелестной дѣвицы: « судьба брата моего и честь моей фамиліи теперь въ вашихъ рукахъ. Всѣ ваши товарищи уже согласились оправдать подсудимаго: приспаныте къ ихъ мнѣнію, и я предлагаю вамъ руку моей дочери и двѣсти тысячъ рублей приданаго, а по моей смерти все мое имѣніе. » Въ эту минуту цѣлое семейство поверглось на колѣна и красавица простерла ко мнѣ нѣжныя свои руки. Я поднялъ моихъ просишелей, посадилъ на моей деревянной скамьѣ и сказалъ: « то, что вы мнѣ предлагаете, я готовъ купить цѣною моей жизни —

но не чesпи. Братъ вашъ виноватъ, мнѣніе мое подписано, и я завтра опнесу его въ Судъ. Я твердо увѣренъ, что если бъ я безчестіемъ и неправдою купилъ руку вашей дочери, она не могла бы ни любить, ни уважать меня, а дурной примѣръ родителей покрылъ бы потомство стыдомъ, котораго невозможно смыть золомъ. Вашъ мой образъ мыслей, оцъ котораго я не опступлю никогда и ни за что.» — « Не ужели вы равнодушны къ этимъ разцвѣпающимъ прелеснямъ? » продолжалъ отецъ. При сихъ словахъ какая-то необыкновенная смѣлосць, какъ будто на Очаковскомъ шпурмѣ, овладѣла мною, и я воскликнулъ въ восторгъ: « знайте же, сударь, что я люблю дочь вашу, люблю болѣе моей жизни, но не промѣняю на нее моей чesпи и моего долга! » — « Благородный поборникъ правды! » сказалъ отецъ, и слезы полились ручьемъ изъ глазъ его: « знай же, что ты любимъ моею дочерью. Она объявила мнѣ, что не будетъ ни чьею женою, если не выйдетъ за тебя, и я пришелъ испытать, достоинъ ли ты этого счастья. Обними меня, сынъ мой! дочь, поцѣлуй своего жениха! жена, благослови дѣшей! » — Вы можете представить себѣ, любезные чичипашели, мое положеніе: я плакалъ, смѣялся, обнималъ всѣхъ, прыгалъ, и едва не лишился ума оцъ не ожидаемой радости.

Чрезъ мѣсяць послѣ приговора, коимъ дядя жены моей преданъ былъ заслуженному наказанію, мы обвѣнчались. Во время бала, пріѣхалъ курьеръ изъ Пепербурга съ пакетомъ на мое имя, отъ Генераль-Прокурора. — « Мудрая ЕКАТЕРИНА, » писалъ ко мнѣ Генераль-Прокуроръ: « прочитывая дѣла, замѣтила, что ваши мнѣнія сходны всегда съ законами и совѣстью. Великая жена повелѣла собрать свѣденія о прежней вашей службѣ, и удостовѣрившись, что вы всегда исполняли долгъ свой, какъ слѣдуетъ Русскому дворянину, воину и судѣ, награждаетъ васъ орденомъ Св. Георгія за Очаковскій штурмъ, и присылаетъ изъ Капишула топь же самый крестъ, копорый нѣкогда украшалъ грудь почтеннаго вашего родителя. За вашу гражданскую службу жалуетъ васъ орденомъ Св. Владиміра, повышеніемъ чина и прибавкою двойнаго жалованья. Она приказала вамъ напомнить, въ примѣръ другимъ, что « за Богомъ молишва, за Государемъ служба никогда не пропадаетъ, и что каждый сынъ опечества долженъ помнить народное Русское преданіе: кто за правду горой, топь истый ирой. »

Громогласное ура! да здравствуютъ мудрые Русскіе Государи! раздалось во всѣхъ концахъ залы, послѣ прочтенія этой бумаги. — Жена моя, въ полномъ восхищеніи сама привязала

кресты къ моему мундиру, и я съ этой минутой живу благополучно, чего и вамъ, любезные чичашели, усердно желаю.

Θ. Булгаринъ.

И С Т О Р І Я.

І. Войны съ Турками.

Мы видѣли, что Россія вышедъ счастливымъ образомъ почти въ одно время изъ междоусобной борьбы съ собою, и изъ покоренія Тапарскаго, дала сама почувствовать силу свою окружающимъ ее народамъ. Мы начерпали легкое изображеніе браней ея съ Польшею и Швеціею. Не менѣе важно дѣйствіе ея къ югу на страшное владычество, которое поглотило Восточную Имперію и внушаемо суевѣріемъ кровожаднаго закона, грозило завоевать Европу. Сношенія наши съ Константинополемъ были прерваны ослабленіемъ Кіева и нашествіемъ Тапарскимъ. Но уже нѣсколько спольпій сила Константинополя подрываема была пламенемъ ужаснымъ, сошедшимъ съ Алпайскихъ горъ и опъ береговъ Ирпыша и приведшимъ въ препахъ Европу подъ именемъ Турковъ. Наслѣдовавъ завоеваніямъ Аравианъ и принявъ вѣру пророка ихъ, раздробляли они по часпямъ Грецію, покуда наконецъ взятіемъ Константино-

поля 1453 года Маія 29 дня, подъ предводительствомъ Магомеша II, положили конецъ Греческой Имперіи. Опшуда распроспранили они завоеванія свои на окрестныя Европейскія земли. Съ ужасомъ смопрѣли на успѣхи ихъ: и поочередно Венеція, Польша, Венгрія, Германія испытывали щастіе ихъ оружія. Подверженіе Крыма покровительству Опшоманскому приблизило Россію къ Турціи и приутоповило причины брани. Безпокойные жипели онаго разливались по изволенію на села и города Россійскіе и были опражаемы мужествомъ подобнаго имъ воинства Козаковъ, соспавляющихъ какъ будто бы первую ограду Россіи. Первое предпріятіе, которое произвели Турки сами на Россію, было въ царство Іоанна Васильевича Грознаго 1569 года. Селимъ II, Сулпанъ Турецкій, послалъ Янычаръ и Спаговъ опъ Азова Дономъ для возвращенія завоеваннаго тогда Россіею царства Аспраханскаго. Усилія Турковъ соединитъ Донъ съ Волгою были тщетны и Аспраханъ спасена Воеводою Княземъ Серебрянымъ. — Около половины прошедшаго вѣка, общество Козаковъ Донскихъ и Запорожскихъ, во владѣніе Царя Михаила Ѳеодоровича прославило себя взятіемъ Азова и показало Россіи спезю къ выгодному распроспраненію своего могущества на Черномъ морѣ. Ихъ храбрость опразила на другой годъ многочислен-

ное воинство морское и сухопутное, предводительствуемое Капитаном Пашею, и одна не возможность защищать город принудила их оставить его подорванный. При Царь Θεодоръ Алексѣевичъ въ 1675 году былъ походъ подъ Чигиринъ, Казацкой городъ, которой Турки принуждены были уступить Россіи. Въ малолѣтство Царей Пепра и Іоанна Алексѣевича, въ то время, когда Евгеній прославлялъ имя свое знаменитыми побѣдами надъ Турками, Россія, приглашенная Императоромъ Нѣмецкимъ, приняла участіе въ войнѣ. Въ 1687 году, воинство ея подъ предводительствомъ Намѣстника Новгородскаго и оберетателя Государственной печати, Князя Голицына, который имѣлъ тогда величайшую силу въ правленіи, одержало нѣкоторую поверхность надъ передовыми опрядами Тапаръ. Но пожары степей воспрепятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ. Таковы были первые опыты Россіи противъ Турковъ. Они произведены въ послѣдствіи творческимъ духомъ Пепра Великаго. Первое оружіе свое испыталъ онъ надъ Турками взятіемъ Азова 1696 года. Подъ нимъ начальствовали Шереметевъ и Шеинъ. Флотъ, построенный на Воронежѣ, вспомоществовалъ движеніямъ сухопутнаго воинства. Побѣдитель Карла XII подъ Полтавою, Государь не имѣлъ того же счастья противу Порты, которая дала

убѣжище сопернику его въ Бендерахъ. Обманутъ Господаремъ Воложскимъ, который обѣщаль ему доставленіе съѣстныхъ припасовъ, окруженъ на рѣкѣ Пруть многочисленными силами Турокъ, Государь принужденъ былъ заключить несчастливой походъ свой въ 1711 году прошеніемъ мира. Сіе униженіе было загладено съ лихвою сіяющею войною 1736 года при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Минихъ взялъ Хопинъ, Очакъ, занялъ Молдавію, Ласси проникъ въ средину Крыма не ожидаемымъ путемъ. Императоръ Карлъ VI былъ далекъ отъ таковаго щастія и позорнымъ миромъ принудилъ и Россію въ 1740 году оставить завоеванія свои. Безпокойства Польши ввели Польшу въ 1767 году въ несчастную войну съ Россіею. Ею возшелъ Румянцевъ на чреду великихъ людей. За Дунаемъ принудилъ онъ Визиря, окруженнаго оповсюду, заключить славной для Россіи миръ при Кучукъ Кайнарджи въ 1774 году. Присоединеніе Крыма къ Россіи было наконецъ причиною въ 1787 году нынѣ продолжающейся войны Турецкой.

М. Муравьевъ.

II. СНОШЕНІЯ Россіи съ НѢМЕЦКОЮ ЗЕМЛЕЮ.

Мы видѣли положеніе Россіи въ разсужденіи окреспныхъ народовъ Польши, Швеціи и Турціи. Сосѣдство Нѣмецкой земли менѣе близко. Но знаменипость ея, храброспъ и благоуспройство воинспвъ, союзное правленіе многихъ Государей подѣ единою главою наслѣдника Кесарей, многолюдство, промышленность: всѣ сіи обспояпельспва и многія другія долженспвовали приближапъ Россію къ Германіи. Въ самой древности Славянскія племена проникли во внупръ ея и нашли въ ней пвердое поселеніе. Древнія царспва Сербіи, Богеміи, присоеди-нены къ Германскому владычеспву. Изяславъ I, искалъ убѣжища при дворѣ Императора Генриха IV, не менѣе несчастнаго Государя. Нашествіе Тапарское прервало всѣ образы сообщенія Россіи съ другими государспвами. Возвращеніе свободы и единспва при Іоаннѣ Васильевичѣ, препровождено было возобновленіемъ всѣхъ прежнихъ сношеній. Императоры Германскіе признавъ выгоду, копорая произойти долженспвовала изъ союза съ Россіею, спарались соединипся съ нею прошивъ враговъ Христіанспва. Максимиліанъ I, заключаая союзъ прошивъ Польши въ 1514 году съ Василіемъ Іоанновичемъ, приписываетъ ему шишло Им-

ператора Россійскаго. Первыя военныя дѣйствія Государя Петра Великаго пропивъ Турокъ согласованы были съ Леопольдомъ I, Императоромъ Римскимъ, и заключены Карловицкимъ миромъ. Увлечень успѣхами войны пропивъ Карла XII въ предѣлы Нѣмецкой земли, Государь имѣлъ случай въ ней самой показать силу новаго оружія своего. Голштинія, Померанія, спановяпся позорищемъ войны и Король Прусской, союзникъ ПЕТРА I, получаетъ опъ него Шпешинъ въ воздаяніе оказанной помощи. Полагаюпъ, что Государь имѣлъ желаніе быпъ членомъ Имперіи. Съ тѣхъ поръ не было никакого политическаго произшествія въ Европѣ, въ копоромъ бы не чувствительпо было вліяніе Россіи. Такимъ образомъ въ войну за наслѣдство Карла VI, въ 1748 году 30,000 Россіянъ, пришедшіе на берега Рейна подъ предводительствомъ Князя Репнина, принудили Францію заключитъ миръ съ Имперіею и морскими державами. Щасливое честполюбіе Фридриха II, возводило между тѣмъ Пруссію на степень сильныхъ Государствъ, и Шлезія оппоргнушая опъ дома Авспрійскаго, продолжала быпъ причиною браней. Саксонія благопріятствовала вшайнѣ споронѣ Вѣнскаго Двора и первая потерпѣла опъ мщенія Фридриха. Россія вступилася за своихъ союзниковъ. Многочисленное войско въ 1757 году, подъ предводительствомъ

Фельдмаршала Апраксина, вошло въ Пруссію. Побѣдипель въ полъ многихъ битвахъ не могъ защищаться пропиву мужеспва Россіянъ. Ферморъ занялъ Кенигсбергъ. Послѣдовавшій ему Графъ Салпыковъ, присоединяя къ щаспію любовь воиновъ, заглаждаетъ нещаспіе Кисп-ринской баталіи, кровопролитной съ обѣихъ споронъ, двумя битвами Палцигскою и Франк-фуртскою, на копорыхъ онъ похищаетъ побѣду у Короля. Самая столица, Берлинъ, видипъ въ себѣ войска Россійскія. Графъ Румянцевъ беретъ важную приморскую крѣпость Колбергъ. Кончина Государыни Елисаветы ПЕТРОВНЫ была послѣдована перемѣною въ полипикѣ. Король обязанъ избавленіемъ своимъ шѣмъ же войскамъ, копорыя привели его на край гибели. Графъ Чернышевъ начальспвовалъ Россійскими войсками, копорыя должны были вспомошеспвовать Королю пропивъ Авспрійцевъ. Миръ, заключенный въ Губертсбургъ 1762 года, воспановилъ все въ прежнее соспояніе, и Король Прусской былъ по смерпъ свою ревностной союзникъ Россіи. Въ 1779 году, послѣ краткой войны съ Императоромъ Іосифомъ II, за Баварское наслѣдство, при-нялъ онъ посредничесство Россіи, и Князь Репнинъ, копорой долженъ былъ начальспвовать корпусомъ, заключилъ миръ между обѣими Государями въ Тешенъ. Въ 1787 году, когда

Турки нарушили миръ съ Россіею, Императоръ Іосифъ II въ тоже время объявилъ войну Поршѣ, и завоеваніе Хошина, Бѣлграда и другихъ мѣстъ ознаменовали оную.

Послѣ войны, копорую Россія окончила съ Турками споль щасливо въ 1774 году, согласіе Пруссіи, Австріи и Россіи произвело раздѣлъ Польши между оными.

М. Муравьевъ.

III. ДѢЛА СЪ ПЕРСІЕЮ.

Попомки Персовъ, копорые нѣкогда владѣли Азіею и грозили поработити Европу, далеки нынѣ отъ поликой славы. Самовласпіе удѣльныхъ Сулпановъ, рабство и невѣжесство, оскверняяютъ пресполь Кировъ. Еспесивенное богатство земли и сосѣдство Индіи не служатъ къ благополучію народа, за шѣмъ, что онъ не имѣетъ правленія мудраго и справедливаго. Со дней Крассовыхъ, Персія дерзала соревновать Риму, копорой умѣлъ опмстити ей понесенныя пораженія. Сильной Хозрой или Нуширванъ, привелъ въ опасностъ Воспочную Имперію во дни Императора Фоки. По его бѣдственной смерти, Персія подпала игу Калифовъ и перемѣнила вѣру Маговъ на ученіе Магомета, Аліевой секты. За Аравишянами

слѣдовали Турки въ завоеваніи Персіи и наконецъ Монголы. Въ началѣ нынѣшняго сполѣнія погружена она въ несчастія междоусобной войны слабоспію и пороками Шаха Гуссеина. Авганцы, воинспвенный народъ на границахъ Персіи, предводителспствуемый предприимчивымъ вождемъ своимъ Миривейсомъ, опложился опъ власпи Шаха: съ другой спороны хищные Лезгинцы разорили Шамахію, городъ процвѣтавшій портовлею. Имѣніе нѣкопрыхъ Россійскихъ купцовъ было въ немъ пограблено, и Государь Пепръ первый просилъ удовольспвія. Слабой Шахъ Гуссеинъ будучи не въ силахъ дать онаго, просилъ у Государя помощи для воспановленія падающаго своего преспла. Въ 1722 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ, Государь, прибывъ въ Аспраханъ съ спругою своею, посадилъ 30,000 пѣхоты на флотъ, предводителспствуемый Адмираломъ Апраксинымъ. Вышедъ на берегъ у залива Аграхамскаго, Государь пріемлетъ въ зависимость свою падающихъ Сулпановъ: опверзающъ врапа свои города Тарху и Дербенъ или желѣзные врапа, крѣпость, приписывающая возобновленіе свое Александру Великому. Погоды и разсѣяніе транспортныхъ судовъ воспреняспвовали Государю продолжатъ успѣхи оружія своего далѣе. Возвратяся въ Москву, онъ удостоилъ походъ свой пріумфа, и соблюдая по обычаю своему подчиненность,

донесъ Ромодановскому объ успѣхѣхъ предпріятія. Въ слѣдующій годъ Посоль Персидскій, прибывшій въ Санктпетербургъ, Измаиль Бекъ, уступилъ Россіи именемъ Государя своего, города Баку и Дербенъ съ уѣздами, и обласпи: Вилянскую, Мазандеранъ и Аспрабапъ. Въ Персіи возшелъ на пресполь изъ самаго ничпожеспва возвысившійся Тахмасъ Кулыханъ и Россія уступила ей обрапно свои пріобрѣтенія.

М. Муравьевъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО КУРСА.

КУРСЪ ВТОРЫЙ.

ИСТОРІЯ.

Нѣкоторыя мѣста изъ Исторіи Государства Россійскаго.

І. УБИЕНІЕ Великаго Князя Михаила Ярославовича въ Ордѣ.

Великій Князь, имѣя числную совѣсть, и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: шамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою шайную мысль, сказалъ: «Можешь бышь, въ послѣдній
«разъ опкрываю тебѣ внупренность души моей.
«Я всегда любилъ опечесиво, но не могъ пре-
«крапить нашихъ злонныхъ междоусобій: по
«крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хопя смерть
«моя успокоитъ его.» Михаилъ, скрывая сіе гореспное предчувствіе опъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвращишься. Посоль Ханскій, именемъ Ахмыль, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. «Спѣши къ Царю,» говорилъ онъ: «или полки его чрезъ мѣсяць вспупяшъ въ
«швою обласъ. Кавгадый увѣряетъ, что ты

« не будешь повиноваться. » Успрашенные симъ извѣщеніемъ, Бояре совѣщивали Великому Князю оспановившись. Добрыя сыновья Михайловы, Димитрій и Александръ, также заклинали опца не ѣздить въ Орду и посласть пуда кого нибудь изъ нихъ, чпобы умилоспивить Хана. « Нѣтъ, опвѣчалъ Михайлъ: Царь пребуесть « меня, а не васъ: подвергну ли опечесиво но- « вому несчастію? Можемъ ли бороться со всею « силою невѣрныхъ? За мое ослушаніе падеть « множесиво головъ Хриспіанскихъ; бѣдныхъ « Россіянъ полнами поведуть въ плѣнъ. Мнѣ « надобно будетъ умереть и тогда: не лучше « ли же нынѣ, когда могу еще своею погибе- « лію спасти другихъ? » Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ опеческое наспавленіе, какъ жить добродѣтельно, и проспился съ ними на вѣки.

Михайлъ нашель Узбека на берегу моря Сурожскаго или Азовскаго, при успѣѣ Дона; вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесць недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чпобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кпо изъ нихъ достоинъ казни. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шапрѣ, подлѣ Царскаго; призывали

Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не плашилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливостъ свидѣтельницами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе засѣданіе привели Михаила уже связаннаго и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ на Посла Царева и ядомъ оправилъ жену Георгіеву. Великій князь отвѣчалъ: « Въ бивѣ не узнаюшъ Пословъ; « но я спасъ Кавгадыя, и съ честію оппустилъ « его. Второе обвиненіе есть гнусная клевета; « какъ Христіанинъ свидѣтельствуюсь Богомъ, « что у меня и на мысли не было такого злодѣянія. » Судіи не слушали его, опдали подъ спражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не опходили опъ своего злощаснаго Государя: приспавы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменными данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разителью предспавляла ихъ величіе: нѣсколько

сотъ тысячъ людей было въ движеніи ; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и сѣдился на лучшаго коня ; купцы на безчисленныхъ пелѣгахъ везли повары Индѣйскіе и Греческіе ; роскошь , веселіе господствовали въ шумныхъ , необозримыхъ спанахъ , и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда пронулась : въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила , ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ униженіе и муку съ великодушною твердоспїю. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ прїобщался Святыхъ Таинъ , и топовый умерепъ какъ должно Хриспїанину , изъяслялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ : Михаилъ ободрялъ ихъ , и съ веселымъ лицомъ говорилъ : « Друзья ! вы долго видѣли меня въ чesпи и « славѣ : будемъ ли неблагодарны ? Вознегодуемъ « ли на Бога за уничиженіе кратковременное ? » Ночи проводилъ онъ въ молиствѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ ; Опрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ лиспы : ибо спражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву , злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь , усыпанную людьми , поставилъ на колѣна , ругался надъ нимъ , и вдругъ , какъ бы пронутый сожалѣ-

ніемъ, сказалъ ему: « не унывай! Царь поспу-
 « паешъ шакъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но
 « завпра, или скоро, объявляшъ тебѣ милость,
 « и снова будешъ въ чеспи. » Торжествующій
 злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый,
 сѣлъ на площади, и любопытные окружили его,
 рассказывая другъ другу, что сей узникъ былъ
 великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза
 Михайловы наполнились слезами: онъ вспалъ
 и пошелъ въ Вежу или шаперъ, чиняя ти-
 химъ голосомъ изъ Псалма: вси видяще мя
 покиваху главами своими. . . Уповаю на Госпо-
 да! — Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали
 ему уйти, сказывая, что кони и проводники
 готовы. « Я никогда не зналъ постыднаго бѣг-
 « ства, » отвѣчалъ Михаилъ: « оно можешъ
 « только спасти меня, а не опечесиво. Воля
 « Господня да будешъ! »

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и
 горами Черкасскими, близъ Врагъ желѣзныхъ
 или Дербенпа, подлѣ Яскаго города Тешякова,
 въ 1277 году взятаго нашими Князьями для
 Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно при-
 спупалъ къ Царю со мнимыми доказапельст-
 вами, что Великій Князь естъ злодѣй обли-
 ченный: Узбекъ, юный, не опытный, опасался
 бытъ несправедливымъ; наконецъ, обманушый
 согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышлен-

никовъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; опслушавъ Заупреню (ибо съ нимъ были Игумень и два Священника), благословилъ сына своего, Конспаншина, поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ пемницѣ изъясляли Государю равное усердіе. Часъ рѣшипельный наступалъ. Михаилъ, взявъ у Священника Псалпирь и разогнувъ оную, читалъ слова: сердце мое смясѣся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя. Душа его невольно содрогнулась. Игумень сказалъ ему: «Государь! въ семь же Псалмѣ, споль тебѣ извѣспномъ, написано: возверзи на Господа печаль твою.» Великій Князь продолжалъ: «кто дастъ ми крилъ яко голубинѣ? и полечу, и почию....» Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ спавку одинъ изъ его Опроковъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даниловичъ, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. «Вѣдаю для чего,» опвѣспновалъ Михаилъ, и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Боялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій

и Кавгадый остановились близъ шапра, на площади, и сошли съ коней, опрядивъ убійцъ совершивъ беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ споялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ешавку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подѣхали къ шапру. Тѣло Михайлово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: «онъ твой дядя: оставишь ли трупъ его на поруганіе?» Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

II. ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Аспрахани и въ Сараѣ. Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ черной смерти, началась въ Кишаѣ, испребила тамъ около принадащи миліоновъ людей, и доспигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Гер-

маніи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбище было схоронено 50.000 чело-
вѣкъ. Въ Парижѣ опчаянный народъ требовалъ
казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ
ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза
и въ Скандинавіи; опшуда, или изъ Нѣмец-
кой земли, перешла она во Псковъ и Новго-
родъ: въ первомъ открылась весною 1352 года
и свирѣпствовала до зимы съ такою силою,
что едва осталась прещъ живелей. Болѣзнь
обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ
тѣла; челоуѣкъ харкалъ кровію, и на другой
или на третій день издыхалъ. Не лзя, гово-
рятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища споль
ужаснаго: юноши и спарцы, супруги, дѣти,
лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ
день исчезали семейства многочисленныя. Каж-
дый Іерей по упру находилъ въ своей церкви
30 усопшихъ и болѣе; оппѣвали всѣхъ вмѣстѣ,
и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ
могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ.
Сперва люди корысполубивые охотно служили
умирающимъ, въ надеждѣ пользовапья ихъ на-
слѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва со-
общается прикосновеніемъ, и что въ самомъ
имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти,
тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ
убѣгалъ отца, братъ брата. Напрошивъ того
нѣкоторые изъъявляли великодущіе: не только

своихъ , но и чужихъ мерщвецовъ носили въ церковь ; служили панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставишь міръ и заключались въ монастыряхъ , или опказывали Церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли ; пишали , одѣвали нищихъ , и благотѣянїями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ , думали, что всѣмъ умереть должно.— Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковичи звали къ себѣ Архіепископа Василя , благословишь ихъ и вмѣстѣ съ ними принесли жерщву моленїя Всевышнему : какъ достойный Паспырь Церкви онъ спѣшилъ ихъ упѣшишь , презирая опасносшь. Вспрѣченный народомъ со изъявленїями живѣйшей благодарности , Василій облачился въ ризы Свящительскїя ; взялъ кресль , и провождаемый духовенствомъ , всѣми гражданами , самыми младенцами , обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣсни ; Иноки несли мощи ; народъ молился громогласно , и не было такого каменнаго сердца , по словамъ лѣтописи, копорое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ окомъ. Еще смерть не насыщилась жерщвами ; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковичи , вкусивъ сладосшь Христїанскаго умиленїя , перпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствїю : оно прекрапилось въ началъ зимы.

Скоро язва посѣпила и Новгородъ , гдѣ опъ 15 Августа до Пасхи , умерло множесство лю-

дей. То же было и въ другихъ обласпяхъ Рос-
сійскихъ : въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суз-
далѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не оспалось ни
одного жишеля. Такимъ образомъ опѣ Пекина
до береговъ Евфрапа и Ладуги нѣдра земныя
наполнились милліонами пруповъ , и Государ-
ства опустѣли. Иноспранные Испорики сего
бѣдспвія сообщаютъ намъ два примѣчанія : 1.
Вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей , нежели
старыхъ ; 2. Вездѣ , когда зараза миновалась ,
родъ человѣческій необыкновенно размножался :
споль чудесна Природа , всегда гошова замѣ-
няпѣ убыль въ ея царспвахъ новою дѣяшель-
носпію плодосворной силы !

Лѣшописцы наши сказывающъ , что вся Рос-
сія испышала тогда гнѣвъ небесный : слѣдспвен-
но и Москва , хопя они не упоминающъ объ
ней въ особенноспи.

III. ЯВЛЕНІЕ И ПЕРВЫЕ УСПѢХИ САМОЗВАНЦА.

Бѣдный сынъ Боярскій , Галичанинъ Юрій
Опрепьевъ , въ юноспи лишасъ опца , именемъ
Богдана-Якова, Спрелецкаго сопника, зарѣзан-
наго въ Москвѣ пьянымъ Липвиномъ , служилъ въ
домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкаскаго ;
зналъ грамошѣ ; оказывалъ много ума , но мало
благоразумія ; скучалъ низкимъ соспояніемъ и

рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Опрепьева, кошорой уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Поспrijженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скипался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ; въ обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предпечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подѣ началомъ. Тамъ Папrijархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны Святыхъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ; видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъяслялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ; обыкновенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на харпії. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему какъ увѣряють, однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый Самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь

Небеснаго Правосудія казнишь свято-убійцу ! Сѣмя пало на землю плодоносную : юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ чипаль Россійскія лѣпописи , и не скромно , хопя и въ шупку , \говариваль иногда Чудовскимъ Монахамъ : « знаете ли , чпо я буду Царемъ на Москвѣ ? » одни смѣялись ; другіе плевали ему въ глаза , какъ вралю дерзкому . Сіи или подобныя рѣчи дошли до Росповскаго Митрополипа Іоны , копорый объявилъ Папріарху и самому Царю , что « недостойный Инокъ Григорій хочеть бытъ сосудомъ діавольскимъ . » Добродушный Папріархъ не уважилъ Митрополипова извѣща ; но Царь велѣлъ Дьяку своему Смирнову Васильеву , опправивъ безумца Григорія въ Соловки , или въ Бѣлозерскія пуспыни , будпо бы за ересь , на вѣчное покаяніе . Смирновъ сказалъ о помъ другому Дьяку Евфимьеву ; Евфимьевъ же , будучи свойспвенникомъ Опрепьевыхъ , умолилъ его не спѣшивъ въ исполненіи Царскаго указа , и даль способъ опальному Діакону спаспся бѣгспвомъ (въ Февралѣ 1602 года) , вмѣспѣ съ двумя иноками Чудовскими , Священникомъ Варлаамомъ и Крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ . Не думали гнапся за ними , и не извѣспили Царя , какъ увѣряють , о семъ побѣгѣ , коего слѣдспвія оказались споль важными .

Бродяги – Иноки были потгда явленіемъ обыкновеннымъ ; всякая Обипель служила для нихъ

госпинницею : во всякой находили они покой и довольствіе , а на пущь запасъ и благословеніе. — Григорій и поварищи его свободно доспигли Новагорода Сѣверскаго , гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми , чпобы ѣхашь въ Пущивль ; но бѣглецы , опославъ провожапаго , спѣшили въ Кіевъ , и Спасскій Архимандритъ нашель въ келліи , гдѣ жилъ Григорій , слѣдующую записку : « Я Царевичъ Димитрій , сынъ Іоанновъ и не забуду твоей ласки , когда сяду на пресполъ опца моего. » Архимандритъ ужаснулся ; не зналъ , что дѣлать ; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ опкрылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи ; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнушь великаго Монарха и сѣсть на его Пресполъ , въ Державѣ , гдѣ Вѣнценосецъ счипался земнымъ Богомъ , — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ , и гдѣ присяга , данная Государю избранному , для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною ! Чѣмъ кромѣ дѣйствія , непоспижимой судьбы , кромѣ воли провидѣнія , можемъ изъяснишь не только успѣхъ , но и самую мысль такого предпріятія ? оно казалось безуміемъ ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій пущь къ цѣли : Липву !

Тамъ древняя, естеспвенная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнщикамъ, опѣ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина; пуда успремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Спародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темныя лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему пушеводипелемъ новый спутникъ его, Инокъ Днѣпровскаго монастыря, Пимень, и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Липовскаго селенія слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменипаго Воеводы, Князя Василя Конспанпиновича Оспрожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никопольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая успавъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ полковати о законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ пѣсной связи съ Анабапписами. Между пѣмъ безумная мысль неусыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и пайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Липвѣ; свелъ знакомство съ другимъ опчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ, уговорилъ его назваться своимъ именемъ, по еспѣ, Григоріемъ Опрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду

монашескую, явился міряниномъ, чшобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдишельныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Липовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, расприга Опрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Гарасима Евангелика, Спаршины именинаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ мѣстѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Лапинскою грамматикою: ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу. — И еспьли искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надмѣнность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца. Новый слуга знаменинаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участво-

валъ только въ воинскихъ , съ опмѣнною лов-
костію. Имѣя наружность не красивую, ростъ
средній, грудь широкую, волосы рыжеватые,
лице круглое, блѣлое, но совсѣмъ не привлека-
тельное, глаза голубые безъ огня, взоръ шу-
склый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ
глазомъ, также на лбу, и одну руку короче
другой, Опрепѣевъ замѣнялъ сію невыгоду жи-
востію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осан-
кою благородною. Заслуживъ вниманіе и доброе
расположеніе господина, хитрый обманщикъ
припворился больнымъ, прѣбывалъ духовника,
и сказалъ ему тихо: «Умираю. Предай мое
дѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣшей
Царскихъ. Не объявлю своей тайны до гроба;
когда же закрою глаза на вѣки, ты найдешь
у меня подъ ложемъ свѣшчокъ, и все узнаешь;
но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ уме-
реть въ злѣшаспій.» Духовникъ былъ Іезуитъ:
онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго
о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ
узнать ее: обыскалъ поспелю мнимо — умираю-
щаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изго-
товленную, и прочиталъ въ ней, что слуга
его есть Царевичъ Димитрій, спасенный отъ
убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ; что зло-
дѣи, присланные въ Угличъ, умертвили одного
сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего ук-
рыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а

послѣ выпроводили въ Липву, исполняя наказъ Іоанновъ, данной имъ на сей случай. Вишневецкій изумился. Еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, вина нескромности Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золопой, драгоценными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно гдѣ нибудь украденный) и со слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ опцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Вельможа Липовскій былъ въ восхищеніи. Какая слава представлялась для него возможною! бывшего слугу своего увидѣвъ на пронѣ Московскомъ! онъ не щадилъ ничего, чтобы поднятъ мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его припворнаго выздоровленія изготавилъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатая одежды, успѣлъ во всей Липвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына. Братъ Князя Адама, Конспанпинъ Вишневецкій, и шестъ сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣривши, золопому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Пепровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія

(младенца двухъ или прехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичъ дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца: (дополъ никому неизвѣстныя) бородавки на лицѣ и коронную руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наследникъ Θεодоровъ; а Сигизмундъ оповѣщивалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и пронырливыми Іезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло казаться счастливымъ для Липвы и Рима? Чего не льзя было имъ претребовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи царства, которое всегда грозило Липвѣ и всегда опровергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ послушникѣ. Симъ изъясняется легковеріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Іезуиты побѣдили его нерѣшимость,

представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рантони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимипрій письменно обязался за себя и за Россію приспѣвать къ Лапинской церкви, а Рантони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ, но и во всей Европѣ; совѣщавалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія.

Вмѣстѣ съ Возводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ, Опрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковъ, гдѣ Нунцій немедленно посѣпилъ его. «Я самъ былъ тому свидѣтелемъ,» пишетъ секретарь Королевскій Чилли, вѣря мнимому Царевичу: «я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димипрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, и говоря, что ему должно торжественно объявить себя Каполиккомъ для успѣха въ своемъ дѣлѣ.» Димипрій съ видомъ сердечнаго умиленія клялся въ непремѣнномъ исполненіи даннаго имъ обѣда, и въпорично подтвердилъ сію клятву въ домѣ у Нунція, въ присутствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Царевича пышнымъ обѣдомъ, Рантони повезъ его во дворецъ. Сигизмундъ,

обыкновенно важный и величавый, принялъ Димитрія въ кабинетѣ, сходя, и съ ласковою улыбкою. Димитрій поцѣловалъ у него руку, рассказалъ ему всю свою исторію, и заключилъ такъ: Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ пребудетъ оупъ тебя сожалѣнія и помощи. Чиновникъ Королевскій далъ знакъ Царевичу, что бы онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ Воевода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Король оспался на единѣ съ Нунціемъ, и чрезъ нѣсколько минушъ снова призывалъ Димитрія. Положивъ руку на сердце, смиренный Царевичъ болѣе вздохами, нежели словами убѣждалъ Сигизмунда быти милоспивымъ. Тогда Король съ веселымъ видомъ, приподнявъ свою шляпу, сказалъ: Да поможетъ вамъ Богъ, Московскій Князь Димитрій! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельспва, несомнишельно видимъ въ васъ Іоаннова сына, и въ доказательспво нашего искренняго благоволенія, опредѣляемъ вамъ ежегодно сорокъ тысячъ злпыхъ (54.000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ истинный другъ республики, вольны сносишья съ нашими Панами, и пользовашья ихъ усерднымъ вспоможеніемъ. Сія рѣчь споль восхишила Димитрія, что онъ не могъ сказаиъ ни еди-

наго слова: Нунцій благодарилъ Короля, привезъ Царевича въ домъ къ Воеводѣ Сендомирскому, и снова обнявъ его, совѣщавалъ ему дѣйствовать немедленно, что бы скорѣе достигнуть цѣли: опянуть Державу у Годунова и на вѣки утвердить въ Россіи Вѣру Каполическую съ Іезуитами. Прежде всего надлежало самому Лжедимитрію принять сию Вѣру, чего неопимѣнно хотѣлъ Рангони; но условились неоглашать этого до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Лапинской церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Расприга шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ; въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, что бы никто не узналъ его, выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, опрелекся отъ нашей церкви, и какъ новый ревностный сынъ западной, принялъ плѣхо Христово съ миропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ письмахъ Іезуитскаго Общества, которое славилъ будущія великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму всѣ неизмѣримыя спраны востока! — Тогда Опрелевъ, слѣдуя наспавленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Лапинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣлъ въ немъ искренняго покровителя—и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей гошов-

носпи помогаѣь ему всею духовною властію Апоспольскаго намѣспника.

Должно опдаѣь справедливосѣь уму Распри- ги: предаѣь себя Іезуиѣамъ, онъ выбралъ дѣй- спвипельнѣйшее средспво одушевиѣь ревно- спію безпечнаго Сигизмунда, копорый вопреки чеспи, совѣспи, народному Праву и мнѣнію многихъ знапныхъ вельможъ, рѣшилсѣ быѣь сподвижникомъ бродѣти. Славный другъ Бапо- ріевъ, Гешманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ пред- пріѣпії, говоря, чѣо Республика доспавивъ Димипрію корону, будепъ располагаѣь силами Московской державы, легко обуздаепъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возмепъ Эспонію и всю Ливонію, опкроепъ пупъ для своей портовли въ Персію и въ Индію; но чѣо сіе великое намѣреніе, пребуѣ пайны и скороспи, немо- жепъ быѣь предложено сейму, дабы Годуновъ неимѣлъ времени изгоповиѣься къ оборонѣ. Тщепно спареѣь Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь Оспрожскій и другіе Вельможи блатора- зумные удерживали Короля, не совѣпуѣ ему лег- комысленно вдаѣаѣься въ опаспносѣь пѣакой войны, особенно безъ вѣдома чиновъ Государ- спвенныхъ, и съ малыми силами. Тщепно зна- менипый Панъ Збаражскій доказыѣалъ, чѣо мнимый Димипрій еспъ безъ сомнѣніѣ обман- щикъ. Убѣжденный Іезуиѣами, но не дерзѣѣ

самовластно нарушивъ двадцатилѣтняго перемирія , заключеннаго между имъ и Борисомъ , Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя пропивъ Годунова именемъ Іоаннова сына и сославивъ рапъ изъ вольницы ; опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства ; внушалъ Дворянамъ , что слава и богатство ожидающъ ихъ въ Россіи , и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Распригу , опустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію , гдѣ , близъ Львова и Самбора , въ маешносняхъ Вельможи Мнишка , подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь , что бы идти на Москву.

IV. ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРІИ НОВАГОРОДА.

Исторія Новгорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ , въ климатѣ суровомъ , основанный , можетъ быть , полною Славянскихъ рыбарей , которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ , онъ умѣлъ возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми , мирными племенами Финскими , рано научился господствовать въ сосѣдствѣ ; покоренный смѣлыми Варягами , заимствовалъ отъ нихъ духъ купе-

честива, предприимчивость и мореплавание; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутреннего безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ дославить себя славою для успехов гражданскаго общежитія и силу для отраженія внешнихъ непріятелей; рѣшилъ пѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему опечестиву, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захопѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири, и торгшю людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоценныхъ произведеній дикой Напуры, сообщалъ Россіи первыя плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благотѣльных; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои спѣшны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альпу, гдѣ

Ярославъ Великій съ вѣрными Новгородцами побѣдилъ злочеспиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченія Князей Суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ споль часпо уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питаая народное честполюбіе, произвели извѣстную пословицу: кто прошивъ Бога и Великаго Новгорода? Жители его хвалились и пѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хоша и плашили дань Ординскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены пиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе спрасшей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное поржесство добродѣтели, среди мяшежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новгорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ чершы плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава І, хошащаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умерщвилъ нашихъ

« брашъевъ , но мы идемъ съ побою на Свя-
 « шополка и Болеслава ; у тебѣ нѣтъ казны ;
 « возьми все , что имѣемъ . » Здѣсь Посадникъ
 Твердиславъ , несправедливо гонимый , слышншь
 вопль убійцъ , посланныхъ вонзипъ ему мечъ въ
 сердце , и велишъ нести себя больного на град-
 скую площадь , да умрешъ предъ глазами народа ,
 если виновенъ , или будешъ спасенъ его защи-
 тою , если невиненъ ; поржесшвуешъ , и навѣки
 заключается въ Монастырь , жершвуя спокой-
 ствію согражданъ всѣми пріятностями честпо-
 любія и самой жизни . Тупъ доспойный Архіепи-
 скопъ , держа въ рукѣ кресшъ , являешся среди
 ужасовъ междоусобной брани ; возносишъ руку
 благословляющую , именуешъ Новгородцевъ
 дѣшми своими , и спукъ оружія умолкаешъ : они
 смиряюшся и брапски обнимаюшъ другъ друга .
 Въ бипвахъ съ врагами иноплеменными По-
 садники , Тысячскіе умирали впереди за Свяпую
 Софію . Свяпишели Новгородскіе , избираемые
 гласомъ народа , по всеобщему уваженію къ ихъ
 личнымъ свойспвамъ , превосходили иныхъ до-
 споинспвами Пасшырскими и гражданскими ;
 испощали казну свою для общаго блага ; спроили
 спѣны , башни , мосты , и даже посылали на
 войну особенный полкъ , копорый назывался
 Владычнимъ ; будучи главными блюспшителями
 правосудія , внушренняго благоуспройспва , мира ,
 ревностно спояли за Новгородъ и не боялись

ни гнѣва Мишрополишовъ, ни меспи Государей Московскихъ. — Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часпо легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозносишься въ успѣхахъ, изъясляшь умеренность въ счастіи, швердосшь въ бѣдсшвіяхъ, давашь приспанище изгнанникамъ, вѣрно исполняшь договоры, и слово: Новгородская честь, Новгородская душа, служило иногда вмѣсто клятвы. — Республика держишься добродѣтелию, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новгорода ознаменовалось упрашою воинскаго мужесшва, кошорое уменьшаеься въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатсшва, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ счишался нѣкогда самымъ воинспвеннымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, шамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ: такъ было до XIV сполѣтія. Счастіемъ спасенный опъ Башыя, и почпи свободный опъ ита Ташаръ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечесшвѣ, но слабѣлъ доблесшю: сія вшорая эпоха, цвѣшущая для торговли, бѣдспвенная для гражданской свободы, начинается со времени Іоанна Калишы. Богашые Новгородцы спали опкупаься серебромъ опъ Князей Московскихъ и Липвы; но вольность спасаеься не серебромъ, а тошовноспію умереть за нее: кшо опкупаеься, шопъ признаеься свое без-

силіе, и манишь къ себѣ Власпелина. Ополченія Новгородскія въ XV вѣкѣ уже не представляющъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Чѣмъ, кромѣ не устройсва и малодушнаго бѣгсва, видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежишь льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Липовскаго или Московскаго: къ счастью, наследники Вишовповы не наследовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовати Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самая опасность и безпокойсва ея, питающая великодушіе, плѣняющъ умъ, въ особенностяхъ юный, малоопытный; хотя Новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ иранствомъ Моголовъ: однакожь Исторія должна прославити въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо Государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, что бы она достигла независимости и величія, что есть, что бы не погибла отъ ударовъ новаго Багья или Вишовпа; тогда не уцѣлѣлъ бы и Нов-

городъ; взявъ его владѣнія, Государь Московскій пославилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во пѣмѣлѣсахъ, наполненныхъ соболями. — Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею.» Историкъ Русскій, любя и человѣческія и Государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить уплую вольность Новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи.»

Карамзинъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

І. ПО ШВЕЙЦАРСКИМЪ ГОРАМЪ.

Тунское Озеро, въ 5 часовъ утра.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута опъ минуты яснѣе. Все дышитъ! тонкія облака тумана несятся вокругъ нашей лодки. Влага проникаетъ сквозь мое

плащѣ, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ подаетъ мнѣ черный мѣшокъ, копорый долженъ служишь мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Напура! просни слабому: на нѣсколько часовъ опвращаетъ онъ взоръ свой опъ пвоего великолѣпія.

Въ семь часовъ. По обѣимъ споронамъ озера непрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи низпадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдноты, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ пвоемъ физическомъ и нравственномъ мірѣ! —

На сѣверной споронѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькій ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беапуть, первѣйшій изъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, копорый принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали опечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Пслѣдними опраслями сего Дома были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ

Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сеспра его вышла за брапа ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединились шѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда поѣхали новобрачные и всѣ госпи прогуливаясь въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мѣлкія волны пѣнились подъ лодкою.
. . . . Уже приближался вечеръ, и плавапели безпрестанно опъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро спрашно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу; но берегъ во мракѣ скрывался опъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! сперва спарались они ободряя гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ оспаются тщетными, и что гибель не избѣжна, поручили судьбу свою Богу,

обшерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ пошонули, всѣ, кромѣ одного гребца, который счастливо доплылъ до берега, и принесъ вѣсть о гибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкъся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ доспался въ наслѣдство дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знаменѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ. — Съ печальными мыслями разсма-приваль я сей замокъ; вѣперъ вѣялъ опъ опустѣвшихъ спѣвъ его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приспавъ къ берегу версны за двѣ опсюда, шель я до Ун-перзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; креспьянскіе избы построены здѣсь опмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особенное. — Я на-нялъ шеперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ — и черезъ полчаса пойду въ деревню Лаупербрунненъ, до которой считается опсюда около десяти верспъ.

Лаупербрунненъ. Дорога опъ Унперзеена до Лаупербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Липшины, которая течетъ съ

ужасною быспропою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за копорымъ долина спановипся часъ опъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаупербрунненъ. Скоро опкрылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версшы за двѣ не доходя до Лаупербруннена, увидѣлъ я пакъ называемый Шпауббахъ, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 фушовъ вышиною. Въ семь опдаленіи кажется онъ неподвижнымъ сполбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому Феномену, и разсмаприваль его со всѣхъ споронъ. Вода прямо лешипъ внизъ, почти не допротиваясь до ушеса горы, и разбиваясь, пакъ сказапъ, въ воздушномъ проспранспвѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или пончайшаго серебрянаго дожда. Шаговъ на спо вокругъ разносяпся влажные брызги, копорыя въ нѣсколько минупъ промочили на сквозъ мое плапье. — Попомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому Триммербахъ, до копораго будетъ опсюда около двухъ верспъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внушренности ея съ шумомъ падаетъ и спремипся въ долину, гдѣ мало по малу упишая

свою ярость, образуешь чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе Триммербаха составляютъ дикую красоту, плѣняющую любителей Напуры. Около часа пробылъ я на семь мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ, гдѣ теперь опдыхаю въ шракшпирѣ.

Въ восемь часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ граничныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ Юнгферы, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго шворенія! — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ спутилъ первый

шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крушизны. Упрѣ было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый серпукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуточку надлежало мнѣ отдышаться. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать бѣеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десятокъ лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратиться въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ капящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному спутнику, который встрѣтился симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! — Смерть его неизбежна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній и спустился на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемена. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кпо въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ споль явленно Свое

всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!...
Друзья мои! я споялъ на высочайшей ступени,
на которую смертные восходить могутъ для
поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ
произнести ни одного слова, но я никогда такъ
усердно не молился, какъ въ сію минуу.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ
я справедливостъ того, что Руссо говоритъ
о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя по-
неченія, всѣ заботы, всѣ тѣ мысли и чувства,
которыя унижаютъ благородное существо че-
ловѣка, оспаяющія въ долинѣ — и съ сожалѣ-
ніемъ смотрѣлъ я внизъ на жишелей Лаупер-
бруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они
въ самую сію минуу увеселялись зрѣлищемъ
серебрянаго Шпауббаха, освѣщаемаго солнеч-
ными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое
высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое
опечесство и дѣлается гражданиномъ вселенной;
здѣсь, смотря на хребты каменныхъ швер-
дынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осы-
панныхъ снѣгомъ, на которомъ сползшія ос-
тавляютъ едва примѣтные слѣды, забываетъ
онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углуб-
ляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ пре-
пещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ
о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ
небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣ-
когда въ бездну морскую.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Вентенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, копорыя возвышаюпся на хребтѣ ея, какъ на фундаментѣ. Тутъ нашель я нѣсколько хижинъ, въ копорыхъ паспухи живуць только лѣпомъ. Сіи просподушныя люди зазвали меня къ себѣ въ гоеши, и принесли мнѣ сливокъ, шворогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — пошому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни споловъ, ни спульевъ. Двѣ молодыя веселыя паспушки, смопря на меня, безпреспанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что проспая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравишся, и что я хочу оснапсья у нихъ, и вмѣспѣ съ ними доипѣ коровъ. Онѣ опвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на копорую спойло мнѣ только шагнупѣ, и пишу карандашемъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минупу низки передо мною всѣ великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, въ 7 часовъ вечера.

Шедши опѣ хижинъ около часа по оплогому скапу — мимо спадъ, пасущихся на цвѣпной благовонной зелени — начали мы спускапсья съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина,

гдѣ лежишь эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ тоже самое время увидѣлъ я и верхній глетчеръ, или ледникъ; а нижній открылся гораздо уже послѣ будучи заслоняемъ горою, съ копорой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, копорый былъ ко мнѣ ближе. Вообрази себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ копорыхъ хопя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ шутъ однимъ Французскимъ писателемъ, но копорыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, копорого валы опъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или писатель имѣлъ психическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ выпекается изъ подъ свода его мутная рѣка Липшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ несчастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не

хопѣлось оставишь своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, копорыя разсыпались подъ моими ногами, шакъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предастъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолевалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усыпанная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тупъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, если не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хопя мѣлкой, однакожь опмѣнно сладкой и вкусной, копорая прохлдила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ пракширѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, копорый

показался мнѣ еще лучше нижняго, пошому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе чепырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же прудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласпочки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе спадъ. Цвѣшны и правы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шректора, высочайшей Альпійской горы, копорая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2.400 сажень; а теперъ возвышается передо мною грозный Веппергорнь, копорый часпо привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скапились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой прескъ, (копорый заставилъ меня вздрогнуть) — а пошомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ опдаленному грому, — при чемъ на нѣсколько сажень вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекъ нашелъ я паспуховъ, копорые также подчивали меня пворогомъ, сыромъ и густыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперъ

на бутръ горы, и смопрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу испочникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная хранина Нашуры, хранина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И если бы сіи снѣги могли вдругъ расплопиться, то второй пошопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не лзя взирапъ безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго пворенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни — нѣтъ ни деревъ, ни правъ, — гдѣ меланхолическая пустоша искони царспвуетъ. Иногда надъ дикими, мершвыми ушесами являешся здѣсь величайшая изъ пшицъ, Альпійской орель, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщепно сіи послѣднія стараются спаспсь опъ него легкоспію ногъ своихъ, прыгая съ одной вышины на другую! Люпый врагъ гонипся повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная не находитъ для себя никакого пупи. Тупъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смопря на все свое искусство въ прыганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орель извлекаетъ ее опшуда въ опспрыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна пшица сія умерщвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ спрашнѣе. Презирая всѣ опасности, съ

удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крутизны; однакожь многія погибають, падая въ пропасти, или утлая въ морѣ снѣговъ. Спрашныя анекдоты объ нихъ рассказываютъ. Напр. одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрекгорнѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣву свой — уже острые гранины голы были растерзаны несчастнаго — но онъ зацѣпился ногою за камень и повисъ надъ пропастью. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзти на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти, наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, спастись на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у паспуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семь пуши, былъ такъ называемый Розенлавинггелшеръ, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острия свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; ни гдѣ

не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ : дичь и пу-
стоша представлялись вездѣ глазамъ моимъ.
Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упали кипящіе
ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу.
Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я
прекрасные благовонные луга, какихъ лучше
вообразить не лзя — и, къ удивленію моему,
не видалъ на нихъ пасущагося скопа. Не може-
те вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени
послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадь,
упомянувшихъ мое зрѣніе ! на всякомъ лужкѣ оп-
дыхалъ я по нѣскольку минутъ, и если не
руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими
ласкалъ каждую травку вокругъ себя. — Я при-
шелъ въ маленькую горную деревеньку, копо-
рой жили величаютъ пасущую жизнь во всей
пустотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скопо-
водства, и питаясь однимъ молокомъ. Они
дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцевъ
отправляютъ ихъ въ Испанію. Сырные анбары
построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ
столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы
воздухъ могъ повсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня помила. Я остановился подлѣ
одной хижины, на берегу чистаго ручья, и ви-
дя молодого пасуха, у дверей сидящаго, по-
просилъ у него спакана. Онъ не скоро понялъ
меня ; но понявъ, тотчасъ бросился въ свой
домикъ и вынесъ чашку. Она чиста, сказалъ

онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея: побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмоп-рѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ дру-гой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду! я взялъ чашку, — и если бы не побоялся пролишь воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго паспуха, съ такимъ чув-ствомъ, съ какимъ обнимаешь брагъ брапа: споль любезень казался онъ мнѣ въ эту ми-нуту! — Для чего не родились мы въ тѣ вре-мена, когда всѣ люди были паспухами и брагъ-ями! Я съ радостію откажусь бы отъ мно-гихъ удобносней жизни (копорыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чпобы возвра-тишься въ первобытное соспояніе человѣка. Всѣми испинными удовольствіями — тѣми, въ копорыхъ учаспвуешь сердце, и копорыя насъ подлинно счаспливыми дѣлають — наслаж-дались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красопами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? — Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпо-койствъ, копорыхъ не зналъ человѣкъ въ преж-немъ своемъ соспояніи, терзають нынѣ вну-тренность нашу, и всякая пріятность въ

жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я опъ паспуха ; нѣсколько разъ оборачивался назадъ , и примѣшилъ , что онъ провожаетъ меня взорами своими , въ копорыхъ написано было желаніе : поди , и будь счастливъ ! Богъ видѣлъ , что и я опъ всего сердца желалъ ему счастія ; — но онъ уже нашелъ его !

Сильный шумъ перервалъ нишь моихъ размышленій. Что это значитъ ? спросилъ я у проводника моего , оспановясь и слушая. « Мы приближаемся къ Рейхенбаху , ошвѣчалъ онъ , славнѣйшему Альпійскому водопаду. » — Хотя путешествуя по Швейцарскимъ горамъ безпреспанно видишь каскады , безпреспанно орошается ихъ брызгами , и наконецъ смопришь на нихъ равнодушно ; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Ошдаленный шумъ обѣщаль мнѣ нѣчто величественное : воображеніе мое спремилось къ причинѣ его ; но шумъ вдругъ опкрылось мнѣ другое великолѣпіе , копорое заставило меня на время забыть Рейхенбахъ. Ахъ , для чего я не Живописецъ ! для чего не могъ въ ту же минушу изобразить на бумагѣ плодоносную , зеленую долину Гасли , копорая , въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣщущаго сада , представилась глазамъ моимъ , между дикихъ , каменныхъ , небеса подпирающихъ горъ ! плодовиые лѣ-

сочки, и между ими маленькіе деревянные домики, соспавляющіе мѣспечко Мейрингенъ — рѣка Ара, спремящаяся вдоль по долину — множество ручьевъ, низпадающихъ съ крупныхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною пекущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я опѣ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — опѣ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ Рейхенбахъ, и чѣобы посмопрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти опянь на высокой пригорокъ и спустился съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, лепящею опѣ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ опѣ паденія, облака сей пыли меня почти со всѣмъ ослѣпили. Однакожь я подошелъ къ самому кипящему водоему, или шой, яроспю воды ископанной ямѣ, въ копорую Рейхенбахъ падаетъ съ вышины своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имѣ на пуши воспрѣчаемыя. Трудно предсавить себѣ ту ужасную быспропу, съ копорою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опянь вверхъ подымается,

будучи отвержена его вѣчно кипящею пучиною , и распроспраняя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму ! Тщепно воображеніе мое ищепъ сравненія , подобія , образа ! . . . Рейнъ и Рейхенбахъ , великолѣпныя явленія , величеспвенныя чудеса Природы ! въ молчаніи удивляпсья будепъ вамъ всякій , имѣющій чувспво ; но кто можетъ изобразипъ васъ кистію или словами ? — Я почти совсѣмъ чувспвъ лишился , будучи оглушенъ гремящимъ громомъ паденія , и упалъ на землю. Моря водяныхъ часпицъ лились на меня , и припомъ съ такими порывами вихря (производимаго въ воздухъ силою падающей воды) , что , боясь смерпельной проспуды , я долженъ былъ черезъ нѣсколько минупъ удалипсья опъ сего мѣспа. Всякій , взглянувъ на меня , подумалъ бы , что я вышелъ изъ рѣки : ни одной сухой нишки на мнѣ не оспалось , и вода пекла съ меня ручьями , подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оспавалось мнѣ не болѣе прехъ верспъ , и дорога былъ уже не такъ трудна , какъ на сходъ съ вершины Шейдека ; но сіи при верспы довели успалоспъ мою до высочайшей спепени , пошому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные оппрыгиваюпъ опъ голыхъ скалъ , и согрѣвая воздухъ , производяпъ духопу , весьма рѣдко вѣсперкомъ прохлаждаемую. Женщины , вспрѣ-

чавшіяся мнѣ, смопрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: какъ жарко, молодой путешественникъ!

Мѣспечко или деревня Мейрингенъ состоишь изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ распояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ со всемъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обишпели долины Гасли живутъ въ безпреспанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютъ дома поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣянiями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — шуманъ раздѣлился — лодка наша капишя по спруиспой лазури, освѣщаемой золопыми лучами — подлѣ меня сидишь одинъ добрый спарикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спишь крѣпкимъ сномъ,

положивъ голову на плечо его ; онъ одѣваетъ красавицу плащемъ своимъ , боясь , чшобы она не проспудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею проспью , и напоминаетъ мнѣ шѣхъ Духовъ въ Багвашъ-Гепѣ , копорые симъ способомъ цѣлый океанъ преврапили въ масло — высокой Нѣмецъ , стоя подлѣ мачпы , куришъ прубку — Беккеръ , пожимаясь опъ упреннаго холоднаго воздуха , разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаменномъ листочкѣ.

На обѣихъ споронахъ рѣки проспираются зеленыя равнины ; изрѣдка видны пригорки и холмики ; вездѣ прекрасныя деревеньки , какихъ не находилъ я ни въ Германіи , ни въ Швейцаріи ; сады , лѣпніе домики богатыхъ купцовъ , дворянскіе замки съ высокими башнями ; вездѣ земля обрабопана наилучшимъ образомъ ; вездѣ видно прудолубіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное соспояніе сихъ цвѣпущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ ; темныя лѣса шумѣли надъ ея водами ; люди жили какъ звѣри , укрываясь въ глубокихъ пещерахъ , или подъ вѣпьями сполѣпныхъ дубовъ — какое превращеніе !... Сколько вѣковъ попребно было на шо , чшобы

сгладить съ напуры всѣ признаки начальной дикоспи!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, копорыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) являсь здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынь Африканской!... Горестная мысль!

Наблюдайте движеніе Природы; читайте Исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать невозможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, копорый удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвели они. . . . и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того поправляешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и если запуснѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ, процвѣтутъ новыя полипическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Плапоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдастъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннепа, а въ Кенигсбергѣ Канпа, передъ которыми Плапонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Карамзинъ.

Болѣе писать негдѣ.

II. По САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

(въ 1821).

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalder-Grund. Время было нѣсколько шуманно, когда мы (я и мой товарищъ О... въ) оставили Дрезденъ, но въ Пильницѣ встрѣпили мы ясную погоду, и во весь этотъ день, солнце (не смотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ) было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу

сказать вамъ ничего : окрестности его при-
 ятны , но самъ дворецъ и садъ мало достойны
 примѣчанія. Напившись кофе въ пракпирѣ ,
 мы поѣхали далѣе , въ городокъ Ломень , гдѣ
 оставили свою коляску , и отсюда началось наше
 пѣшеходство ; коляску же отправили мы , до-
 жидаясь насъ , въ деревню Рапсвальде. Въ
 Ломень есть старинный замокъ : съ высокой
 его террасы взглянули мы на рѣчку Везеницу ,
 копорая течетъ живописными берегами — видъ
 прекрасный ! передъ глазами часть городка и
 мельница , копорой колеса приводятся въ дви-
 жение быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломени пошли
 мы полемъ , и скоро по крупной пропикѣ спу-
 стились въ Ottowalder-Grund (Grund , я думаю ,
 можно перевести словомъ : дебрь) ; это не
 долина , а узкій , глубокий и длинный проѣздъ
 между ущесами , дорога , копорую въ старыя
 времена проложила себѣ вода , пропочившая
 камни. Внезапная противоположность той глу-
 бины , въ копорой мы очутились , съ тою
 веселою равниною , копорую мы покинули , была
 весьма разительна : вдругъ все дико , мрачно и
 сурово ; идешь узкою пропикой , между ог-
 ромныхъ камней , покрытыхъ старымъ мохомъ ,
 и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на дно
 долины ; по обѣимъ сторонамъ стѣны ущесовъ ,
 покрытыя елями и соснами ; надъ головою уз-
 кая полоса голубаго неба ; кое-гдѣ на верши-

нахъ свѣшъ солнца ; внизу же свѣжестъ и сумракъ , и нельзя описать того разнообразія , въ какомъ представляющся здѣсь утесы : то вдругъ огромная опдѣлившаяся колонна , на которой , вмѣсто капищели , мохъ и сосны ; то вдругъ цѣлая стѣна , преснувши , наклонилась , и грозится себя задавить ; то вдругъ странные фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе , и эти странные фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болливый проводникъ (котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенъ) рассказывалъ намъ біографіи нѣкоторыхъ утесовъ : такъ на примѣръ въ Ottowalder-Grund есть глубокая низкая пещера , которая называется Teufelshöhle : въ ней жаритъ свою дичь , и вѣроятно угощаетъ ею дьявола , такъ называемый дикій охотникъ (der wilde Jäger) , здѣсь извѣстный подъ именемъ безголовата Дидриха ; онъ , часпо по ночамъ , съ ужаснымъ крикомъ , вихремъ и градомъ , бѣгаетъ по утесамъ и забавляется охотою. Есть мѣсто , которое называется Steinernes Haus : на днѣ долины лежитъ обрушившійся камень , имѣющій фигуру дома. Долина , почти вездѣ весьма узкая , вдругъ такъ суживается , что едва можно пройти двумъ человѣкамъ , и нѣсколько камней , сорвавшись съ вышины , увязли въ ущельѣ и образовали кровлю : это мѣсто называется Ottowalder-

Thor. Сквозь эти воропа входимъ въ Raingrund, попомъ въ die Hölle, попомъ узкою дорожкой начинаемъ подымашься вверхъ: вокругъ тебя все дико попрежнему; кажешься, что находишься въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не была нога человѣческая: все въ разрушеніи, дико и сурово; но, взобравшись на высоту, видимъ себя вдругъ на лугу: кругомъ кустарникъ и веселая густая роща; пропинка въешся черезъ рощу, и путь кое-гдѣ сквозь деревья начинають проскакивать виды на голубую даль съ свѣплымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполне насладиться неожиданностію, я не далъ воли своему неперпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шель успавивъ глаза на свою пропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Bastey. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное! Природа, чтобы плѣнять и удивлять своими картинами, употребляетъ утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сіяніе неба, бурю и тишину; а бѣдный человѣкъ, чтобы выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы, однооб-

разными чернильными каракульками, между которыми, часто бываетъ, гораздо труднѣе добратъся до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вамъ о несравненномъ видѣ съ Bastey! Какъ изобразить чувство нечаянности, великолѣпіе, неизмѣримостъ дали, множество горъ, которыя вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которыя наводили огромныя подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и замки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестью. Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать особеннымъ словомъ; но то впечатлѣніе, которое всѣ они вмѣстѣ на душѣ производятъ — для него нѣтъ выраженія; пусть молчитъ языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы — въ ея невыразимости! надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Это утесъ въ сто сажень перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряду другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влево такіе же крупные, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ

кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffenstein, Pfahst-stein и множество другихъ; влѣвъ der grosse Winterberg на горизонтѣ die Erzgebirge, вправѣ Пирна, вдали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карпачными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣплыми пихоползущими мошками.

На утесахъ, порчащихъ влѣво отъ Bastei, споялъ въ спарину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ; еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста, нѣкопорыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, а на нѣкопорыхъ скалахъ, по копорымъ нынче трудно и ползти, оспались еще колеи отъ колесъ: эпотъ замокъ конечно былъ вспарину не приспупенъ; но послѣ онъ былъ разрушенъ пушками съ пропивоположныхъ утесовъ, которые и по нынѣ называются шанцами и на которые мы взбирались. Съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: почно спойшь на крупной скалѣ, порчащей изъ моря; только вмѣсто волнъ окружающъ тебя вершины елей и сосенъ, и между ними, какъ оспрова, бѣлѣющъ и чернѣющъ другіе утесы, спрашно разорванные и разбросанные: случай оживилъ для насъ эту картину, плѣнишельную мерпвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось спарое время,

когда на эпихъ крупизнахъ гнѣздились разбойники, пираны окрестностей (какъ говоришь Делиль). Въ то самое время, какъ мы опъ Bastey спустились по крупизнѣ на дно пропасти, на высотѣ запрубили въ рогъ, эхо проснулось, раздалось по скаламъ и все опять замолчало; опять пошъ же звукъ, пошъ же опзывъ и поже молчаніе; въ слѣдъ за рогомъ заиграла арфа и запѣлъ голосъ. Какъ ни глубока была пропасть, но звуки спрунъ доходили до слуха; кто игралъ, было невидимо, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго спояли, слушали, наконецъ пошли, скоро звуки замолкли и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчашыхъ хижинъ: тамъ можно найши обѣдъ и тамъ всегда вспрѣпишь арфисповъ: ихъ-то пѣсня намъ слышалась.

Дорога опъ Bastey въ Шандау. Съ высоты Bastey спустились мы Rätevalder-Grund, и ущеліями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Рапсевальде, гдѣ насъ дожидалась наша коляска. Тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые; но окружающіе виды были еще живописнѣе, а упесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада эпихъ упесовъ называется, не знаю по чему, *die grosse Gans*, другая *die kleine Gans*; одинъ упесъ, *dans Lamm*, въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка,

лежащаго на крупной скалѣ; о другомъ утесѣ, называемомъ *die Mönchsteine* рассказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго пресупную любовь: онъ есть не иное что, какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минушу вспрѣчи на мѣстѣ назначеннаго свиданія. (Тоже самое рассказываетъ объ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха). На одной высокой скалѣ видишь группу мѣлкихъ камней: ихъ называютъ *Affensteine*, ибо они должны изображать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною *Grünbachthal*, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: воды эпаго ручья въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей, должны быть весьма живописны: но мы видѣли одинъ только мѣлкій, быспрый ручей, который пріямно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое паденіе называется *Amselloch*, потому что камень, съ котораго онъ падаетъ, образуетъ пещеру, довольно глубокую; видишь серебряную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ навѣсъ, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристалльнымъ столбомъ: сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигающъ ее, дымящаяся отъ паровъ громадою, огромная

скалы Affensteine. Довольно успавъ опъ своего пупешествія, пришли мы наконецъ въ деревню Рапевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандау черезъ Ziegenrück съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандау извѣстенъ своими минеральными водами и ваннами; мы остановились за городомъ, въ пракпирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно; но намъ уже было не до живописныхъ положеній: успалость и ея родной братъ голодъ насъ мучили; опъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а успалость прогналъ услужливый сонъ.

Kuhstall. Мы не дали себѣ воли нѣжиться, вспали рано и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени — пока было можно, и чшобы не прапипъ напрасно силъ — ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ коляскѣ; наконецъ дорога наша оборотилась въ пропину; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крупизнѣ къ Kuhstall. Доспигнувъ съ трудомъ до вышины, пришли мы дорожкой, обсаженною сприженными елями, ко входу пещеры или, лучше сказаць, къ огромнымъ ворошамъ, сдѣланнымъ самою природою посреди упесовъ; эти воропа называются Kuhstall, пошому чшо въ 30^{ти} лѣпнюю войну жили окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ

опъ хищничества Шведовъ свою скопину; и они шакъ огромны, чпо подъ ними могло скрыватьсѣ довольно большое спадо. Въ наши времена эпопъ пріюпъ нещаспія сдѣлалсѣ однимъ предметомъ беззабопнаго любопытства, и памяпъ минувшихъ ужасовъ только оживляетъ по удовольствіе, копорое производипъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ. Сводъ еѣ и стѣны кажупсѣ мазаикою: шакъ испещрены они именами пупешеспвенниковъ, копорые вездѣ хопяпъ оставипъ вѣчный слѣдъ своего минушнаго пребыванія. И намъ захопѣлось опвѣдапъ вѣчноспи: О... въ взгромоздился на лѣспницу, и пока я занималсѣ временнымъ, по еспъ, уполялъ свой голодъ жаренымъ карпофелемъ, начерпилъ для будущихъ временъ свое и мое имя, на шакомъ мѣспѣ, далѣе копората ничья смѣлая рука не доспанетъ. Въ пещерѣ еспъ все для эпого нужное: киспи и чернила. Въ стѣнахъ еѣ въ одномъ мѣспѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ: во все лѣпо живупъ здѣсь люди, копорые угощаюпъ пупешеспвенниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись шакже и арфиспы. На ушесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, доспойныхъ любопытства; нѣкопорые напоминаюпъ ужасную 30-пи-лѣпнюю войну; на примѣръ маленькая пещера называется Wochenbett: въ ней, по преданію, скрываласѣ

отъ Шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастью камень, съ котораго спрашно посмопрѣшь въ глубину, называется *die Kanzel*: съ него проповѣдывалъ какой-то священникъ, сброшенный послѣ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его сполкнули, наименовано *Pfaffensprung*. Здѣсь вспарину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, споявшій на вершинѣ, надъ самымъ *Kuhstall*, назывался *Wildenstein*; взобравъ къ нему можно только сквозь темную, узкую щель, въ самой срединѣ утеса находящуюся, куда едва можешь пропѣсниться одинъ человекъ; мы кое какъ пролѣзли и, съ вышины, гдѣ нѣтъ уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и въ одной изъ нихъ, называемой *Schneiderloch* (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался) одинъ человекъ могъ оборониться отъ цѣлой арміи: къ ней надобно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, пошому что и надъ головою висятъ такіе же камни; въ самой же пещерѣ нельзя споять: такъ она низка; но видъ изъ нея удивительный: все вокругъ себя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою

въ развалинахъ; здѣсь царство разрушенія, одно только эхо здѣсь существуетъ — минувшій быспро-изчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о ничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣскольку разъ повпоряло его крики, и молчаніе, которое всякій разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы, (ихъ можно теперь видѣть безъ всякой опасности, ибо вездѣ для проходящихъ подѣланы перилы) мы опять сошли въ Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, черезъ которую надобно было пройти, дабы потомъ подняться на klein Winterberg. На днѣ долины мы остановились и увидѣли надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣпною трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру и въ трубу могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки намъ явственнѣе слышались; изъ пропасти закричали мы имъ браво и полѣзли на klein Winterberg.

Klein Winterberg. Фортуна, до сихъ поръ къ намъ благосклонная, покинула насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мѣлкой, потомъ довольно сильный; мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ осталось: проводникъ увѣрялъ

насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это ни сколько не спасало отъ дождя, напрошивъ его удвоивало; вѣтеръ шепталъ деревья, и капли, сыпавшіяся съ листьевъ, составляли крупный древесный дождь, который ни мало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу — что же? Это каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую мину чувство обманутой надежды было весьма непріятно: но часто живѣйшія удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое чудесное зрѣлище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и спрашно лепали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезло; на всѣхъ пунктахъ горизонта являлись пучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которыя врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ пучи сливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустыни; какъ будто что-то разрушилось, и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣе. Лѣсистыя горы, долины, деревья, ущесы — все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пе-

респаль, и со всѣхъ сторонъ начали поды-
 мапья пары: шамъ вилась ужасная бѣлая змѣя
 въ клубящемся облакѣ дыму; шамъ множесиво
 легкихъ облаковъ лѣпало, какъ спая привидѣ-
 ній; шамъ вершина горы была перерѣзана шу-
 манною полосою; шамъ цѣлая гора синѣлась
 на воздухѣ, и подъ нею волновались облака;
 шамъ вдоль глубокой долины пинулась и поды-
 малась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ
 опъ обширнаго пожара въ лѣсу, или на не-
 обьяпную, разбросанную, сѣдую гриву какого-
 нибудь чудовища, копорую раздувалъ и рвалъ
 сильный вѣперъ — словомъ зрѣлище было не-
 описанное; я забылъ холодъ и мокроту, и не
 могъ наглядѣпья на эпопъ величеспвенный
 хаосъ. А арфа какъ пупъ. Вошедши въ бе-
 сѣдку, мы и не примѣпили, что въ углу ея
 припайлся спарый Богемецъ съ маленькою до-
 черью; увидѣвъ пупешеспвенниковъ, онъ при-
 нялся исполняпъ свою должноспъ, заигралъ и
 запѣлъ, а малюпка начала ему впорипъ. И
 что же они запѣли! прощаніе Бонапарте съ
 Франціею. (Я списалъ эту пѣсню; она, ка-
 жепся, спала народною: я слышалъ ее и на
 Bastey и, послѣ на Schlofsberg, подлѣ Теплица).
 Признаюсь, такая неожиданная гармонія, по-
 среди шуманнаго волненія между упесовъ, по-
 разила меня. Пѣніе было неискусное, но въ
 соединеніи дрожащаго голоса спарика со звон-

кимъ и еще несозрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то прогапельное; а содержаніе поразительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; утесы стояли неподвижно, и между ними легкимъ дымомъ, ничтожными призраками лепали оспапки минувшей бури: по неволѣ видѣлось тупъ бурное, разлепѣвшееся величіе Наполеона. И что-то было прискорбно — поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) спарикъ и младенецъ повпоряли въ глухой дичи, чѣмъ получить нѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше щастіе вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой развели мы огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы трѣлись и морщились отъ дыму, нашъ проводникъ рассказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ котораго въ ясную погоду можно видѣть, какъ въ панорамѣ, всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкій дождь, и все слилось въ однообразный непроницаемый туманъ.

Prebisch-Thor. Вздохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, ко-

торое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, мы ободрились и наконецъ, миновавъ упесы, называемые *die Schäfersteine*, и пересупивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ упеса, называемаго *Prebisch-Thor*. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ *Klein Winterberg*; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надъ нами, было почти похоже на радость: воспоминаніе о *Prebisch-Thor* есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. *Prebisch-Thor* есть такая же сквозная пещера, какъ и *Kuhstall*, только несравненно уже и выше; сперва входишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто! Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать сажень, а шириною не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ споячихъ упеса; на этой узкой каменной полосѣ стоишь, будучи окруженъ спереди, справа и слѣва пропастями во сто сажень глубиною, изъ которыхъ какъ спрашлица высовываются другіе голые упесы; за ними зеленѣются съ трехъ сторонъ долины; позади нихъ поднимаются лѣсистыя невысокія горы, между которыми также видишь дно извивающихся долинъ, а за этими близкими и

зеленѣющими горами стояшь, какъ привидѣнія, далекія, синія, и надъ всѣмъ эшимъ не-описаннымъ разнообразіемъ горъ и долинъ вообразишь пошъ же чудесный шуманъ, волнующійся, лежающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ, что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его воздушными волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно стучался, и въ эпи минушы казалось, что споишь на краю свѣша, что земля кончилась, и что за шагъ опъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch-Thor находишся другая скала, отдѣленная опъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch-Wand. Мы лазили на нее, чтобъ взглянуть на Prebisch-Thor; съ боку — видъ несравненный: не понимаешь, для кого созданы природою, въ пуспынѣ, эпи таинственные вороша и куда ведутъ они; кругомъ ихъ бездны, сквозь ихъ опверспіе видѣнъ одинъ волнующійся шуманъ, и что-то какъ будто изъ другаго свѣша, мелькаешь сквозь эпошъ полупрозрачный сумракъ, и на высотѣ упеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранишѣ, расщепъ одинокая ель; корни ея совсѣмъ обнаружены; не знаешь, откуда берутъ они свою пищу; но она зелена, свѣжа, и бури ее не прогаюшь. У самаго Prebisch-Wand споишь, какъ будто ея

спорожъ, ужасная, уединенная скала Prebisch-kegel: это гранишный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприспунный: никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величье.

Возвращеніе въ Шандау. Солнце взглянуло изъ тучъ, когда мы опъ Prebisch-Thor спустились во глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die Heiligen Hallen, и копорая, какъ необъяшный, разрушенный амфитеатръ, съ безчисленными спуненями подымалась позади насъ; утесы образовали спѣны, своды, ложи и галлерей: надобно было иппи по крупому ихъ скапу почти цѣлую верспу, чптобы добраться до дна долины. Все попомнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быспраго ручья пошли къ Hirnischkietschen — пограничное мѣспечко, гдѣ находится Авспрійская таможня. Здѣсь кончится Саксонія и начинается Богемія. Въ Hirnischkietschen дожидалась насъ лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Не смопря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно. Между утесами, копорые, какъ спѣна, подымаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ примѣчанія по своей фигурѣ; его называютъ die Königs-nase: въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смопрящей на воды изъ-за

скалы , и эта голова съ движеніемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и физіономію и положеніе ; наконецъ она ложится и пропадаетъ ; нѣсколько елей , выросшихъ на высотѣ , кажущаяся букетомъ , припиленномъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь , когда мы возвратились въ Шандау.

Lilienstein-Brand. Hohestein. Не стану подробно описывать вамъ остальнаго нашего путешествія : ничто не будетъ ново въ описаніи , хотя видѣнные нами предметы имѣютъ , каждый , много опличнаго. Мы взбирались , въ жаръ , по песку на крупной Lilienstein , съ котораго видишь въ близи Königstein и необъятную гористую окрестность ; на краю горизонта можно различить , какъ свѣтлую почку , Ноллендорфскую часовню. У подошвы Лилиенштейна , въ 1813 году , расположились укрѣпленнымъ лагеремъ остатки Французской арміи , почти уничтоженной въ Россіи : — и теперь еще видны бапарей. Это , замѣтилъ мой товарищъ , было предсказаніемъ того , что случилось послѣ. Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ Лилии , въ виду роковой Ноллендорфской часовни. Съ Лилиенштейна , черезъ поля и свѣжую долину Tiefgrund , — достигли мы , около вечера , до утеса , называемаго der Brand : онъ очень сходенъ съ Bastey , и видъ съ него если не обширнѣе , то

привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ зеленая долина, вдоль которой, по излучинамъ ручья, вьется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, также свѣжая и зеленая; за ними густая темная роща, за которою въ другихъ мѣстахъ блистаетъ Эльба и синѣются тѣже горы, которыя видны съ Bastei: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде, нежели оно закатилось, успѣли мы прийти въ городокъ Hohestein и осмолрѣть находящійся въ немъ спранный замокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастью, и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться. Частъ этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ террасы замка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется Bängergarten. Въ ней, когда-то, за высокими стѣнами, жили медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ замка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнью. Въ замкѣ показывающъ оспашки спаринныхъ пюремъ. Одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer, и была определена для пытки: нынче хранишь въ ней одинъ картофель; въ другой полуразвалившейся содержался преслупникъ Клеппенбергъ (за дѣланіе фальшивой монеты); этотъ несчастный вздумалъ было спастись, и изъ соломы, служившей

ему поспелью, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прынулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предапельницу веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohestein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, прѣхавшая сюда изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

Жуковскій.

О П И С А Н І Я.

І. КАРТИНА Финляндіи.

Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, соседнюю Гиперборейскому морю, гдѣ Природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ Природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма.

Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы граничные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ граничныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разливіемъ Океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бошническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начерпываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера называютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ отъ сна!... Видишь ли, какъ она пѣнилась? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о граничные, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько

вѣковъ презирають порывъ бурь и ярость волнъ? — Сосѣдніе лѣса повпоряють голосъ бури, и вся природа являеся въ ужасномъ разспройсѣвѣ. Сіи спрашныя явленія напоминають мнѣ мрачную Миѳологію Скандинавовъ, копорымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они распушь на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаесть. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждають путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ проспранныхъ вершепахъ, пупникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плопоядной ппицы, завываніе волка, ищущаго добычи, паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, копорый спрѣлою пропекаесть по каменному дну между скалъ гранипныхъ, быспро превозмогаесть всѣ препяпсѣвія, и увлекаесть въ печеніи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе. — Посмотри далѣе: огонь небесный, или неупомимая рука пахаря зажгли сей боръ? Опаленныя сосны, испоргнушыя изъ упробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы, дымъ, восходящій гуспымъ, чернымъ облакомъ опъ сего огнища: все эшо образуесть карпину споль дикую,

мрачную , что путешественникъ невольно содрогается и спѣшивъ опдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ , которое величественно дремлетъ въ оплогихъ берегахъ своихъ , или на зеленой полянѣ , гдѣ вошь жуешь сочную и густую траву , орошенную водами источника.

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило ; или сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ , и Исторія , начерпавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и воспочныхъ , молчитъ о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые , непобѣдимые сыны первобытной природы , или изгнанники изъ странъ счастливѣйшихъ : они населяли сіи пещеры , пишались млекою звѣрей , и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ , или побѣду надъ врагомъ , изъ черепа котораго (спрашное воспоминаніе !) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами , сыпала иней и снѣга , тогда дикія чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ , къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей , они идутъ войною на спадо пустынныхъ чудовищъ ; ихъ мчатъ быстрые олени ; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ ; они сражаются , по-

бѣждають и учреждають кровавую прапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ испугѣ наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повсюду гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вершины, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повсюду гласъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укротила звѣрство и утѣшила спраждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о Богахъ, о Герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, сославились селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая Природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій.

Можетъ быть на сей скалѣ, осѣненной соснами, у подошвы копорой дыханіе зѣфира колеблетъ глубокія воды залива, можетъ быть на сей скалѣ воздвигнутъ былъ храмъ Одена. Здѣсь Поэтъ любитъ мечтать о временахъ прошедшихъ и погружаться мыслями въ оныя вѣки варварства, великодушія и славы; съ удовольствіемъ взираетъ онъ на волны морскія, нѣкогда спруимыя кораблями Одена, Аршура и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ, по которому носились пѣни почившихъ выпязей; на сіи камни,

оспапки сѣдой древности, на коихъ видны таинственные знаки, рукою неизвѣсною начертанные.

Здѣсь царство зимы. — Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густого облака; деревья, при первомъ упреннѣ морозѣ, блистаютъ радугю, отражая солнечные лучи тысячу пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошеніе зимы; едва явился, и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной спужи. Мѣсяцъ, въ теченіи всей ночи, изливаетъ сребренные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, облеченныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище — сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань порошко пробирается въ чащу, опрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; спадо пеперевей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ спранника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь Природа улыбается, веселою но крашкою улыбкою. Когда снѣга распаяли опъ теплаго лѣшняго вѣтра и яркихъ лучей солнца,

когда воды съ шумомъ утiekли въ моря, образовавъ въ печеніи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ; тогда Природа примѣпно выходитъ изъ пятоспнаго продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами; ходъ расписельной силы примѣпенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣшетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое, почти невѣроятное ихъ возраспаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшеспвуетъ обильная роса. Солнце, почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Пустынные птицы радостно сопрысаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, распушихъ на оплогомъ берегу. Все тихо, все поржеспвенно въ сей первобытной Природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера злыми чешуями, между тѣмъ какъ мѣлкіе жипели влажной спихіи играютъ спадами и у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ

на гранишнихъ скалахъ, копорыхъ цвѣтъ измѣняется безпреспанно. Тысячи насѣкомыхъ (минушныя жипели сихъ прелеспныхъ пустынь) по плавають на поверхности озера, по кружась надъ камышемъ и наклоненными ивами. Спада дикихъ ушокъ и крикливыхъ журавлей лепящъ въ сосѣднее болото, и важныя лебеди поржеспвеннымъ плаваніемъ привѣспвуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ безднѣ Бошническаго залива, и сумракъ, вмѣспѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынь.... Но какой предметъ для кисти Живописца: рапный спанъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на упружденныхъ рапниковъ и скользящъ по блестящему металлѣ ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для живописи и сіи великіе огни, здѣсь и шамъ раскладенные, вокругъ копорыхъ воины полпаясь въ часы холодной ночи! Эшопъ лѣсъ, хранившій безмолвіе можешъ быть опъ созданія міра, вдругъ оживляется при внезапномъ прищеспвіи полковъ. Войско расположилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ мѣста на другое, пылающіе костры хвороста, древніе пни и цѣлыя деревья, внезапно зажженные, опъ копорыхъ густой дымъ клубится и восходитъ до небесъ; однимъ словомъ, движеніе рапныхъ снарядовъ, ржаніе и шопощъ коней, блескъ

оружія , и смѣшенные голоса воиновъ , и звуки барабана и конной трубы — все это представляешь зрѣлище новое и разительное ! Вскорѣ гласы умолкають ; огонь пылающихъ костровъ попухаетъ , рапники почилы , и прежнее безмолвіе водворилось : — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада , или пропѣжными опкликами часовыхъ , расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ , пропѣвъ лагеря непріятельскаго : мѣсяць , склоняясь къ своему западу , освѣщаетъ уже безмолвный спанъ.

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями , копорыхъ воспоминаніе и сладостно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили ; но цѣлые ряды храбрыхъ легли , и вопъ ихъ могилы ! Тамъ упорный непріятель выбилъ изъ укрѣпленій , прогнанъ ; но эти уединенные кресты , вдоль песчаната берега или вдоль дороги сооруженные , этошь рядъ могилъ Русскихъ въ странахъ чуждыхъ , опдаленныхъ опъ родины , кажется , говоряшь мимоидущему воину : и тебя ожидаетъ побѣда — и смерть ! — Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или опспавленную бапарею , или древній замокъ съ топическими опспрыми башнями , копорыя возбуждають воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ ; или передовый непріятельскій лагерь , или мостъ недавно выжженный , или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ , или слѣды вѣковъ , давно

ирошекшихъ , — пагубные слѣды войны и разрушенія ! — Иногда лагерь располагается на оплотихъ берегахъ озера , гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи ; иногда видимъ рвы , башареи , укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная прошивуположеносшь !

Батюшковъ.

II. ЛИЧНЫЯ КАЧЕСТВА И МОГУЩЕСТВО Годунова (при Θεодорѣ).

Θеодоръ-мягкосердечный, обремененный державою, видя необходимость мѣръ спрогихъ для государспвеннаго успройспва, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни пвердоспи въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника : искалъ на кого возложитъ всю пягоспъ правленія, съ опвѣпспвенноспю предъ единымъ Богомъ, и совершенно опдался смѣлому чесполубцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хипроспи, слѣдуя единспвенно чувспву, зная умѣ, не зная только злыхъ, пайныхъ наклонноспей Годунова, Ирина ушвердила союзъ между Царемъ, неспособнымъ власпвовапъ, и подданнымъ, доспойнымъ власпи. Сей мужъ знаменипый находился погда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ

тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ Вельможъ (какъ говоритъ Лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только.... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благошворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власпи; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ Вѣнцесцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною спрасію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для нее выгодною — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ Исторіи добрую славу Борисову.

Всѣ личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Θεодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что подданный могъ имѣть въ Самодержавіи: не только древній знапный санъ Конюшаго, въ печеніе семнадцати лѣтъ никому не жалованный, но и шипло ближняго Великаго Боярина, Намѣстника двухъ Царствъ, Казанскаго и Аспраханскаго. Безпримѣрному сану отвѣпствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы обласпи Двинской, Ваги, — всѣ прекрасные луга на берегахъ Москвы рѣки, съ лѣсами и пчель-

никами, — разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья: что, вмѣстѣ съ доходомъ его родовыхъ опчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно не менѣе осьми или девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ: богатство, какого опъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ Вельможа, такъ, что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячъ воиновъ! Онъ былъ уже не временщикъ, но любимецъ, но Власишель Царства. Увѣренный въ Θεодоръ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они не дерзали и мыслили объ его низверженіи съ такою высокою степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія Вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно изумленные, сіи завистники и враги нѣсколько времени злобились въ тайнѣ, безмолвствуя, но вымышляя ударъ; а Годуновъ, со рвеніемъ души славолубивой, успремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность Царя, заслужить довѣренность народа и признапельность опечества. Пенсархія, учрежденная Іоанномъ, какъ тѣнь исчезла: оппалась древняя Дума Царская, гдѣ Мспиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными Боярами, слѣдуя мановенію

Правишеля: ибо такъ современники именовали Бориса, который одинъ, въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулемъ государственнымъ, повелѣвалъ именемъ Царскимъ, но дѣйствовалъ своимъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣтниковъ, ни товарищей.

Сносясь отъ лица своего съ Монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ Пословъ у себя въ домѣ, высокомерный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ Совѣтѣ инымъ старѣйшимъ Вельможамъ; но, сидя въ немъ на четвертомъ мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста, заграждалъ уста противорѣчію. Вымышлялъ опличія, знаки Царской милости, чтобы плѣняя суестьность Бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе званые обѣды, для мужей Думныхъ, во внутреннихъ комнашахъ дворца, гдѣ Феодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса: хитрость безполезная! Кого Великій Бояринъ приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости Царскіе. Всѣ знали, что Правишель оставяетъ Феодору единственно имя Царя — и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще не любовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ

Вельможѣ бываетъ проливно народу. Адашевѣ имѣлъ нѣкогда власпѣ надъ сердцемъ Іоанновымъ и судьбою Россіи, но споялъ смиренно за Монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ: Годуновѣ самовласпвовалъ явно и величался передъ прономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую пѣнь Вѣнценосца.

Онъ въ глазахъ Россіи и всѣхъ Державъ, сносящихся съ Москвою, споялъ на вышней степени величія, какъ полный власпелинъ Царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ Государями и Миниспрами иноземными, знашныя сановники Царскіе шакъ изъяснялись по своему наказу: « Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ еспѣ на-
« чальникъ земли; она вся приказана ему опѣ
« Самодержца, и шакъ нынѣ успроена, что
« люди дивятся и радуются. Цвѣшеть и воин-
« ство, и купечество, и народъ. Грады укра-
« шаются каменными зданіями безъ налоговъ,
« безъ работы невольной, опѣ Царскихъ из-
« бышковъ, съ богатою плашою за прудъ и
« художество. Земледѣльцы живутъ во льготѣ,
« не зная даней. Вездѣ правосудіе свято: силь-
« ный не обидитъ слабого; бѣдный сирота

« идешь смѣло къ Борису Ѳеодоровичу жаловашь-
 « ся на его брата или племянника , и сей испин-
 « ный Вельможа обвиняешь своихъ ближнихъ ,
 « даже безъ суда , ибо приспраспенъ къ без-
 « защитнымъ и слабымъ ! »

Но Годуновъ еще помился душевнымъ гла-
 домъ , и желалъ , чего не имѣлъ. Надменный
 своими достоинствами и заслугами , славою и
 леспію ; упоенный счастьемъ и могуществомъ ,
 волшебнымъ для души самой благородной ; кру-
 жась на высотѣ , куда не восходилъ до полъ ни
 одинъ изъ подданныхъ въ Россійской Державѣ ,
 Борисъ смолрѣлъ еще выше , и съ дерзкимъ
 вождельніемъ : хопя власпвовалъ непрекословно ,
 но не своимъ именемъ ; сіалъ полько заимспво-
 ваннымъ свѣпомъ ; долженъ былъ въ самой над-
 менности прудить себя личиною смиренія ;
 поржеспвенно унижашься предъ пѣнію Царя
 и бишь ему челомъ вмѣстѣ съ рабами. Пре-
 споль казался Годунову не полько свяшымъ ,
 лучезарнымъ мѣспомъ истинной , самобышной
 власпи , но и райскимъ мѣспомъ успокоенія ,
 до коего спрѣлы вражды и зависпи не дося-
 гаюшъ , и гдѣ смершный пользуется какъ бы
 Божеспвенными правами. Сія мечта о пре-
 леспяхъ верховнаго Державспва предспавлялась
 Годунову живѣе и живѣе , болѣе и болѣе волнуя
 въ немъ сердце , такъ , что онъ наконецъ не-
 преспанно занимался ею. Лѣтописецъ разска-

зываетъ слѣдующее , любопытное , хопя и сом-
 нительное обстоятельство : « Имѣя умъ рѣдкій ,
 « Борисъ вѣрилъ однакожъ искусству гадашелей ;
 « призывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ
 « ночи , и спрашивалъ , что ожидаетъ его въ
 « будущемъ ? Лѣспивые волхвы или звѣздочеты
 « отвѣщивовали : тебѣ ожидаетъ вѣнецъ
 « но вдругъ умолкли , какъ бы испуганные даль-
 « нѣйшимъ предвидѣніемъ . Неперпѣливый Бо-
 « рисъ велѣлъ имъ договоришь ; услышалъ , что
 « ему царствовать только семь лѣтъ , и съ
 « живѣйшею радостію обнявъ предсказателей ,
 « воскликнулъ : хопя бы семь дней , но только
 « царствовать ! » Сполъ нескромно Годуновъ
 открылъ будпо бы внутренность души мнимымъ
 мудрецамъ суевѣрнаго вѣка ! по крайней мѣрѣ
 онъ уже не таился отъ самаго себя ; зналъ ,
 чего хотѣлъ ! ожидая смерти бездѣпнаго Царя ,
 располагая волею Царицы , наполнивъ Думу ,
 Дворъ , Приказы родспвенниками и друзьями ,
 не сомнѣваясь въ преданности великоимени-
 таго Іерарха церкви , надѣясь также на блескъ
 своего правленія и замышляя новыя хитроссти ,
 чпобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ
 народа , Борисъ не спрашился случая безпри-
 мѣрнаго въ нашемъ опечесствѣ отъ временъ
 Рюриковыхъ до Θεодоровыхъ : прона упразд-
 неннаго , конца племени Державнаго , мяпежа
 спраспей въ выборъ новой Династїи , и швер-

до увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго Вѣнценосца Мономаховой крови, будешь врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени Царскаго, сей алчный власполюбецъ видѣлъ, между собою и престо-
ломъ, одного младенца безоружнаго, какъ алч-
ный левъ видитъ агнца!... Гибель Димитріева
была неизбежна!

Карамзинъ.

III. ДВѢ СЕСТРЫ,

или

КОТОРОЙ ОТДАТЬ ПРЕИМУЩЕСТВО?

Я знаю двухъ сестеръ.... Какъ это слабо выражаетъ мои отношенія къ двумъ милымъ, прекраснымъ существамъ! — Я люблю, люблю пламенно двухъ обворожительныхъ сестеръ и сія любовь не знала бы предѣла, если бъ это прекра-
сное, высокое чувство могло быть рѣшитель-
нѣе, безъ колебанія, безъ двойственности. Но
я чувствую, что оно не можетъ быть полнымъ,
единственнымъ, отъ безпрерывнаго уклоненія
то къ старшей, то къ младшей сестрѣ. Обѣ
прелестны, но каждая имѣетъ свои особенныя
прелести; обѣ привлекательны, но влеченіе къ
нимъ не одинаково. Одна сіяетъ, въ полноцѣ
своей красoty, какъ ясный, погодный день,

обнаруживающій всю живопись окресностей, всю роскошь природы. Душа погружается въ нѣкое упоеніе, увидя сліяніе горъ съ поднебесностію, небесъ съ спекловидностію моря; луга, подспилающіеся подъ рощи; большія дороги, лежащія какъ развернутые свѣтлы и сады, какъ карпины, окруженныя рамами своихъ оградъ. Но очарованіе, такъ сказать, рѣдѣя, изтощается, когда душа, упоенная красою великими, но единообразными, не находитъ новой пищи для новаго восхищенія. Напрошивъ, другая мила, заманчива, привлекательна, какъ лунный вечеръ позднихъ дней лѣта. Я люблю такіе вечера! Бѣлые туманы, то заплывая, то выказывая закрутленные холмы, чернѣющіеся лѣса и развалины замка на остріѣ скалы, волнуясь, заспилаютъ бѣлыя скалперы, или накидываютъ пренеющую дымку, копорая, ничего не закрывая, ничего и не выказываетъ. Душа любитъ погружаться въ сіе смѣшеніе блѣднѣющаго свѣта, синевы небесной и сизаго сумрака; любитъ ловить предметы среди зыбучихъ тумановъ и спрансповатъ за равновидными пѣнями, копорыя, какъ будію живыя, слѣдомъ за луною перемѣщаются изъ долины въ долину, отъ холма къ холму. Такова впо-рая сеспра, неимѣющая, но полная очарованія. Какъ прекрасна спаршая! Вообразите спанъ и поступъ Минервы. — Чпо-то Греческое въ

лицѣ свѣпломъ, что-то Римское въ осанкѣ величественной. Разумъ и пишина сіяютъ въ большихъ, голубыхъ очахъ ея, ненарушимое спокойствіе въ чертахъ лица, въ чертахъ, которыхъ согласіе, есть согласіе превосходной музыки. — Все въ ней правильность, во всемъ опчечность. Каждое движеніе — мысль; каждое слово — разумъ. Высокое краснорѣчіе льется изъ полныхъ, румяныхъ устъ. Формы ея роскошно округлены и въ самыхъ складкахъ одежды — обдуманная искусственность, умъ и приличіе. — Важность сопутствуетъ ей, ослабленіе устъ соотвѣтствуетъ мысли, сіяющей на возвышенномъ челѣ. — Все въ ней открыто, все ясно. По виду — Юнона; мудростію — Минерва; осанкою — царица! Большая златоспрунная лира, украшенная драгоценнѣйшею опдѣлкою, въ высокомъ древнемъ вкусѣ, часто обращается въ красивыхъ, полныхъ рукахъ и звѣнитъ подъ бѣлыми, округленными перстами ея. — Что скажу о пѣсняхъ, которыя она поетъ о Царяхъ, о народахъ, о великомъ, о божественномъ? . . . Величественны и безсмертны, какъ возвышенная поэзія, онѣ важны, улаживательны и согласны, какъ гармонія вселенной, какъ бесѣда вѣковъ, коей внимаютъ поколѣнія мимошекуція. Сіи пѣснопѣнія дѣйствуютъ прямо на разумъ, уполяютъ сердца, возвышаютъ душу. — Такова сестра старшая.

Какъ прелестна младшая сестра! Уловише
 киспью красопу радуги, ленпою проспилаю-
 шейся между слоиспыхъ пучь; опредѣлише
 музыкальными нопами переливы звуковъ, скло-
 неніе перекаповъ колѣнчапой пѣсни соловья!
 изобразите на холспѣ быспро-перемѣнчапья
 оппѣнки на лазоревой шеѣ ппицы Юнониной
 и тогда развѣ поспигните всю прелестъ, всю
 миловидностъ младшей сестры! — Но она не
 прекрасна, не величеспвенна, въ ней ничего
 нѣтъ важнаго, почти ничего правильнаго. Лег-
 коспъ — ея примѣта; чрезвычайно-спройный
 спанъ — черпа ея красопы; какая-то дѣш-
 скоспъ, просподушіе, сердечностъ: вопъ аб-
 рисъ ея нравспвенной физіономіи. Ея одежда,
 почти небрежная, всегда у ней къ лицу. — Я
 не могу списать ея лица: оно не уловимо и
 для самаго искуснаго карандаша. — Я знаю
 только, что локоны кашпановыхъ волосъ ея,
 случайно разбросанные по плечамъ, прелестны,
 что миловидностъ лица восхищительна и что въ
 глазахъ ея еспъ нѣчто околдовательное. — Ча-
 сто я засмаприваюсь въ поэзію сихъ глазъ и
 прочипываю въ нихъ болѣе, нежели въ огромныхъ
 фоліянпахъ холодной прозы. Она, (я продол-
 жаю говорить о младшей сестрѣ), такъ же
 имѣетъ свое музыкальное орудіе. — Часпо гиб-
 кіе перспы ея пробѣгають по клавишамъ гар-
 моники. Какіе звуки! всѣ нервы приходятъ въ

двигеніе , подгрудіе наливається поскою , фантазія опкликається , какъ будпо на знакомый зовъ , воображеніе пылаеть и весь я внѣ себя опъ поски , опъ упоенія , опъ непоспижимой тревоги чувствъ , опъ сладостнаго смѣшенія ощущеній. Эпа младшая сеспра имѣеть свои милыя причуды , свои плѣнительныя прихоти. Ея уединенныя прогулки разнообразны , какъ и все въ ней разнообразно. Разъ я видѣлъ ее , высоко опъ земли , на самомъ оспріѣ скалы. Тамъ , подъ навѣсомъ пихаго неба , на копоромъ жаркая позолопа закапа мѣшалась съ свѣплымъ румянцемъ вечерней зари и съ серебристымъ сіяніемъ выступающаго мѣсяца , въ бѣлой одеждѣ , подъ голубымъ покрываломъ , она спояла въ живописной неподвижности , какъ геній , изваянный рукою великаго художника , какъ легкое видѣніе , внушающее сладкія , привѣпчивыя ощущенія. Но она любила скипаться и подъ воемъ осеннихъ бурь и всмапривапсья въ спрашныя карпины неба , на копоромъ пучи громоздяпсья , какъ густыя ополченія сражающихся челоѡковъ. Въ запуспѣлыхъ башняхъ спавипсь она Эолову арфу и долго , долго подслушиваепсь , какъ будпо желая запвердипсь и послѣ кому нибудь пересказапсь пѣ прерываемые , дикіе звуки , пѣ переходы заунывные , пѣ опголоски , похожіе по на плачь , по на поскливое сѣпованіе , напоминающіе все бывое ,

все минувшее, по чудное смѣшеніе воплей и пѣнія, которое родится отъ мимолетнаго прикосновенія пустыннаго вѣпра къ звонкимъ, упругимъ струнамъ. Она любитъ спрансствовать по развалинамъ рыцарскихъ замковъ, опустѣлыхъ храмовъ, упраздненныхъ монастырскихъ обителей, посѣщать хранилища древняго оружія, гробницы, украшенныя гербами, памятниками пышной жизни и боевой славы людей, которыхъ уже не спало! какъ волшебница Тессалійская, она умѣетъ возбуждать мертвыхъ на кладбищахъ! по гласу ея они восстаютъ въ бѣлыхъ саванахъ и, длинными рядами проходя мимо колдующей, рассказываютъ ей были минувшаго времени. Несравненно болѣе прихотливая, она менѣе разборчива, чѣмъ старшая сеспра, въ выборѣ предметовъ для пѣнія. Съ добродушною охотливостію она рассказываетъ сказки и повѣсти, напѣваетъ элегіи и баллады, и пѣняя, увлекаетъ васъ отъ сухой, безцвѣтной сущевенности въ какую-то невѣдомую страну очарованія, гдѣ человеку, болѣзнующему душою, такъ весело забываться и обманываться. Не одни черпоги царей, не одни великія явленія міра бывають содержаніемъ ея пѣсней.

Она передаетъ событія, случившіяся въ хижинѣ поселянина, въ шалашѣ пастыря, въ кибиткѣ степнаго жителя, въ аулѣ Черкеса и въ чумѣ Лопаря. — Младшая сеспра любитъ

города древніе , гдѣ все говоритъ воображенію и чувству , гдѣ , на обломкахъ зданій , глубоко запечатлѣны слѣды вѣковъ. Прямые улицы , красивыя площади , зданія великолѣпныя , хотя и единообразныя , порядокъ и правильность нравились старшей. Превосходно ея краснорѣчіе ! Сама прекрасная , какъ поэма , она внушаетъ восторги высокіе , рождаетъ думы величественныя , вводитъ душу въ сферу благороднѣйшихъ наслажденій , знакомитъ ее съ высокими идеалами. Въ ея разказѣ единство , гармонія , истина. Заманчивы , плѣнительны повѣствованія младшей сестры ! при ней пробуждаются мечты , освѣжаютъ надежды , воскресають воспоминанія и все семейство старшей , соприродныхъ человѣку , приходитъ въ движеніе. Что есть жизнь безъ бурей и случайностей ? спросила я однажды у младшей сестры. Въспомня , она указала на преспанное озеро , медленно , какъ человѣкъ , изпаявающій опъ смертоноснаго недуга , замирающее въ заглохлыхъ берегахъ , исчезнувшее подъ густымъ наплывомъ шины , покрытой зеленью , мхами и папоротниками. Я понялъ смыслъ сего указанія. Такъ душа , опорванная опъ общества существъ , ее понимающихъ , не освѣжаемая обмѣномъ ощущеній и мыслей , не огненнымъ вѣяніемъ вдохновенія , ни порывами восторговъ , ни бурею жизни , увядшая , спѣсенная пресмыкающимися

нуждами, лишается пипической жизни своей и, въ холодномъ безспраспїи, въ гробовомъ спокойствїи не нарушимаго единообразїа, предаётся дремотѣ, самозабвенію, чпобъ наконецъ въ глубокомъ усыпленїи прїйти въ оцѣпененіе, — не пылать, не волноваться, существовать, но не жить.

Однажды была гроза и буря. Густыя тучи, набѣжавъ, поглопили звѣзды. Половина луны, какъ будто опсѣченная мечемъ, долго бѣгала въ разпревоженныхъ облакахъ. Наконецъ она исчезла. Заблиспали изломчатые молніи, и живописно браздили черное, безсвѣпильное небо. Валы свинцоваго цвѣта, въ вѣнкахъ изъ бѣлой, кружащейся пѣны, ходили, какъ привидѣнія, по озерамъ. Въ воздухѣ было душно, въ лѣсахъ темно; только молніи озаряли высоты золопымъ огнемъ, а фосфорическія гнили, разсѣянные по мокрой землѣ, сіяли серебрянымъ блескомъ и холодные лучи земнаго воспрѣчались съ пламеннымъ сверканіемъ неба. Въ это время, въ эпомъ мѣспѣ нашелъ я младшую сеспру. Она сидѣла спокойно въ густомъ лѣсу, на изломанномъ бурею деревѣ. Слухъ ея, казалось, ловилъ переливы, свиспящихъ вихрей, въ ея очахъ изображалось какое-то юродивое забвеніе, — локоны длинныхъ власовъ, какъ и всегда, спруились; крупныя капли, при свѣспѣ молніи, сверкали на нихъ, какъ уборъ изъ

перловъ и яхонтовъ. Она не замѣчала меня, но я любовался чудесными прелестями сей уединенной очаровательницы. Она, мнѣ здавалось, хопѣла поспигнуть всю тайну бури, запомнить всѣ переходы грозы, можетъ быть для того, что бы послѣ все пересказать своимъ любимцамъ, умѣющимъ понимать ея спранный языкъ, таинственную красочу бесѣды ея. Но гроза ночная исчезла вмѣстѣ съ ночью. Великолѣпно было утро освѣженной природы. — На зеленомъ скамѣ, у подножія копората лежалъ, какъ голубое спекло, зеркало-видный заливъ моря, среди зданій, увѣнчанныхъ красивыми куполами и миловидными тосканскими сполбами, въ свѣпломъ приморскомъ домикѣ, живо напоминающемъ приморскій Плиніевъ домъ, нашелъ я спаршую сеспру. Великіе поэты, Греціи и Рима окружали ее въ твореніяхъ своихъ. Въ рукахъ младшей я видѣлъ Данта, Аріоспа; недавно перечипывала она Гётева Фауста. Спаршая жила только среди ваяній и піиписческаго вѣка древнихъ. Спранны! я по какому-то прихопливому, безопчепному чувспву влекусь къ младшей сеспрѣ; но спаршая привлекаетъ меня къ себѣ. Любовь ко второй заставляетъ заниматься только ею; но любовь, соединенная съ уваженіемъ къ первой, сильно колеблетъ привязанность ко второй. Опъ сего мысли мои часто шапаются и я, колебимый не рѣ-

шимостію, уподобляюсь маятнику, равномерно движущемуся по къ той, по къ другой сторонѣ.... Которой же отдашь преимущество? — Я не смѣю рѣшить споръ. Можетъ быть, этотъ споръ занимаетъ теперь умы всего современнаго. Молчу, чѣмъ говоря болѣе и яснѣе, не подашь повода подумать, что въ семъ иностранномъ описаніи подразумѣваю я поэзію: Классическую и Романтическую.

О. Глинка.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,
данный на имя Дѣйствительнаго Стат-
скаго Совеѣтника Карамзина.

Николай Михайловичъ! разспроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время опечесство и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить Мое искреннее желаніе, чѣмъ вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и славы опечесства, какъ дѣйствовали донныѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытъ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя Самаго, и за Россію, изъясляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ,

и своими трудами, какъ писатель. — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ сказалъ вамъ: Рускій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Рускаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъясненіе воли Моей, копорая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Желая, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный. »

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

НИКОЛАЙ.

Царское село,
13 Маія 1826 года.

РАЗГОВОРЪ.

ВЕЧЕРЪ У КАНТЕМИРА.

Антіохъ Кантемиръ, Посланникъ Рускій при дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго Двора. Свободное время онъ должностно онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часно восклицалъ,

перечисывая Плутарха, Горація и Виргилія:
« Счастливъ, кто довольствуясь малымъ свободенъ, чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

. . . . съ вами, Греки и Латины . . .
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины. »

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемые: основательность, точность и воображеніе. Часто, углубленный въ исчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истины и — подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи, — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума, и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знаменитаго человѣка можетъ собирать безпрестанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ Словесности, Кантемиръ... писалъ Рускіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый

Математика и Спихопворца, говорилъ Дамберъ: первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюденіями; второй переспанетъ сочинявъ стихи, ибо нѣкому хвалишь ихъ: слѣдственно Поэзія и Поэтъ, заключаетъ разсудительный Философъ, пишущая суепностію. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его Русскими стихами? — Въ самой Россіи, гдѣ общество, Науки и Словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ пишущая хвалою, но истинный, великій талантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суепнымъ — равно какъ и ученый; — но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Капуллою о нашемъ Бавіи:

« Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издаетъ послѣдній стихъ.

почти поже можно сказать о великомъ Спихопворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камюенсъ писалъ Лузіяду

среди племенъ дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суешности? . . . Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монпескье и Аббапъ В., извѣстный оспроумецъ, навѣспили нашего Спиховорца. Онъ бесѣдовалъ съ своею музою, и не примѣпилъ входящихъ друзей, которые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минулъ — Кантемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ Князю Никипѣ Трубецкому, всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи, спокойное и даже холодное лице Кантемира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорались и рука его ударяла шакшу по опверзшой предъ нимъ книгѣ. Монпескье взглянулъ на Аббапа, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли беспокоить Министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ Государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожиданныхъ гостей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору. — Ни мало! — Вы читали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли. — Рускіе. — Рускіе стихи!

восклицалъ Аббапъ , пожимая плечами отъ удивленія: Рускіе стихи! эпо любопытно...

Кант. Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою спрасъ къ древнимъ Писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними Поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ за господиномъ. Вы никогда не писали стиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называюшъ мепрома-ніею.

Монт. Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ сполько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразишельны, однимъ словомъ — хороши, какъ Проза. Я всегда уважалъ Сапиры и Посланія Горація, онъ знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся попомковъ Бруповъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечипываю съ удовольствіемъ; прямой Римлянинъ душею! Онъ поже въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю пворенія сихъ Поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужеспвеннаго, обильнаго, выразишельнаго: почпеннаго родишеля языковъ новѣйшихъ.

Аб. В. И Г. Президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете Рускіе стихи. Зная совер-

шенно языкъ Лапинскій и нашъ Французскій, споль ясный, почный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія чипать Ваши прелестныя произведенія.

Монт. Сожалю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслишь на языкъ необразовачномъ? Вы пишете по Руски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

Кант. Справедливо: Рускій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразишеленъ, какъ языкъ Лапинскій, и со временемъ будешь поченъ и ясенъ, какъ языкъ оспроумнаго Фонпенеля и глубокомысленнаго Моншескье. Теперь я принужденъ боролъся съ величайшими трудностями, принужденъ изобрѣпать безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, копорые безъ сомнѣнія обветшають черезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фонпенелевы, я создавалъ новыя слова: Академія Пешербургская часто ободряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдоващелей.

Аб. В. Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка Французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фонпенеля?

Кант. Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѣы заставили плѣннаго Грека изваять Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ

дурной Ваяпель; въ Скиѣи не было ни Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ — соопечественникъ Праксипелевъ, упопрѣбилъ грубый граниль, молотъ, проспую пилу и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, споль славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѣы были довольны; ибо не знали божеспвеннаго подлинника, и поклонялись новой Богинѣ съ дѣпскимъ усердіемъ. — Скиѣы — мои соопечественники; Праксипелева спашуя — книга безсмерпнаго Фонпенеля — а я сей Грекъ, неискусный Ваяпель.

Аб. В. О! вы слишкомъ скромны, почпенный Князь!

Кант. Не довольспвуясь опытомъ моимъ надъ Фонпенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

Аб. В. Персидскія письма по Руски!

Монт. Могъ ли я ожидать, что первое, слабое произведеніе моего пера оппиметь у васъ сполько драгоцѣннаго времени?

Аб. В. Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ въпрены и малодушны обитапели береговъ Сены.

Кант. И какъ оспроумны.

Аб. В. Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрень, — копорая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ — давно предсказывалъ

вашу славу , Г. Монпескье !

Въ землѣ своей никто пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось , какъ видите. Легко быть можете , что въ эту самую минушу , на берегахъ Ледовитаго моря , на берегахъ Лены или Оби , въ пусыняхъ Тапари — читають ваши остроумныя письма , и имя Монпескье гремитъ въ становищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

Монт. Читають Персидскія письма при свѣтѣ лампы , наливой рыбимъ жиромъ...

Аб. В. Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянiя.... Конечно странно , чудесно ! — А мы говоримъ съ такимъ пренебреженiемъ о великой Московi и.

Кант. Калмыки и Самоѣды не читають Философическихъ книгъ , и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной , въ раждающейя Столицѣ Пепра , въ монастыряхъ малой и великой Россiи , есть люди просвѣщенные и мыслящiе , которые умѣють наслаждаться прекрасными произведенiями Музъ.

Монт. Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и думаю , что климатъ вашъ суровый и непостоянный , земля по большей части безплодная , покрывая въ зиму глубокими снѣгами , малое населенiе , трудность сообщенiй , образъ правленiя почти Азіатскiй , закоренѣлые предраз-

судки, и рабство, утвержденныя вѣками навѣка — все это вмѣстѣ надолго замедлило ходъ ума и просвѣщенія. — Власть климата есть первая изъ власпей.

Аб. В. Я съ вами согласенъ; и полагаю, что всѣ усилія исполинскаго Царя, все что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все — разрушился, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возьмутъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и не основательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Москovieю и вѣчный шуманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

Кант. Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцемъ книги о существѣ законовъ, и съ вами, любезный Аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вотъ мое пророчество!

Аб. В. Но это не заря — сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

Монт. Оспроумный Аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правительство опокроетъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юноше-

ства, поспроить теплые дома для училищ, и изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія собереть нѣсколько не зрѣлыхъ и не сочныхъ плодовъ; положимъ, что Правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мореходцевъ, небольшое число Артиллеристовъ, Инженеровъ и проч. Но скажите, можетъ ли Правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ опвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

Аб. В. И новое солнце? Какъ можно сѣять Науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на браздахъ, попомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою опъ холоду чугуны распадается и попоръ жидкости рубитъ!

Монт. Холодный воздухъ сжимаетъ желѣзо, какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть пайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплоша, напрошивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чу-

десную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа споль сильно сжата воздухомъ, чпо нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, чпо опъ безчисленнаго количесва слабыхъ ощущеній зависяетъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чпобъ заспавить его чпо нибудь почувствовать.

Аб. В. Чпо можете отвѣчать на это? Вы спанете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ Министръ, и на сильные, неопразимые силлогизмы Президента, отвѣчать дипломатическими, опклоняющими испину фразами?

Кант. Я родился въ Конспанпинополѣ. Праопцы мои происходятъ опъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей пресполомъ восточной Имперіи. Слѣдспвенно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я непришворно люблю голубое небо и вѣчно зеленые оливы спранъ полуденныхъ. Въ молодости я спрансповалъ съ опцемъ моимъ, неразлучнымъ спупникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширные долины Россіи опъ Днѣпра до Кавказа, опъ Каспійскаго моря до береговъ величеспвенной Москвы. Я знаю Россію и обипашелей ея. Хижина земледѣльца и перемъ

боярина, мнѣ равно извѣстны. Руководимый
 наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго
 человека въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспи-
 танный въ училищѣ Философіи и опытноспи,
 будучи обязанъ по званію моему имѣть без-
 преспанныя и тѣсныя сношенія съ иностран-
 цами всѣхъ націй, я не могъ сохранить пред-
 разсудковъ варварскихъ, и привыкъ смотрѣть
 на новое опечесство мое окомъ безприспра-
 снаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ
 Короля вашего, въ присутствіи Министровъ,
 я — представитель великаго народа и всемогу-
 щей его Монархини: но здѣсь, въ обществѣ
 дружескомъ, съ великимъ Геніемъ Европы,
 поставляю обязанностію говорить откровенно;
 и вы Г. Аббатъ, скорѣе обличіе Кантемира
 въ невѣжествѣ, нежели въ приспраспії или
 нечиспосердечіи. Волъ мой опвѣтъ: вы знаете,
 что Пепръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ
 людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ
 способності душевныя; онъ вычѣлилъ ихъ
 отъ болѣзни невѣжества, и Рускіе, подъ ру-
 ководствомъ великаго человека, доказали въ
 короткое время, что таланты свойственны
 всему человѣчеству. Не прошло пятнадцати
 лѣтъ — и великій Монархъ, наслаждался уже
 плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомо-
 гательныя Науки военного дѣла процвѣли
 внезапно въ Государствѣ его. Мы громами по-

бѣдъ возвѣспили Европѣ , что имѣемъ артиллерію , флотъ , Инженеровъ , Ученыхъ , даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время ? Успѣховъ ума , успѣховъ въ Наукахъ овлеченныхъ , въ изящныхъ Искусствахъ , въ Краснорѣчіи , въ Поэзіи ? — Дайте намъ время , продлите благоприятныя обстоятельства , и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите , что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю : климатъ имѣетъ вліяніе на жителей ; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей) , это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія , нравами , общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы , говоря о нашемъ обществѣ , полагаютъ вообще , что Московія покрыта вѣчными снѣгами , населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи ; они забываютъ , что въ то время , когда житель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходитъ за кунницею на быспрыхъ лыжахъ своихъ , — счастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо. Самый Сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника ; ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывающему поля. Плугъ есть основаніе общества , истинный узелъ гражданства , опора законовъ ; а гдѣ , въ

какой спранѣ Россіи не оставляетъ онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно измѣняется, и если смѣю сказать, приращаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли тогда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣпильники ума человѣческаго? Нѣтъ конечно! но Пепръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы, древо Наукъ будетъ процвѣтаетъ подъ тѣнію его державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Монпескье, наблюдаете безпрестанно міръ политическій: на развалинахъ пропекшихъ вѣковъ, на прахѣ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины наспоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняющіяся явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Руской. Время все разрушаетъ и созидаетъ, портитъ и усовершенствуетъ. Можетъ быть чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и раньше, благія небеса даруютъ намъ Генія, который постигнетъ вполне великую мысль

Петра — и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинишся хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, нравовъ, дающихъ постоянство законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды! вы сбудетесь, конечно. Благодарѣшь семейства моего, — благодарѣшь Россіи, почиваешь во гробѣ; но духъ его, сей великій духъ — не покидаетъ спраны, ему любезной; онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажется мнѣ, безпрепятственно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверзномъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монт. Но Искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ шуманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

Аб. В. Искусства.... Ахъ! имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умеренный климатъ нашей Франціи.

Кант. Полуденныя спраны были родиною Искусствъ; но сіи прелестныя дѣши воображенія были часто выпѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быспрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульптура лю-

блѣтъ свое древнее опечесство, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питаеся плодами земли, — тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ Поэзіи....

Аб. В. Такъ! но оно, признайшесь, не столь чувствительно на Сѣверѣ.

Монт. Я видѣлъ Оперу въ Англіи и въ Италіи. Опъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бывають вѣ себя и прыгаютъ какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ.

Кант. Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, общительнѣе: но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ сопечесственниковъ: онѣ напоминають древняго Гомера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Италіанской.

Аб. В. Невѣроятно!

Кант. Мы, Рускіе , имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ нѣжность , краснорѣчіе сердца ; въ нихъ видна сія задумчивость , тихая и глубокая , которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной Музы.

Аб. В. Чудесно ! по чести невѣроятно !

Кант. Скажите , если грубыя дѣла Сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно , то чего не льзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ ?

Аб. В. Но... почтенный защитникъ Сѣвера... вы знаете , что народныя пѣсни... лепешаніе младенцевъ !

Кант. Младенцевъ , которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать ? можетъ быть на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги—возникнутъ великіе умы , рѣдкіе таланты. Что скажете , Г. Президентъ , что скажете , услыша , что при льдахъ Сѣвернаго моря , между полудикихъ родился великій Геній , что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле Наукъ ; какъ Философъ , какъ Орапоръ и Поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники ? Это одно предположеніе , но дѣло возможное. Что скажете , если...

Аб. В. Но къ чему сіи гипотезы ? Легче повѣрю , что Рускіе взяли приступомъ Парижъ , и уничтожили всѣ крѣпости , Вобаномъ построен-

ныя!!! Впрочемъ, для чудесъ нѣтъ законовъ, говорилъ мнѣ Фонпенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши, можетъ быть, и сбудутся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ упраченными надеждами Аспольфа. Но, простите моему чистосердечію... признаюсь, я до сихъ поръ смопрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу поспигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнея — писать Рускіе стихи.

Кант. Это напоминаетъ: какъ можно быть Персіяниномъ?

Монт. Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: слѣдственно пишите Сатиры, — Сатиры на нравы... которые еще не успановились. Горацій и Ювеналь осмѣивали пороки народа развращаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Боало писалъ при Дворѣ Великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Татарскихъ обычаевъ, съ нѣкоторымъ

блескомъ роскоши Азіяпской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая пущь пища для Поэта сапирическаго? Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы Эпиграммы сквозь тройную броню невѣжества, и уязвить сердце окаменѣлое отъ пороковъ, закаленное въ невѣжествѣ? И что значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ подъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не успановилось и не можетъ наказывать своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣясь говорить истину власселинамъ или рабамъ? Первымъ — опасно; другимъ — бесполезно.

Кант. Пользуясь покровительствомъ Монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ Государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои Сапиры принесли нѣкоторую пользу. Пётръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человѣчества и спрашей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ стихіи въ непрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній

характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое плащье, оспавались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и шѣмъ казались еще страннѣе: другіе, оплота бороду и длинный кафланъ праотеческій, съ плащьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости заняты не умѣли. Частыя переменны при Дворѣ возводили на высокія степени Государственные людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемеріе и явный развратъ, скупость и расточительность неимоверная: однимъ словомъ, спроси, по всему противоположныя сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и Философу, который только ощупью, и съ Горациемъ въ рукахъ, могъ отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ его, и намѣкнувъ соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архимандритъ Кроликъ, оба достойные Пастыри; Никиша Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые

опыты, мое перо неискусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ какъ говорящъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова Славянскія, чужеспранныя, несвойственныя языку Рускому, — и открылъ новую дорогу для грядущихъ планшовъ. Сапиры мои будущъ имѣть нѣкопорую цѣну для попомковъ нашихъ, подобно древнимъ карпинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаэля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка Рускаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ временъ Петра, до царствованія счастливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (проспишемъ Авпорское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе попому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ Музы и Философіи, нежели попому, что занималъ важное мѣсто при Дворѣ вашемъ.

Аб. В. Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

Монт. Мы желали бы видѣть ваши Сапиры на Французскомъ языкѣ. Отъ части я согласенъ, съ вами: картина нравовъ народа, почти новаго, всегда любопытна. Но... вотъ и Аббапъ Гуаско, вашъ пріятель.

Вы очень кспати навѣспили насъ! сказалъ Кантемиръ, обнимая Аббапа. Вы перевели мои Сапиры на Французской языкъ: прочитайте

что нибудь въ угожденіе Г. Президенту ; а у васъ , господа , прошу терпѣнія и снисхожденія . . .

Чтеніе и разговоръ продолжились даже за полночь. Наконецъ Монпескье и Аббапъ В. опокланялись Министру и разспались . . . довольны ли имъ ? не знаю.

Знаю только , что Канпемиръ , шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ , сказалъ Аббапу Гуаско : признайся , любезный другъ , Монпескье умный человѣкъ , великій писатель но

Но говоришь о Россіи , какъ невѣжда , прибавилъ Аббапъ Гуаско. — Скромный Канпемиръ улыбнулся , пожелалъ доброй ночи Аббапу , и они разспались.

Батюшковъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО КУРСА.

КУРСЪ ТРЕТІЙ.

ДУХОВНОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

І. РѢЧЬ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
при Коронаціи.

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣшь Царя своего вѣнчанна и превознесенна! — Чпо же шеперь возглаголемъ мы, чпо сошворимъ о Россійспіи сынове! Возблагодаримъ ли Вышнему Царю Царей за шаковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. — Возслемъ ли къ Нему моленія, да доброщъ сей подасщъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. — Принесемъ ли чпо-либо въ даръ Господу? — И Онъ благихъ нашихъ не пребуешъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, Россію, и всѣхъ насъ сердца и ушробы приносимъ Ему, и вручаемъ Ему. — Привѣпспвовапъ ли, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣпспвуемъ всеподданнѣйше. — Изъявляпъ ли намъ ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ свое усердіе и вѣрносщъ? И мы шо свидѣтельсп-

вѣмъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего Олпаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. — Пожелать ли ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, щаспливаго и долготѣннаго царствованія? — О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ. — Молишься ли, да Богъ Самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? — О! прилпни языкъ нашъ къ горшани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на шаковыя шокмо моленія. — Паспъ ли намъ предъ престоломъ Величества Божія, да находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго опца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою брєніє; сотвори изъ брєнія сего сосуды не въ безчестіє, но сосуды въ честь. — Таковымъ образомъ многоразличныя обращающа въ сердцахъ чувствія, усмаприваемъ нѣчто особаго вниманія и озабочиванія доспойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніє. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіє. Сія порфира есть наше огражденіє: но Твое ополченіє. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніє; но тебѣ бремя.

Бремя по испинѣ и подвигъ! Предстанетъ
 бо лицу Твоему проспраннѣйшая въ свѣтѣ Им-
 перія, каковую едва ли когда видѣла вселенная,
 и будешь опъ мудрости Твоея ожидать во
 всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ плѣ совершеннаго
 согласія и благоустройства. — У зриши
 сходящія съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ
 опъ Судіи неба и земли: да судиши судъ пра-
 вый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шее,
 ни на десное. — У зриши въ лицѣ благаго Бога
 сходящее къ тебѣ милосердіе, пребывающее, да
 милоспивъ будешь ко вручаемымъ тебѣ на-
 родамъ. — Доспигнутъ бо престола Твоего
 вдовицы, и сироты, и бѣдные, упѣсняемые
 во зло употребленною властію, и лицепріа-
 тіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ,
 и вопиють не преспануть, да защиши ихъ,
 да опреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ
 вездѣ проповѣдывають Твою промыслительную
 державу. — Предстанетъ и самое человѣчество
 въ первородной своей и нагой проспотъ, безъ
 всякаго опличія порожденій и происхожденій:
 взирай, вопіетъ, общій Опець! на права че-
 ловѣчества, мы равно всѣ чада Твои. Никто
 не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ
 упѣснишель человѣчества и подымающій себя
 выше предѣловъ его. — Наконецъ благочестію
 Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать,
 возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду,

обогренную кровію Единороднаго Сына Божія; сія Августѣйшая Дщерь Неба хоща довольно для себя находишь защиты въ единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, проспрещь она свои руки, и, ими объявь Твою любезнѣйшую выю, умолять не преспанешь: да сохраниши залогъ Вѣры цѣль и невредимъ: да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія, и шѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укропиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усумняйся предстать и духи злобы. Опважашся окрещь престола Твоего пресмыкалися и ласкашеся, и клевета, и пронырство совсѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнушь подумашь, что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. — Опкроешь безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, спремься превратишь всѣ правосудія. — Появишся безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружества и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымупъ Тя испина и правда, и мудроспъ и благочеспіе, и будущъ охраняпъ державу Твою, вкупъ съ Тобою желапъ и молипъ: да воскреснепъ въ Тебъ Богъ, и распочапся врази Твои.

Се подвигъ Твой, Державнѣйшій Государь! се брань, пребующая, да препояшеши мечъ Твой по бѣдръ Твоей; о Герой! и наляцы, и успѣвай, и царспвуй, и насшавипъ пшя дивно десница Вышняго.

Дивно глаголемъ; — ибо опъ всего того предохранипъ себя, все по превозмочъ, все управипъ въ миръ и благоуспройспвъ, пребуешъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебъ, хошя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и воспорги торжеспвенные въ своихъ предѣлахъ удержапъ.

Удержапъ — но что же означаетъ сіе днесъ надъ побою совершившееся дѣйспвіе? Соспоипъ ли оно въ одной наружности? соспавляешъ ли только одинъ проспой обрядъ? — Ахъ, нѣпъ! О Давидъ, егда избранъ былъ онъ Богомъ въ Царя Израилю, и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласипъ: ношашеса Духъ Господень надъ Давидомъ опъ того дне и попомъ. Сіе духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освяпило главу Твою. Не пщепны желанія всея Россіи; не пщепны моленія всея

Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не унижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь! поже сказаць, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: и Давидъ красенъ, добръ очами, и благу взоромъ Господеви. Что само по себѣ не столько было важно, ежелибъ оно не было почнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

И пакъ, великодушнѣйшій Государь! симъ укрѣпился и ободрися. Съ таковою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнымъ, подвиговъ Твой удобенъ будешь, бдѣніе Твое будешь сладостно, попеченіе Твое будешь успѣшно, бремя легко, и ополченіе Твое будешь побѣдительно и торжественно.

Но се! и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о Державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою супругу, Ея Императорское Величество, сотвориши участнику Своея чести и Славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уславою Предвѣчнаго. Когда священный супружеска союзъ совокупилъ Васъ воедино, и когда уславлено Богомъ быши женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть

нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдѣтъ благою всѣхъ насъ о Ней надежду; конечно оправдишь Она слово Господне, дабы быть вѣрною ВАШЕМУ Величеству въ ношеніи общеспвеннаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ опвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, Великій Государь! и радуемся, и торжествуемъ, и проповѣдуемъ, и благодаримъ Господу, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣпи и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и вознесе рогъ Христа Своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, Благочеспивѣйшая Государыня ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладоспенъ, коль пишпеленъ для насъ есть сей плодъ Твой! Свяшпая Твоя кровь печепъ пожиламъ Его, и все, что въ ней есть живошворное и доброшное, сообщено и Ему. Давно Апосполь провозгласилъ: аще корень свѣшъ, то и вѣшви. Корень вѣшви оживляепъ, а вѣшви корень украшающъ. Не есть ли сіе въ сердце Твоемъ, Благочеспивѣйшая Государыня! живоноснымъ испочникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли испочникъ сей оную усладишь? Ежели какія бурныя пучи помрачили мысль Твою: сіе возсіявшее опъ Тебя свѣшпило не довольно

ли разогнать весь мракъ сей? — И пакъ видя днесъ, яко маперь Соломонова, Сына Своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, споль милоспиво Тя посѣпившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдую Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ шимпаны и кимвалы нашихъ сердець, предъ священнѣйшимъ лицемъ Благовѣнчаннаго Монарха нашего разыграемъ и воспоемъ, и услышано будеть до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь! могущіи покоряйтесь! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Платонъ.

II.

С Л О В О

ПРИ СОВЕРШЕНІИ ГОДИЧНАГО ПОМИНОВЕНІЯ ПО ВОИНАХЪ, НА БРАНИ БОРОДИНСКОЙ ЖИВОТЬ СВОЙ ПОЛОЖИВШИХЪ.

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за Вѣру, за Царя, за Опечеспво, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія свящынни, имъ почиваемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезень и великъ предъ очами

Божіими и человѣческими; — и память его во благословеніихъ.

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день Россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и неиспытанный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ во внутренность Олечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той щастливой области, гдѣ возносились златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица Россійской Державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: — еще шагъ, — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. — Но чтожь? — Посѣдѣвшій во бранѣхъ Вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. — Засверкали мечи, загрѣбли грома, восколебался воздухъ, попрысалися сердца горъ; — и крѣпкая Моавля пріяла пренептъ. Самый врагъ, который заставлялъ все пренептать предъ собою, воспренепталъ, и неспрашиваемый успрашился, и непобѣдимый опчаялся въ побѣдѣ. — Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердце своемъ: рано

ли, поздно ли кропкій Давидъ побѣдиль гордаго Голіаѳа. — Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское Царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? — Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями ли злодѣевъ нечесливыхъ, хопѣвшихъ испребити вѣру овецъ нашихъ? Тьмы темъ падоша иноплеменныхъ, и сокрушишася оружія бранная.

Но ахъ! въ семь полъ славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія попері прешерпѣли мы сами? Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ? Сколько благороднаго Дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло опъ громовъ сея кровопролитныя брани? Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей? — Храбрый Багратионъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ.

Православные воины, положившіе живопись свою за Вѣру, за Царя, за Опечесство! кѣими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? — Защитники церкви и опечества, возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни

въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животи своемъ и въ смерти своей не разлучишеся, паче орловъ летцы, и паче львовъ крѣпцы. Такъ, пали они опѣ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой возопіялъ опѣ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу. Съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ допояніе Господне, и осквернилъ храмъ свящій Его; но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щипъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самаго. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый спрахомъ, перзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, прясся и препешалъ; наконецъ, гонимый свыше, предался поспыдному бѣгству; — и воя его, колесницы, приспашы его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. Кпо Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ пворяй чудеса.

И пакъ много поперяло Опечество во брани сей: но можно ли оцѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлостъ Государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и пишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіане суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть спрана, покровительствуемая небомъ.

Сколь убо ни велики пошери наши, ушѣ-
 шимся, прекрашимъ спенанія, опремъ слезы! —
 Но ахъ! нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ
 дѣшей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ
 полей Бородинскихъ. Онъ памъ; и дѣши твои
 сироты. — Прижми, прижми ихъ къ сердцу сво-
 ему, ороси слезами. — Онъ памъ; — да по-
 чіешъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты
 разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ
 тебѣ и дѣшамъ прешла съ нимъ въ вѣчностъ.
 Небесный Отецъ будетъ опцемъ сиротъ тво-
 ихъ и ушѣшишелемъ тебѣ самой. — Отецъ
 Опечесхва, Помазанникъ Господень, призришъ
 на васъ окомъ Своея всеобъемлющія благоспи,
 и милосшями Своими уладитъ гореспи ваши.
 Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ
 среди кровавой брани: оплачьте его; но вмѣ-
 стѣ и ушѣшесь пою вѣрою, въ копорой
 вы сами наставляли и упверждали его и сло-
 вомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ
 юноспи; но онъ довольно жилъ для Опечесхва,
 довольно для чеспи своей и вашей. Онъ не
 достигъ высшихъ и знаменишыхъ почеспей;
 но вѣнецъ спрадальческій угошованъ ему въ
 небеси. Онъ не наслѣдуешъ достоянія вашего,
 но получишъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Свя-
 тая Церковь не преспанешъ молишъ Господа,
 какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ
 его; да воздасъ имъ за временные труды и

язвы живоу вѣчный и блага вѣчная, да проліеу имъ испочники блаженства небеснаго, и увѣчаеу славою у себе Самаго.

Земля опечесивенная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные ошпаки поборниковъ и спасителей Опечесива; не опягоши собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропаяу тебѣ благодарныя слезы сыновъ Россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяеу заря вѣчности, когда солнце правды оживотвориу вся сущая во гробѣхъ. — Аминь.

Августинъ.

СВѢТСКОЕ КРАСНОРѢЧІЕ.

І. О Т Р Ы В О К Ъ

ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Говореннаго Ноября 26 дня 1749 года.

Если бы въ сей пресвѣпльй праздникъ, слушапели! въ который подѣ благословенною державою Всемилоспивѣйшія Государыни нашея, покоящіеся многочисленныя народы торжествуюу и веселяпся о преславномъ Ея на Всероссійскій престолѣ восшеспвіи, возможно было намъ радоспю восхищеннымъ вознеспся до

высопы шолкой , съ копорой бы могли мы
 обозрѣть обширность проспраннаго Ея влады-
 чества , и слышать опъ восходящаго до за-
 ходящаго солнца безпрерывно проспирающіяся
 восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ
 ЕЛИСАВЕТЫ : коль красное , коль вели-
 колѣпное , коль радостное позорище намъ бы
 опкрылось ! Коль многоразличными праздную-
 щихъ видами духъ бы нашъ возвеселился , когда
 бы мы себѣ чувствами предспавили , что во
 градѣхъ , крѣпче миромъ , нежели спѣнами ограж-
 денныхъ , въ селахъ , плодородіемъ благословен-
 ныхъ , при моряхъ , опъ военной бури и шума
 свободныхъ , на рѣкахъ , изобиліемъ пропекаю-
 щихъ между веселящимися брегамы , въ поляхъ ,
 довольствомъ и безопасностію украшенныхъ , на
 горахъ , верьхи свои благополучіемъ выше воз-
 носьщихъ , и на холмахъ , радостию препоясан-
 ныхъ , разные обипапели разными образы ,
 разные чины разнымъ великолѣпіемъ , разные
 племена разными языками едину превозносятъ ,
 о единой веселятся , единою Всемилоспивѣй-
 шею своею Самодержицею хвалятся ! Тамъ ,
 со благоговѣніемъ предспоя олпарю Господню ,
 чинъ священный , съ куреніемъ благоуханій воз-
 вышають молишвенные гласы и сердце свое
 къ Богу о покрывающей и украшающей цер-
 ковь Его въ пишинѣ глубокой ; индѣ , при ра-
 достномъ звукѣ мирнаго оружія , доспигають

до облаковъ торжественныя плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминають труды Пепровы, совершаемыя нынѣ бодростію Августѣйшія Ея Дщери; индѣ, по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ ликуя, скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминають, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ Азійскимъ разѣзжая степныя обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускають и показують, коль они готовы усмирить ихъ на враговъ своя Повелительницы. Но хотя естественныя предѣлы силъ человѣческихъ недозволяютъ радостному взору нашему до того высокаго возвышенія достигнуть и великимъ зрѣніемъ насладиться, однако духомъ возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду, возжеланнымъ присутствіемъ Всепресвѣплѣйшія Государыни нашея осіяному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжественныя образы,

благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе , на пресвѣтлое Ея лице обращается , и разсѣянные повсюду увеселенія на немъ единомъ находишь. На немъ истинное благочестіе , веселящее церковь , на немъ мужественную бодрость , укрѣпляющую воинство , на немъ крошечное правосудіе , примѣръ судящимъ и оправдываемымъ дающее , на немъ прозорливую премудрость , на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую , ясно и въ отсутствіи видимъ , и равно какъ въ присутствіи благоговѣнно почиаемъ. Но кто ревностнымъ усердіемъ зрѣніемъ яснѣе оный видишь , какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи Пепромъ Великимъ установленное Общество , несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное ? Ни горы , ни лѣса закрытъ не могутъ божественнаго Ея зрака , начерпаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаясь предъ нами живо Ея сладчайшія уста , повелѣвающія насъ возставити , и очи , человеколюбно къ намъ сіяющія , и щедрая рука , подписующая благополучіе наше. Ободришь начинающія науки , не щадя своихъ изживеній ; утвердишь ихъ благосостояніе , предписавъ полезные законы ; оградишь своею милостію , принявъ въ собственное свое покровительство ; отворишь имъ къ себѣ свободный доступъ , поручивъ ихъ доброхотному представителю изъ своихъ ближайшихъ , есть шоль великое благодѣяніе , копо-

рое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей спараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую Благодѣтельница похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносимъ должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день, пресвѣтымъ Ея на Ошеческій престолъ восшествіемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливимъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ неописанная радость наша въ шѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при столь знашномъ собраніи, именемъ сего ученаго Общества, за несказанное благодареніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносимъ начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣпаю оноe легко и способно; ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскашь краснорѣчія, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быспрѣе успремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преслав-

ьныхъ добродѣтеляхъ шоль великія Монархини ?
 Когда языкъ мой , щедрошами Ея ободренный ,
 удобнѣе обращаюсь , когда голосъ мой , вели-
 кодушіемъ Ея укрѣпленный , громче возвыситься
 можетъ , какъ проповѣдуя и превознося несрав-
 ненныя Ея достоинства ? Не снисканіемъ много-
 словнаго мыслей распроспраненія увеличено , не
 вишневатымъ сложеніемъ замысловъ , или пес-
 прымъ преложеніемъ рѣченій украшено , ниже ри-
 торскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое
 слово ; но все свое проспранство и величе-
 ство отъ несравненныхъ свойствъ Монархини
 наша , всю свою красоту отъ прекрасныхъ
 Ея добродѣтелей , и все свое возвышеніе отъ
 усремленія къ ней искреннія ревности прии-
 мешь . Ибо приносится благодареніе Госуда-
 рынѣ благочеспивѣйшей : свидѣтельствуютъ
 созидаемые и украшаемые храмы Господни ,
 пощенія , молебства и трудныя путешествія
 благоговѣнія ради . Приносится благодареніе
 Государынѣ мужеспвенной : свидѣтельствуютъ
 надъ внутренними и внѣшними врагами Ея
 преславныя побѣды . Приносится благодареніе
 Государынѣ великодушной : свидѣтельствуютъ
 прощенные пресупленія внутреннихъ и
 продержоспи внѣшнихъ непріятелей и крош-
 кое наказаніе Ея злодѣевъ . Приносится бла-
 годареніе Государынѣ премудрой : свидѣтельств-
 вуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденія ,

внутреннее и внешнее спокойство утверждающія. Приносятся благодареніе Государынѣ челоѵколюбивой : свидѣтельствуетъ мапернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кропость. Приносятся благодареніе Государынѣ премилосердой : свидѣтельствуетъ безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь виновныхъ, кровію еще необагранный. Приносятся благодареніе Государынѣ прещедрой : свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возспановленіе нещастіемъ разоренныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается , и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красою другія ! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны ! Изъ всѣхъ явствуетъ , коль благороденъ есть корень , отъ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрастши процвѣтаетъ. Изъ всѣхъ достоинствъ Монархини нашей показуется , коль велики были Ея предки , которыми оживленная , возспановленная , укрѣпленная , возвеличенная , просвѣщенная Россія , нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ , которыхъ славныя дѣла и заслуги къ опечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества , нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для

того описаль бы я нынѣ вамъ младаго Михаила ,
 для сшениа и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріем-
 лющаго съ вѣнцемъ Царскимъ тяжкое бремя по-
 верженныя Россіи , обновляющаго разсыпанныя
 спѣны , сооружающаго разоренные храмы , со-
 бирающаго распоченныхъ гражданъ , наполняю-
 щаго расхищенныя государственныя сокровища ,
 испоргающаго корень богоошсупныхъ хищ-
 никовъ Россійскаго преспола , и Москву опъ
 жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣ-
 ляющаго ; изобразиль бы я нынѣ премудраго
 и мужеспвеннаго Алексія , бодрымъ своимъ ду-
 хомъ ободряющаго Россію , начавшую паки
 двигати свои мышцы , ушверждающаго благо-
 получіе подданныхъ спасительными законами ,
 полки военною рукою , церковь испребленіемъ
 ереси , проспирающаго побѣдоносный мечъ свой
 на Сармацію , и Россіи издревле принадлежащія
 великія Княжества , праведнымъ оружіемъ Россіи
 возвращающаго ; представиль бы я ПЕТРА , име-
 немъ Великаго , дѣлами большаго , вліянною себѣ
 опъ Бога премудроспію просвѣщающаго Рос-
 сію и мужеспвомъ вселенную ушпрашающаго ,
 единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго , къ
 художествамъ проспирающаго другую , правле-
 ніемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ , прудами рабовъ
 своихъ превосходящаго , искореняющаго невѣ-
 жество и науки насаждающаго , наполняющаго
 новыми полками землю , и море новымъ фло-

помъ покрывающаго , военные свои законы
собспвеннымъ примѣромъ утверждающаго , и
славу свою со славою опечеснѣва до небесъ
возносящаго ; начерпалъ бы я въ умахъ вашихъ
Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ,
среди варварскихъ набѣговъ , среди гремящаго
оружія , среди шумящихъ ядръ непоколебимому
духомъ , премудрому Государю премудрые со-
вѣты дающую , вѣнчаему попомъ Его рукою ,
и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла мно-
гопрудившагося Россійскаго Геркулеса на ра-
мена свои пріемлющую ; но слово мое къ соб-
спвеннымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ
Монархини нашея поспѣшаетъ ; на нихъ еди-
ныхъ испощитъ всю свою силу , не исчисляя
подробно , но токмо знапнѣйшія предспавляя.
Того ради не изображаю словомъ блистающія
лѣпоты лица Ея , являющія прекрасную душу ,
ни сановитаго возраста , Монархинѣ прилич-
наго , ни величеспвенной главы , къ ношенію
вѣнца рожденной , ни успѣ , щедропу испо-
чающихъ , ни очей , возрѣніемъ оживляющихъ :
ибо ко всѣмъ чловѣколюбивая Государыня взоръ
свой обращаетъ . Всякъ видитъ , всякъ въ
умѣ своемъ изображаетъ , что такъ Великій
Петръ обращалъ свои очи , взирая на обнов-
ляющуюся Россію ; такъ произносилъ свой го-
лосъ , укрѣпляя воинство и ободряя къ тру-
дамъ подданныхъ ; такъ простиралъ свою руку ,

учреждая художества и науки, повелѣвая успроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣзжая въ побѣжденные грады, и попирая поверженное непріятельское оружіе; полъ бодро шествовалъ, осматривая свои начинающіяся спѣны, спроящіяся корабли, исправляющіяся суда, и среди моря со дна возстающія пристани и крѣпости. Не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутреннія душевныя токмо изобразить попысусь Ея дарованія, копорыхъ лику предходить любезное къ Богу, любезное челоуѣкамъ благочестіе, крѣпкое утверждение Государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непосыдная надежда во брани, неразрывное соединеніе челоуѣческаго общества. Коль великія неспроенія, брани и челоуѣкоубійства въ народахъ единой крови и единого языка опъ раздѣленія вѣры происходятъ; полъ напроптивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаеиъ ихъ единство вѣры, копорая хопя многоученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляеиъся. Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуеиъ, и единою Благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ утверженію въ православіи видииъ! Видииъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія церкви; съ удивленіемъ взираеиъ,

что поль многихъ государствъ Повелишельница, копорой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто швердоспїю вѣры укрѣпляема, спрогимъ пощеніемъ и сухояденіемъ шѣло свое изнуряетъ; копорой не шокмо великолѣпныя колесницы и избранныя кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ, купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ путешествуешъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предспоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзають пропивъ сопоспаховъ Россійскіе воины, зная, что Богъ, крѣпкій во брани, Богъ, Благочеспивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходятъ! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присупспвіемъ! Украшенная свашымъ Ея усердіемъ аки невѣспа въ день брачный, шоржесшвующая Россійская церковь, блистая порфиною и злапомъ и паче радостію сіяя, возвышаешся окруженна славою къ пресвѣплому Жениха своего прешолу, и показуя Ему свое великолѣпіе вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная швоя ЕЛИСАВЕТА: украси держа-

ву и вѣнецъ Ея неувядающею добропою славы ;
 возносишь рогъ мой въ поднебесной : вознеси
 Ее надъ всѣми обладапельми земными ; посѣ-
 щаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ : посѣпи
 Ее благодапію Твоею неопспупно ; ушверж-
 даетъ сполпы мои въ Россіи : ушверди здра-
 віе Ея непоколебимо ; споспѣшеспвуетъ мнѣ
 въ побѣжденіи невѣрія : споспѣшеспвуй Ей въ
 побѣжденіи гордыхъ и зависпливыхъ сопоспа-
 повъ , и благословеніемъ Твоимъ и силою Твоею
 свыше осѣни Ея воинспво ! Сему священному
 церкви свяпья гласу согласуешся всѣхъ под-
 данныхъ желаніе ; по сему вѣруемъ , что не-
 побѣдимый благочеспивыхъ поборникъ , Славы
 Господь , во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Ав-
 гуспѣйшія Единодержицы наша еспъ предво-
 дитель и защищникъ , и высокою десницею
 Своею управляетъ ея мужеспвомъ , копорому
 ни внупръ Россіи вкоренившіеся , ни опвнѣ
 наступающіе непріатели не могли спать про-
 шиву . Сіи побѣждены въ едино лѣпо , а оны
 въ едину ночь низвержены . Окруженный крѣпкою
 спражею вѣнецъ опеческій , и скипепръ , силь-
 ною рукою держимый , и великою власпію объ-
 япую Россію взявъ въ свое повелительспво ,
 еспъ дѣло ' и мужескому сердцу спрашное , и
 великому Герою едва преодолимое . Но Богомъ
 предводимая Героиня наша , съ малымъ числомъ
 вѣрныхъ сыновъ опечеспва , презираетъ всѣ

препятства, безъ пролитія крови торжествуешь, и къ общей нашей радости приемишь свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходишь со крестомъ Дѣвица, послѣдують вооруженные воины! Она опеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ Ней пылають; Она исполнишь желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе Тоя совершивъ поспѣшають: Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стають прошиву за оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуешь? Омерзѣли спрегущіе, видя пришествіе Пепровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ прещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіялъ престоль вступленіемъ, и веселящимся Россіянамъ казалось, что и спѣны ПЕТРОВЫ двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе брега, приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопостаты оцѣпенѣли, и зависливый взоръ свой вспять обращая, больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ успрашенныхъ умахъ ихъ Пепръ Великій, въ мужественной своей Дщери живущій; представлялись имъ опцы ихъ въ мысли, лежащіе въ

крови своей на поляхъ Полпавскихъ, и многія тысячи ихъ народа, ведомаго въ плѣнъ на опдѣленные половиною свѣта сѣпи; мечпались имъ горящіе ихъ грады и веси, пригоповленные Россійскія галеры ходишь по суху, какъ по морю: Россійскія галеры и выѣзжающіе прошивъ ихъ изъ волнъ морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріятели при сѣнахъ Вильманспрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ проливіемъ крови. Но когда Ошескій skipperъ и мечъ приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкопорымъ бурнымъ дыханіемъ возмешаемы непріятели съ препешомъ въ бѣгство обрапились; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ сѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ и при рѣкахъ, быспрыми водами спремящихся, не токмо прошивишь не дерзнули, но и оглянупься на нихъ едва смѣли, видя, что не шопкія болоша, ни мшишья озера, ни спремнины крупыя не могушь препяспивовашъ праведному ЕЛИСАВЕТИНУ гнѣву и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ.

Ломоносовъ.

II. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ЕКАТЕРИНЪ II.

ПОБѢДЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Сколь часто Поэзія, Краснорѣчіе и мнимая
Философія гремятъ пропивъ славолубія за-
воевателей! Сколь часто укоряють ихъ без-
численными жертвами сей грозной спраспи!
Но истинный Философъ различаетъ, судитъ,
и не всегда осуждаетъ. Прелесная мечта
всемирнаго согласія и братства, столь милая
душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда
мечшою? Правило народовъ и Государей не
есть правило частныхъ людей; благо сихъ по-
слѣднихъ пребудетъ, чтобы первые болѣе всего
думали о внѣшней безопасности: а безопа-
сность есть — могущество! Слабый народъ
препещетъ; сильный, подъ эгидою величія,
свободно наслаждается политическимъ бытіемъ.
Сія истина рождаетъ правила для монарховъ.
Исчезни память кровожадныхъ Апшиль, ко-
торые хотѣли побѣждать единственно для сла-
вы побѣдъ? но цвѣти имя Героевъ, которые
разили враговъ Опечесства, и побѣдами запеч-
тавли его благоденствіе! ПЕТРЪ и ЕКАТЕ-
РИНА хотѣли приобрѣтеній, но единственно
для пользы Россіи, для ея могущества и внѣш-
ней безопасности, безъ которой всякое вну-

твеннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Имперія Опшоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ, и что единственный способъ утвердить покой нашего Государства есть ослабить сего природного и вѣчнаго непріятеля Хрисіанъ — знала, и совершила. Но Европа видѣла, что ЕКАТЕРИНА, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи; объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ; требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву; и наконецъ, презирая священное право народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его Дворѣ былъ образомъ ЕКАТЕРИНЫ!

Уже Ея войны разили Опшомановъ; уже на берегахъ Днѣпровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена.... но взоръ ЕКАТЕРИНЫ еще искалъ Полководца, достойнаго Ея доверенности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жерп-

вовапъ людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписатьъ законъ року. Искала, и нашла — Румянцова! Сей великій мужъ славно опличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и ЕКАТЕРИНА, избравъ Румянцова, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріавъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; опвергнулъ всѣ малодушныя оспорожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. Не рогатки, а огонь и мечъ защита ваша, сказалъ онъ Россійскимъ легіонамъ — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Опшомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи спрашныя завоеватели воспока, ужась Европы, испребители славныхъ армій ея, не могутъ стоятъ предъ лицомъ Румянцова! Восемдесятъ тысячъ отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезло какъ прахъ на берегахъ Прупа; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало: — шуда,

гдѣ рѣка Пруть вливаетъ быстрые воды свои въ величественный Дунай; шуда, гдѣ Великій ПЕТРЪ, окруженный невѣрными, опчаялся бышъ побѣдишелемъ и пребоваъ мира — шуда Геній ЕКАТЕРИНЫ привелъ Румянцова, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сograждане! каждый изъ васъ слыхалъ о великомъ днѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя Русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, Герои имениные, щастливые подвижники Румянцова! и никогда въ моемъ воображеніи не зашмился сія величественная картина. 17.000 Русскихъ, на разсвѣтъ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идушъ умереть со славою прошивъ 150.000 непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были опданы, и Вождь казался спокойнымъ; одно величество блисало въ его взорахъ. — Вдругъ грома возвѣстили явленіе солнца, и пучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленныя? я вижу профети наши, и среди ихъ Героя Румянцова, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ

въ міръ. Духъ ПЕТРА Великаго ! Ты упѣшилъ. Опнынѣ сліяніе Прупа съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памяникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ ЕКАТЕРИНИНОЙ славы, міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама Природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на половину года; но Геній Монархини побѣждаетъ Природу, и волны моря Средиземнаго пѣнаются подъ рулями Россійскими. Священныя воспоминанія Исторіи волновали сердца нашихъ плывущихъ Героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія шѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней Республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый, и симъ морямъ неизвѣстный флагъ ЕКАТЕРИНЫ; имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши Аргонавты приближались къ справамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ героическое Ликурговыхъ и Солоновыхъ потомковъ; надѣялись именемъ новой Аѳиней, воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильшіада, Ариспида, Эемистокла. Но долговременное рабство на вѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и Герои

Россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ ЕКАТЕРИНЫ. Не за шѣмъ окружили они Европу, не за шѣмъ оставили за собою берега Африканскіе, чтобы пворить дѣла обыкновенной храбрости.... и море Эгейское пылаетъ!.... О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзосное и щасливое! Молніеносные Россіяне повелѣвають спихіями: огонь и волны испребляютъ врага! вѣками угопыванныя морскія силы его исчезають съ дымомъ! Все Оптоманское гибнетъ, кромѣ однихъ профеевъ для побѣдишеля — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ ПЕТРА Великаго! — Чесма безсмертна подобно Полтавѣ и Кагулу; и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы.

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Іоаннъ Грозный, то довершила ЕКАТЕРИНА Великая. Сіи славные глубокіе окопы, копорые отъ Чернаго моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго печенія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего опечеснва, палъ къ стопамъ Россійскаго Генія. — Берега Дуная не преспавали обагряться кровію невѣрныхъ, и Консшанпинополь препеналъ, внимая близ-

кимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцовъ опустилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдспвіямъ Опшомановъ. Мирные переговоры не имѣли щаспливаго успѣха, и Полководецъ ЕКАТЕРИНЫ украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, испреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Андріанополю, опрѣзалъ, окружилъ Визиря — и Геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный прахшашъ, копорый опкрылъ намъ моря Турецкія и Дарданелы, даровалъ независимоспъ Крыму, обогатилъ казну государспвенную милліонами, ушвердилъ за Россією Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще опечесптво наше не заключало поль блестящаго мира съ Порпою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянспва према именами славы. Римъ имѣлъ Спиціоновъ Африканскихъ, Азіапскихъ: ЕКАТЕРИНА воскресила сію награду, достойною Ея величія — и Россія имѣешъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжеспвомъ Румянцова былъ пошъ день, когда ЕКАТЕРИНА именемъ опечеспва изъявила ему благодарноспъ. Опягченый лаврами, онъ сходитъ съ шеапра славы, и скрывается опъ глазъ нашихъ; но Испорія пріемлешъ его во свяпилище безсмерпія. Такъ, она скажешъ Россіянамъ: « во дни ЕКАТЕРИНЫ «Румянцовъ опкрылъ вамъ тайну всегда по-

« бѣждашь невѣрныхъ, малымъ числомъ безчи-
« сленность ; усѣваешь поля прудами ихъ , и
« сохраняешь цѣлость рядовъ нашихъ ! » — Если
паланшы изъясняются сравненіемъ , то Заду-
найскаго можно называть Тюреномъ Россіи. Онъ
былъ мудрый Полководецъ ; зналъ своихъ не-
пріятелей , и системы войны образовалъ по
ихъ свойствамъ ; мало вѣрилъ слѣпому случаю , и
подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка ; казал-
ся опважнымъ , но былъ только проницателенъ ;
соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ
дѣйствіемъ ума ; не зналъ ни страха , ни за-
пальчивости ; беретъ себя въ сраженіяхъ единст-
венно для побѣды ; обожалъ славу , но могъ бы
снести и поражение , чтобы въ самомъ неща-
стіи доказать свое искусство и величіе ; обя-
занный Геніемъ Напуръ , прибавилъ къ ея да-
рамъ и силу Науки ; чувствовалъ свою цѣну ,
но хвалилъ только другихъ ; отдавалъ справед-
ливость подчиненнымъ , но огорчился бы во
глубинѣ сердца , если бы ктонибудь изъ нихъ
могъ сравняться съ нимъ паланшами : судьба
избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ
думають о Задунайскомъ благодарные ученики
его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту ,
нѣкогда мощную Республику , копорой имя и
бытіе уже исчезло въ Европѣ. Давно ли еще
наглая и злобная Польша перзала наше опе-

чество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хвапала въ свое подданство цѣлыя Княжества Россійскія? Давно ли древняя столица Владимира носила ея цѣпи? Давно ли и нынѣ, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго Вождя Сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возспала въ гнѣвъ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ, Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ величія Республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества ЕКАТЕРИНЫ и любви Ея къ Россіи. Полоцкъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего опечесства, подобно дѣтямъ, копорые, бывъ долго въ горестномъ описствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра щасливатаго родишельскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое, лону ея ввѣренное зерно, даетъ богатый классъ земледѣльцу; гдѣ на пучныхъ пашвахъ разсыпаются спада безчисленные; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пашырей, простота нравовъ, миролюбіе и

общее добродушіе жителей напоминаютъ во-
 ображенію щасливые берега Ладона — Мало-
 россія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ
 неукротимыхъ варваровъ. ЕКАТЕРИНА повелѣла
 — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло
 полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь
 извѣстную въ Исторіи и въ самой Мифологіи.
 Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное при-
 обрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда име-
 нитое Княжество Гмудараканское или столицу
 его, которая скрывалась доселѣ отъ любо-
 пыства нашихъ Историковъ. Такимъ обра-
 зомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь
 бѣдственныя для нашего опечесства. — Сама
 же Таврида будетъ всегда прекрасною часпи-
 цю Россійской Имперіи, и со временемъ ва-
 жною для торговли съ Архипелагомъ и Восто-
 комъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ зе-
 мель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную спра-
 ну, которая представляетъ взору и граничныя
 горы Швейцаріи и плодоносныя долины Пие-
 монтскія; спрану, гдѣ творческая натура съ
 нѣжными красками соединила величественныя;
 гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и
 весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель При-
 роды находитъ для себя разнообразныя богат-
 ства, и гдѣ чувствительное сердце, наску-
 чивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ
 пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Опшоманская Порша содрогнулась ; и хопя по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный практапъ съ Россіею , но скоро тайная злоба ея воспылала....

Здѣсь напомнимъ вамъ , сограждане ! славное пупешествіе Монархини въ страны , Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новыя плоды своего щаспливаго царствованія. Зрѣлище восхипительное, достойное ЕКАТЕРИНЫ ! Опъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдишельницы міра. Не цѣпи невольниковъ грѣмели вокругъ торжественной колѣсницы , но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ ; милліоны упали предъ Нею , какъ предъ Божествомъ благодѣштельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида , въ сіяніи славы , при звукъ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій , шествовала по цвѣтущимъ обласпямъ ея , изумляя подданныхъ своихъ величіемъ и щедротами ! Какъ сладостно было сердцу Монархини , когда искреннее усердіе вѣщало Ей : « Сіи прудолубіемъ
« и художествомъ украшенныя мѣста недавно
« были горестною пустынею , дикою степью ;
« гдѣ сіи обширныя сады зеленѣютъ и гордыя
« палаты возвышающіяся , шамъ одни песчанья
« холмы представлялись унылому взору ! Въ
« семъ юномъ городѣ , Тобою сотворенномъ ,

« уже цвѣшеть торговля. Здѣсь воспокъ и
 « западъ мѣняющіяся своими богатствами. Здѣсь
 « все исполнено имени и славы Твоей! » Тамъ
 два Вѣнценосца воспрѣпили Монархиню, какъ
 будто для того, чѣобы еще болѣе украсишь
 Ея поржесство. ЕКАТЕРИНѢ обязанъ былъ Спа-
 ниславъ короною, и славился шѣмъ предъ свѣ-
 томъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣ-
 реніямъ для блага человѣческаго, когда Она
 чрезъ волны Эвксинскія успремляла священный
 взоръ на градъ Конспаншина. Цари Италіи
 спѣшили посольствами изъяснить радость свою
 о приближеніи Сѣверной Царицы къ спра-
 намъ ихъ.

Сіе путешествованіе и догадки Европы о сви-
 даніи ЕКАТЕРИНЫ съ Іосифомъ послужили Оп-
 поманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира.
 Война снова возгорѣлась. Уже Румянцовъ не
 былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ;
 но духъ его жилъ въ Россійскихъ арміяхъ — и
 невѣрные, увидѣвъ ихъ, воспрепешали: они
 узнали прежнихъ своихъ разитель, узнали по
 ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ гро-
 мамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ
 полей открытыхъ, милыхъ герою, спраш-
 ныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ
 оградахъ. Но ни Искусство, ни Природа не
 могли защитить ихъ — и сія война ознаме-
 новалась для славы нашей двумя чудесно смѣ-

лыми и щасливými приспупами. Только Россіяне могутъ бытъ предметомъ сравненія для Россіянъ: Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями Искусства. Теперь падешъ онъ во всемъ своемъ величіи, чѣобы пѣмъ болѣе увеличитъ славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ челоѣколюбія ЕКАТЕРИНЫ и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится ; — но когда Военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, Герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ ! . . . казалось для того, чѣобы видѣть неприспупность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ увидитъ смятеніе нашего Героя; что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства. Ночь прошла — и Суворовъ въ Измаилъ ! 20.000 Опшомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Ев-

ропа, что наши, столь легко вооруженные Донскіе воины, подъ начальствомъ Героя, превращающагося въ фалангу Македонскую и берущую крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но щастіе и слава, еще вѣрнѣйшія друзья наши, не хотѣли его признавъ своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и спрашнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннапъ былъ свидѣтелемъ Австрійскихъ несчастій. Опшоманы спасенные бѣгствомъ отъ меча Россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами спарецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія спасти опечесство. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ; и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны Австрійскіе; одинъ Рымникскій могъ принести славу и щастіе въ спанъ ихъ — и принесъ. Семь тысячъ Рускихъ указали имъ путь къ побѣдѣ... Австрійцы сразились храбро... Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена ЕКАТЕРИНЫ, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали

чудеснаго Суворова ; и когда , чрезъ десять лѣтъ послѣ того , надлежало имъ пропивъ храбрыхъ Республиканцевъ поспавипъ вождя крѣпкаго , они забывъ народную гордость свою , претовали Героя Рымникскаго.

ЕКАТЕРИНА въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порша, Англія и Пруссія обольспили Густава : онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы , тогда , тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ опечеспву и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказатъ его ; всѣ мирные граждане готовы были лешъ на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ , сограждане — воспоминаніе незабвенное и радостное для Папріотовъ. Могли Гошѣы, неохотные исполнили беззаконной воли, споятъ пропивъ сыновъ обожаемой ЕКАТЕРИНЫ, сильныхъ любовію къ опечеспву и ненавистію къ виновнику сей войны неправедной ! Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ препешъ Россію , и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ , споль ужасныхъ для его предковъ ! Сіи Герои спремипсь возобновитъ прежнюю славу свою въ камениспомъ опечеспвѣ Финновъ , и

доказать міру, что спража Монарховъ Россійскихъ доспойна своего имени и сана. Гдѣ только Гопѣы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Гуспавъ испощилъ всѣ способы ума и дерзоспи своей—напрасно и безъ успѣха! ЕКАТЕРИНА внимала грому флотовъ его; но покойно и величественно гуляла въ садахъ Своихъ. Король, ослѣпленный высокоомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ свое заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини: Она даровала ему миръ, копорый единспвенно могъ спасти бѣдныя оспашки силъ его.

Порпа Оппоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинспво унывало; спрашныя Янычары спрашились одного имени Россіянь; море, опверзтое для нашихъ флотовъ, всякой день могло представитъ очамъ Сулпана флагъ ЕКАТЕРИНЫ... Но Монархиня желая успокоитъ Своихъ воиновъ, не опвергла и мира. Она могла взять Конспанпинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ Турецкаго владѣнія испребился на семь берегу Днѣспра. Всѣ Дворы удивились ея умѣренности; но ЕКАТЕРИНА знала время, обспояпельспва; хопѣла видѣть слѣдспвіе нѣкопорыхъ новыхъ Европейскихъ перемѣнь, и опсрочила дальнѣйшіе успѣхи Россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей Республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные ЕКАТЕРИНОЮ; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей ИМПЕРІИ умысловъ. Но благоразумные требовали заспупленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстію нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою Россійскою.... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя рапоборствовать съ Героями въ полѣ, она хотѣла умершвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь Россійская обогрила спогны Варшавскіе. Слабодушные убійцы! спыдь Сѣвера, который издревле довольствуясь славою побѣждавъ Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напомнила ужасы Сициліанскіе!... Сердце ЕКАТЕРИНЫ содрогнулось. Державная рука Ея бросила въ урну сей недостойной Республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно Ангелу грозному, обнажилъ мечъ испребленія; пошелъ—и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ опчаяніемъ, дымишя въ своихъ развалинахъ — и Варшава падаетъ къ стопамъ ЕКАТЕРИНЫ. Совершилось!... Но Монархиня,

подобно Божеству, самымъ наказаніемъ благопворишь человѣчеству. Польши нѣтъ; но ея мятежныя и несчастныя жилища, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою прехъ союзныхъ государствъ. Республика безъ добродѣтели и Геройской любви къ отечеству есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игрищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть въпръ развѣетъ пепелъ ихъ капищъ, гдѣ ширанило было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея доспались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при ЕКАТЕРИНѢ подвиги свои Герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ; на котораго еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его — цвѣтами, не Кипарисами; ибо смерть великаго Воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ щастливѣйшихъ Полководцевъ; подобно АЛЕКСАНДРУ, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Цесарю спавилъ себя выше рока, и

рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибку. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостью, то въ немъ было спасительною надежностью и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ, а лепѣлъ ко славѣ, которая съ своей стороны встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ: взоръ, быспроша, ударъ — но взоръ сей даетъ Природа не многимъ; но быспроша сія была пайною для самихъ Аннибаловъ; но ударъ сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему, казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ Военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ любилъ побѣжденных непріятелей, ибо они были живыми его профетями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный Полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бы ему могилою. — Изображеніе Героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію ЕКАТЕРИНЫ: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ спояще: тамъ юные воины опечесива будущъ произно-

сипь обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта да сіяють вмѣстѣ имена первыхъ Военачальниковъ!

Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ рыцарей, спранъ плодотворной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ несчастіемъ для области безсильной, хотѣла славы принадлежать ЕКАТЕРИНѢ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми портами, драгоценными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, по подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ шуманныхъ, по спускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ вратъ Каспійскихъ; уже спѣна Кавказская, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый Вождь его пріялъ серебряные ключи Дербента изъ рукъ спарца, который въ юности своей вручалъ ихъ Пепру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осынился знаменами ЕКАТЕРИ-

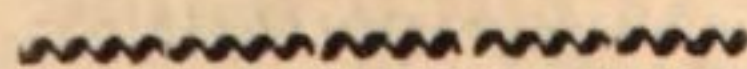
НЫ.... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и печеніе побѣдъ Ея. Таинство великой души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла ЕКАТЕРИНЫ могли бытъ увѣнчаны новымъ чудомъ ; война Персидская могла имѣть предметъ важный ; могла опкрыть пупъ въ Россію несмѣннымъ богатствомъ Воспока ; могла успокоить народы мятежные , копорые , подъ вліяніемъ щасливѣйшаго неба , служатъ примѣромъ бѣдствій ; могла.... Но , повпоряю : таинство великой души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на высшей степени геройскаго величія , обогащенную новыми спранами , гаванями и милліонами жипелей ; безопасную внупри , спрашную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ , какъ побѣждаютъ Россіянъ и Россіяне не знали , какъ не сокрушить врага. Ихъ спихія была слава : и симъ-то чувствомъ Великая топовила побѣды ! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ : опличала воинскія дарованія леспнымъ благоволеніемъ — и Герой , копорый имѣлъ щасіе лобызатъ Ея державную руку , слышаъ восхищительныя слова милоспи , пылалъ новою ревностію геройства , не думая о жизни. Юноши , осыпанные цвѣтами роскоши , среди сполицы усыпленные нѣгою , при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались , срывали съ себя вѣнки Грацій , и спремались

на поле чести искапъ опасности и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время ЕКАТЕРИНЫ видѣли мы сіи, можно сказапъ, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли пысячи Россійскихъ Альцибіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирапа на прора Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшало судьбу государствъ: ибо въ слѣдъ за нимъ готовы были лепѣпъ непобѣдимые!

Не только благо нашего опечеспа, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами ЕКАТЕРИНЫ. Давно ли еще знамя лжепророка грозило спѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магомепъ II могъ быпъ новымъ испребишелемъ государствъ Европейскихъ: сколь же бѣдспвенны успѣхи Опшоманскаго оружія для человѣчеспа и просвѣщенія? Теперь варвары уже не опасны для Европы; теперь слабый Паша Виддина презираетъ могущеспа Порпы!... И сія безопасность еспъ дѣло Великой ЕКАТЕРИНЫ, Которая попрясла и опчаспи разрушила сей колоссъ ужасный.

Карамзинъ.

С Л О Г Ъ

ДИДАКТИЧЕСКІЙ и ФИЛОСОФИЧЕСКІЙ.

1. КТО ИСТИННО ДОБРЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственной жизнью, есть прямо добрый и следовательно прямо счастливый человекъ.

Свѣтъ называющъ театромъ — всякой человекъ, въ одно время, и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицають: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чѣмъ пріобрѣсти благородное названіе добрый, чѣмъ имѣть право именоваться счастливымъ.

Ты съ честью служишь обществу; Судья справедливый, — всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный Полководецъ — никто не видалъ, чѣмъ ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чѣмъ терялъ присутствіе духа въ минутой неуспѣха, или замѣщательства. Въ обществѣ называющъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; нельзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, улыбками.

ми. Говорю смѣло : умный , дѣятельный , любезный , необыкновенный человѣкъ ! Скажу ли : добрый и счастливый.

Нѣтъ ! я вижу тебя на сценѣ , въ уборѣ , въ минушю представленія , въ минушю поржесства : прельщаюсь однимъ наружнымъ , временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою , ты окруженъ безчисленными подпорами : общее мнѣнiе хранитель твоихъ добродѣтелей ; бытъ можетъ , источникъ ихъ единое твое честноелюбiе. Хочу ли узнатьъ совершенно твой характеръ — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое , скрытное общество людей поприще , на которомъ совершаются самыя благородныя , самыя безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ — всѣ призраки исчезли ; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей , въ кругу знакомцевъ , слишкомъ короткихъ , слѣдственно для него неспрашныхъ ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ ; не слышитъ рукоплесканiй ; онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ , для другихъ непримѣтнымъ , но сладостнымъ и не оштемлемымъ счастьемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимствованные покровы , свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ ; никому , кромѣ самаго себя не даетъ отчета ; и если я вижу его спокойнымъ , веселымъ ,

неизмѣннымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества ; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ ; когда , возвращаясь изъ путешествія , приносивъ онъ въ домъ свой новую жизнь , новую дѣятельность , новое счастье ; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ , спокойствіе , довѣренность , любовь — тогда рѣшительно говорю : онъ добръ , онъ счастливъ !

Великіе подвиги , въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей , бывають не рѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Не рѣдко чело-вѣкъ , котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ , котораго и пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводяють насъ въ изумленіе , бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ , гдѣ онъ свободенъ , гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія ; гдѣ все почерпается во внутренности души , гдѣ можешь быть веселъ только тогда , когда твое сердце наполнено чистыми , живыми , неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастье , какъ не въ семействѣ ? и что его источникъ , какъ не спокойное , невинное , доброе сердце ?

Человѣкъ — гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и опличія; но добрый получаетъ сіи опличія и почести на ряду съ недостойнымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ же его преимущество, собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успешно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и спрогныхъ. Честолюбіе замѣнишь для себя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова — добрымъ супругомъ, опцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ — говорю безъ исключенія, не лъзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять, въ маломъ видѣ, всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь никакое ложное достоинство не мо-

жесть увѣнчано бысть ложною наградой ; здѣсь видяшь тебя такимъ почто , каковъ ты въ самомъ дѣлѣ , и вотъ причина того печальнаго отдаленія , въ которомъ многіе , такъ называемые счастливцы міра , живутъ отъ пихаго , уединеннаго семейственнаго круга , они боясь вступишь въ сіе священное общество ! Чпо принесушь они въ него съ собою ? — Мертвое , или испорченное сердце , чуждое наслажденій невинныхъ , смутное посреди спокойствія и порядка , непоспоянное въ кругу удовольствій , однообразныхъ , но всегда сладостныхъ для души ясной , веселой и доброй !

Ты ищешь вѣрнаго счастія ? Почитай обязанностію бышь дѣятельнымъ для пользы общества ; но лучшія твои наслажденія , но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства : если душа твоя невинна , если пылаешь въ ней тихое пламя добра , то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное , поспоянное счастіе . Гдѣ можешь любить съ такою полношю , съ такою взаимностію , съ такимъ забвеніемъ самаго себя ? Гдѣ можешь бышь споль добродѣтельнымъ и споль непосредственно получаешь за добродѣтели твои воздаяніе ? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ , согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали ? Спрямись воображеніемъ къ сему блаженству , когда еще

его не имѣешь ; образуй для него свою душу ; помни , что оно сущеспвуептъ для одного невиннаго , благороднаго , исполненнаго высокими чувспвами сердца ; благодѣпельная , живоппво-рящая мечта о немъ да будетъ сопупницею пвоихъ юныхъ лѣтъ! — Совершенспвуя себя для мирной обипели семейспва, ты избѣгаешь опасной заразы развраппа : плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока , имѣя предъ глазами пѣ чистыя наслажденія, ппу благородную дѣяпельность , копорыя неразлучны съ семейспвенною жизнію ? И если пвой выборъ уже сдѣланъ, если душа пвоя замѣпила сущеспво, для нее необходимое: по окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе объ немъ будетъ пвоею добродѣпелью, пвоею совѣспію! — Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладипься симъ благомъ, рѣдкимъ — но рѣдкимъ поппому, что рѣдки сіи люди, копорые полагали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, копорые минупнаго , живѣйшаго наслажденія , или не вѣрной и блиспапельнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣпелями счаспію — если Провидѣніе , говорю , опредѣлило тебѣ насладипься симъ благомъ, по смѣло можешь присвоипь себѣ пипуль счаспливца ; ты возвращишь сему пипулу его упраченное достоинспво : на языкъ пвоемъ счаспіе будетъ зна-

меновашь добродѣпель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

А Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляешь намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человекъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота — при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе! не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастья? Вы видите передъ собою довольныя лица; плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ: здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минутой есть собственное, необходимое занятіе: минутой отдѣльнаго труда приготавливаютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякой трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, опцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бы-

тіи Божества, неоприцаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастьемъ, уповающій на безсмертіе, которое ощутишельно для сердца, испытавшаго прямую любовь — вездѣ найдете вы его одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлають его счастливымъ среди домашнихъ, хранился и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ, для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранилъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочною своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ придти невиннымъ передъ судилище безприспращное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который, вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою стремились къ той же цѣли — къ счастью, основанному на совершенствѣ моральномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ; котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда. Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почиаетъ онъ только

посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства — мирная, счастливая дѣятельность, которая живоприворитъ душу его, опдаляетъ опъ нее унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ, среди порядка и тишины, которая окрестъ его царствуетъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ пониманіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться — здѣсь минуны заботы не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда прудимся для однихъ себя: онъ улаждающа протавельнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которыми посвящили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души спановится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе — благоприворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою Его посланника въ своемъ поварѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство; — что можетъ быть протавельнѣе и пламеннѣе молитвы,

произносимой въ присущствіи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнощѣ своего счастья? Для кого можетъ быть ошущительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Ихъ милосердія? Молитва одинакаго чловѣка есть пребываніе; молитва семьянина есть благодарность.

× Но представляя себѣ счастье, должно воображать и горестныя потери. Супругъ не рѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣшей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастье жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался насоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно лепѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками; спутники твои исчезли... но ты самъ неизмѣнился; поприще твое опустило.... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; спремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями? Кто разъ наслаждался семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ

уже одиночества: горестъ будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

Жуковскій.

II. РАЗСУЖДЕНІЕ

О НРАВСТВЕННЫХЪ ПРИЧИНАХЪ НЕИМОВѢРНЫХЪ УСПѢХОВЪ НАШИХЪ ВЪ ВОЙНѢ СЪ ФРАНЦУЗАМИ 1812 ГОДА.

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляющся прежде брани; мечъ пожинаетъ большею частію плѣ лавры, копорые посѣяны миромъ. Казалось, никто лучше врага не зналъ сей опытной истины. Предъ насъ стоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искреннаго мира съ нимъ: и онъ сполько же, если не болѣе, времени приготоуовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не проспиралъ ли онъ тайную руку на распоряженіе другихъ нашихъ союзовъ? Не онъ ли наипаче раздувалъ попеременно на той или другой границѣ обширной Имперіи пламя войны, копорая хотя не изнуряла ее, но развлекала; хотя приобрѣла ей новую славу и новыя области, но не дала насладиться опрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказатъ холодность

непреклонной морской державѣ: не пыпалъ ли онъ тогда сокровеннаго желанія опягошить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался ли онъ устроить себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами сиротспвующихъ сыновъ царства Французскаго, которые бѣгутъ къ намъ опъ пожравшей ихъ опечесство заразы, — толпы изверговъ мяшежа, которые несутъ свою язву съ собою и сынами Сѣвера, столь же чуждыми низоспи подозрѣнія, какъ и слабоспи ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змія въ нѣдро? — Я не буду опвѣпспвовапъ на сіи вопросы: ибо не желаю проникапъ въ дѣла пѣмы, которыхъ прозорливое Правительсство не желало, можетъ быть, обнажапъ по великодушію; или совсѣмъ не хотѣло примѣчапъ изъ презрѣнія.

Но когда, среди мира, долженспвовавшего сохранить Европѣ останокъ ея свободы, Франція разрушала преспопы, поглащала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, столько нужныя на Югѣ, не оспавляли Сѣвера; но еще часъ опъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись шуда же изъ порабощенныхъ царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія власполюбивой державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготоовленія, тѣмъ яснѣе

показывали, пропивъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что же мы дѣлали въ сіе время? — О! что мы тогда дѣлали, то, можетъ быть, не только врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или недоспойнымъ сыновъ силы; но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы свято сохраняли миръ, терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приблизились къ своимъ границамъ токмо для того, чтобы съ миромъ иппи во срѣщеніе самой брани.

Если превосходное число войска, бодрость воиновъ, обнадеженныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій, суть начатки военныхъ успѣховъ: то, взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятія одного властолюбца, съ другой на Россію оставленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ или устрашенными, занятую войною со многочисленнымъ народомъ и, подъ маніями кропикаго Монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенія новой и опаснѣйшей бури, — не могли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще не начиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ покрай-

ней мѣръ думалъ онъ самъ и должно признахся, что его предсказанія о завоеваніи Россіи, толико нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда не сколько неимовѣрными, какъ то, если бы кто смалъ предсказывать конечное истребленіе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. — Но непорфирородный царь, возжелавшій быть еще не помазаннымъ пророкомъ, не провидѣль того, что кромѣ физическихъ и политическихъ, государства одушевляюща и дѣйствующа высшими нравственными силами; что насиліе возбуждается противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются; что ухищренія могутъ быть перехитрены или разрушены нечаянно-стію; что правда всегда могущественнѣе коварства и злобы своею твердостью и провидѣніемъ. Высокоумный повелитель надменнаго мнимою образованностію народа не зналъ, и къ продолженію бѣды Европы, не изучилъ и доселѣ сего простаго языка нравственности.

Необыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства, и по видимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не такъ, какъ Государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго Монарха или народъ къ справедливому, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, порожественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему

Провидѣніемъ силу для доспигенія своей цѣли: онъ началъ брань, или какъ нѣкій богъ браней, копорый никому не обязанъ опкрывашъ своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возспаніемъ посигшающій преду- предилъ казнъ, копорой чувспивуетъ себя до- спойнымъ. Симъ наглымъ поспраніемъ народныхъ правъ онъ опкрылъ себѣ пупъ ненаказанно по- пирашъ нашу землю, между тѣмъ, какъ мы принуждены были въ одно время и опражашъ его нападенія и только еще приводилъ къ единспву движенія распротерпаго по про- страннымъ обласпямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло бытъ спрашно для сліянныхъ силъ шеспнацати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣ- спныхъ въ наши времена сраженіе, въ ко- поромъ, чѣмъ болѣе побѣда колебалась между превосходспвомъ силъ и совершенспвомъ иску- спва, между дерзоспію и неуспрашимоспію, между опчаяніемъ и мужеспвомъ, между алчбою грабежа и любовію къ опечеспву, тѣмъ пор- жеспвеннѣе увѣнчана правая спорона. Но ка- кой опашъ мракъ послѣ поль свѣсплой для насъ зари! Многочисленная посперя закрыта неисчи- слимыми оспашками; побѣдители упомлены побѣдою, и дерзость врага сполицъ въ свою чреду могла величашъся, если не покореніемъ сполицы, покрайней мѣрѣ вспупленіемъ въ ея

священные спѣны, обнаженіемъ ея благолѣпія, уловленіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Если взаимно сообразить неперпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ спра-
 сямъ его: то могутъ открыться мысли, копорыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію столицу. «Теперь, думалъ онъ, я наступилъ на
 «сердце Россіи. Кто принудилъ меня об-
 «рапиль всячь мою ногу? Бывъ опіюдь не
 «такъ силенъ, какъ нынѣ, я вступилъ въ
 «Вѣну и раздавилъ Германію. Москва, покрай-
 «ней мѣрѣ, должна вмѣстѣ съ собою смириль
 «предо мною Россію.»

Вообразимъ же, что въ сію самую мину, когда гордость и удача вдыхали успѣшнелю Европы поль высокомерную надежду, явилась бы истина, и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: «ты не наступилъ на сердце Россіи,
 «но преткнувшись, оперся на грудь ея, и
 «вскорѣ будешь опраженъ и низверженъ. Россія
 «не будешь унижена, но вознесется въ сла-
 «вѣ, доселѣ невидѣнной. Война, расположенная
 «по чертежу коварства и злобы, достигла
 «своего предѣла: начинается брань Господня.
 «Ты расхишилъ преданную въ руки твои судъ-
 «бою столицу, но и будешь спрегомъ въ ней,
 «какъ уловленный хищникъ въ темницѣ; а сіе
 «возбудитъ рабовъ твоей великой темницы

« къ покушенію сокрушилъ свои оковы. Пора-
 « жаемый опвсюду, ты прибѣгнешь къ обык-
 « новенному твоему оружію лживаго языка ;
 « но принужденъ будешь дать твоей Имперіи
 « повелѣніе, чшобы она тебѣ вѣрила, то есть,
 « признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, что
 « твоя Имперія тебѣ не вѣришь. Ты побѣдишь
 « какъ папъ изъ той земли, въ копорую
 « вшортся какъ разбойникъ ; и въ полъ же крап-
 « кое время, какъ ты пришелъ сюда, тебя
 « увидяшь въ започеніи собспвеннаго твоего
 « дома, твои папѣбины — въ рукахъ закон-
 « ныхъ Владѣтелей, твою великую армію —
 « въ плѣну, въ снѣгахъ и въ холмахъ могиль-
 « ныхъ. » Кто могъ бы тогда опличить сіи
 вѣрныя прорицанія опъ суешныхъ прещеній ?
 Кто узналъ бы голосъ истины ?

Но наконецъ истина оправдана опъ сыновъ
 своихъ, и судьба Россіи опъ глубокаго мрака
 изведена, какъ полдень, пущами провидѣнія.
 Да возвѣспишся истина ! Да благословишся
 Провидѣніе !

Участіе Государствъ опредѣляется вѣчнымъ
 закономъ истины, копорый положенъ въ ос-
 нованіе ихъ бытія, и копорый, по мѣрѣ ихъ
 утвержденія на немъ или уклоненія опъ него,
 изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый попомъ
 въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблю-
 спительствомъ Провидѣнія.

Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣльный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ, чѣмъ постоянно оно удерживаетъ себя въ союзѣ верховнаго Правителя міра соблюденіемъ Его закона, благочестіемъ и добродѣтелію: тѣмъ почтѣе входитъ во всеобщій порядокъ Его правленія; тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется Имъ; тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ Него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долгоперпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій; но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмущительная обласль Божіей державы.

Что есть государство? — Великое семейство человѣковъ, которое по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши бытъ управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ опцемъ: признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ Государя. И такъ, чѣмъ искреннѣе подданные предаются опеческому о нихъ попеченію Государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю;

чѣмъ естественнѣе Государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа по образу его, представляють собою опцевъ великаго, и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власнѣе благопвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрачнѣе мудрости и благости опъ черпотовъ до хижинъ и темницъ; шѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы — неразрывнѣе, ревностъ ко благу общему — живѣе, дѣятельностъ — неутомимѣе, единомысліе — неразлучнѣе, крѣпостъ — неборимѣе. Но когда члены общества связующія токмо страхомъ, и одушевляющія токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи; а при наступленіи общей опасности всѣ связи общества ослабѣвають, народъ безъ бодрости, престоль безъ подпоры, опечесство сиротствуетъ.

Что есть государство? — Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть ни что иное, какъ примѣ-

ненныя къ особливымъ случаямъ исполкованія сего закона, и ограды, поставленныя прошивъ его нарушенія. И такъ, гдѣ священный законъ нравспвенности непоколебимо упвержденъ въ сердцахъ воспишаніемъ, вѣрою, здравымъ, не-искаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: памъ сохраняющъ вѣрноссть къ опечеспву и погда, когда никто не спрежешъ ея; жерспвующъ ему собспвенносспію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; памъ умирающъ за законы погда, какъ не опасаясь умерешъ опъ законовъ, и когда могли бы сохранишъ жизнь ихъ нарушеніемъ. Если же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняешся ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувспвительносспію: нѣшъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣющъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнешеніемъ, и оба приближающъ общеспво — къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія испины къ наспоящему положенію опечеспва: онѣ покажущъ спспавъ и мѣру его величія.

Вѣруешъ Россійское Царспво, чпо владѣешъ Вышній Царспвомъ человѣческимъ и, неопспупно держась вѣрою и упованіемъ всемошного сего владыки, опъ Него пріяло мошъ, дабы, не колеблясь, удержашъ на раменахъ

своихъ всю тяжесть своего бѣдствія , когда всѣми земными силами было или боримо , или оставляемо. Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ : Благочестивѣйшій Монархъ не колебался , но поручилъ свое дѣло Богу , и не сумнилъ въ народъ своею. — Вѣрный народъ не колебался , но ввѣрилъ судьбу свою Богу и Монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено , развѣ при олшаряхъ , гдѣ моленія спановились продолжительнѣе , возраспало число припекающихъ ; отверзающіяся Господу сердца , уже не паясь собратій , изливались въ слезахъ умиленія , и гдѣ опходящіе на брань принимали послѣднее напушпвіе. Когда пропиву чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ , Правительство принуждено было поспавитъ неискушенныхъ въ брани гражданъ : вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ ; утвердила своимъ благословеніемъ , и сіи не опытные рашники подкрѣпили , обрадовали , удивили спарыхъ воиновъ. А когда неисповыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру ; когда , наипаче въ богапой дрѣвнимъ благочестіемъ сподлицъ , исполняли свои руки свяшопашпствами , оскверняли храмы живаго Бога и ругались Его свяшынѣ : усердіе къ вѣрѣ превращалось въ

пламенную, неуполимую ревность наказать ея хулишелей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ, съ того времени, какъ по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ Своего благоволенія, на необозримомъ поприщѣ, koliko знаменитыхъ, тоliko же трудныхъ подвиговъ, не шѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляемся и укрѣпляемся побѣдоносное воинство, что идешь подъ невидимымъ предводительствомъ Бога опмщенія?

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ опцемъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промышелемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимую цѣлостъ государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію, и сообщившій благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни неспроенія. — Тогда какъ уже врагъ нѣкопорыя обласпи его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какіяжъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было и съ невозмущенною почностію, и съ неупомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ и безопаснаго спѣшенія народа? —

Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, Онъ пригласилъ его ко всеобщему возстанію противу врага: и почто всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ сильное войско для сліянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и проспирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и пѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ жертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провожая новыхъ рабниковъ: забывали родство, помышляя объ опечесствѣ. — Приверженность народа къ своему Правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись или прерывались сношенія съ Правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы Россійской въ ужасный станъ Французской, поданные АЛЕКСАНДРА были вѣрнѣе своему Государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство Французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самого, нежели для опустошенной имъ столицы, не могло быть укрощено ни присупствіемъ,

ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане Московскіе, сохраняя послушаніе къ единому законному Государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителямъ, рѣшась спряться и умирать, но убѣгая съ нимъ сообщенія, и оставляя его съ одними тѣлохранильщиками, носились по безлюднымъ улицамъ около Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ.

Простые, но чистые и твердые правила нравственности, преданные отъ предковъ, и неослабленные иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ, среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго; законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: « Не смущайся сомнѣніемъ и не извѣстностию; въ клятвѣ, которую ты далъ въ вѣрности Царю и Отечеству, ты найдешь ключъ къ мудрости, разрѣшающей всѣ недоумѣнія. Находясь цѣлую жизнь подъ защитою законовъ и Правительсва, воспользуйся случаемъ быть хотя единожды защитою законовъ и Правительсва. Не страшись опасностей, подвизаясь за правду:

« лучше умереть за нее, нежели пережить ее.
 « Искупи кровію для потомковъ твоѣ блага, копо-
 « рья кровію купили для тебя предки. Укло-
 « нясь отъ смерти за честь вѣры и за свободу
 « опечеснѣва, ты умрешь пресупникомъ или
 « рабомъ: умри за вѣру и опечеснѣво — ты прии-
 « мешь жизнь и вѣнецъ на небѣ. » Вотъ пра-
 вила, копорыя Рускій народъ не только умѣетъ
 изъяснять, сколько чувствоватъ, исполнять!
 Вотъ чудесное искусство быть не побѣдимымъ,
 собирающее войска безъ военачальниковъ, прет-
 воряющее цѣлыя селенія въ ополченія, опол-
 чающее на брань слабыя руки женъ, побѣжда-
 ющее побѣдицелей! Вотъ истинно свободная
 наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣ-
 ніямъ народа, копорою онъ обличилъ Запад-
 ныхъ просвѣщенцевъ въ буйномъ и рабскомъ
 невѣжествѣ, и копорую теперь съ великимъ
 успѣхомъ освобождаетъ отъ рабства пріем-
 лющихъ его въ ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтель-
 ные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы
 своея и то, если она вознесется до престола
 Царя Славы. Да будетъ наша слава въ томъ,
 что наша вѣра и правда привлекли на насъ
 око Его благоспи: да воспишемся Ему то,
 что Онъ сотворилъ нами. Свѣтъ видѣлъ, что
 мудрость, неусыпность и мужество управ-

ляли нашимъ дѣломъ; но какъ часпо надъ ними
 видѣнъ былъ собственнй перспъ Божій! Не
 Богъ ли, въ руцѣ Котораго сердце Царево,
 внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе
 рѣшительное, даже прорицапельное чувспво-
 ваніе — не полагаешь оружія, доколѣ ни еди-
 наго врага не оспанется въ предѣлахъ Рос-
 сіи, — чувспвованіе, которое всему народу
 вдохнуло споль же не колебимую рѣшимость?
 Не Богъ ли, непоспжимый въ пупяхъ Своего
 промысла, даровалъ АЛЕКСАНДРУ сіе чудное
 провидѣніе, что въ началѣ исшелъ вождь, ко-
 торый, понесъ на главѣ своей неизбѣжныя не-
 пріятности, можно сказаъ, новой для Россій-
 скихъ воиновъ, войны оборонительной и оп-
 спупапельной и тяжесъ народнаго мнѣнія;
 попомъ, когда надлежало измѣнить лице брани,
 явился другой, угошванный на спасеніе, про-
 славленный многолѣпными подвигами, испра-
 шиваемый желаніями народа — явился Мужъ,
 который на безпокойнаго и недремлющаго врага
 навелъ долгую дремощу, доколѣ не обновилъ
 крѣпости упружденнаго нашего воинспва, и
 доколѣ, воисполненіе числа сего воинспва, не
 ополчилась съ нами вся Природа? Не Господь
 ли Силь въ одномъ и помъ же пупи одну рапъ
 испреблялъ болѣзнями, хладомъ и гладомъ; а
 другой соблюлъ крѣпость, вложилъ огонь и даль
 крила? — Благословенъ Богъ воинспвъ!

Нѣтъ, заблуждающіе народы, познайте пупи къ поперянному вами и щещно въ суешныхъ мечпаніяхъ искомому благоденспвію! Бичъ Божій поражаешъ Европу такъ, чпо его удары раздаются во всѣхъ концахъ вселенныя. Услышите гласъ Наказующаго, и обратишеся къ Нему, дабы Онъ былъ и вашимъ Спасителемъ.

Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай швое величіе, и не воздремли сохраняя основанія, на копорыхъ оно воздвигнуто!

А Ты, Который не токмо прудности въ дѣлѣ брани Господней вѣряемъ Господу, но Ему же кропкою благодарностию возвращаешь и дарованныя Тебѣ побѣды! ты, который швердоспїю въ правдѣ спасъ Твою державу, и благоспїю въ могущеспвѣ спасаешь царспва другихъ? возвеселися Его силою, и о спасеніи Его возрадуйся! — Мы вѣримъ и чаемъ, чпо и паки, когда жребій брани прїидетъ предъ лице Его, помянешъ Онъ всю кропоспъ швою, и еще даспъ тебѣ хопѣніе сердца швоего....

Филаретъ.

III. ВОЗЗВАНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА,

Произнесенное Митрополитомъ Амвро-
сіемъ въ Казанской Соборной церкви,

1812 года Іюня 17.

« Божіею Милостію Святѣйшій Правитель-
ствующій Всероссійскій Синодъ.

« По благодати, дару и власпи, даннымъ
намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа,
Его великимъ и сильнымъ именемъ взываемъ
ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ Россійскія церк-
ви. — Съ того времени, какъ ослѣпленный
мечпою вольноспіи народъ Французскій испро-
вергнулъ пресполъ единодержавія и олпари
Христіанскіе, мспящая рука Господня види-
мымъ образомъ опягопѣла сперва надъ нимъ,
а потомъ, чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ,
надъ пѣми народами, копорые наиболѣе оп-
спупленію его послѣдовали. За ужасами без-
началія слѣдовали ужасы угнѣпенія. Одна брань
раждала другую, и самый миръ не прино-
силъ покоя. Богомъ спасаемая церковь и
держава Россійская, доселѣ была по большой
частпи соспрадающею зрипельницею чуждыхъ

бѣдствій, какъ бы для того, чѣобы нѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на промыслъ, и нѣмъ съ большимъ благодушіемъ приготовилась спрѣшишь годину искушенія. Нынѣ сія година искушенія касается насъ, Россіяне! Власполюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій олшарей врагъ, дыша споль же ядовитою леснію, сколько люпою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаепъ домамъ нашимъ, и на благолѣпіе храмовъ божіихъ еще издавеча проспираепъ хищную руку. Сего ради взываемъ къ вамъ, чада церкви и опечеспва! пріимите оружіе и щипъ, да сохранише вѣрноспъ, и охраните вѣру опцевъ нашихъ. Приносите съ благодареніемъ опечеспву нѣ блага, копорыми опечеспву обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израиля и лѣта предковъ нашихъ, копорые о имени Божіемъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасноспи, и выходили изъ нихъ со славою. Взываемъ къ вамъ, мужи имениные, спяжавшіе власпъ или право на особенное вниманіе своихъ соопечеспвенниковъ; идешеспвуйте примѣромъ вашего мужеспва и благородной ревноспи нѣмъ, копорыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнепъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолѣвающихъ наглоспъ Амалика; но-

вѣхъ Судей, спасающихъ Израиля; новыхъ
 Маккавеевъ, огорчающихъ цари многи и воз-
 веселяющихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ. Наипаче
 же взываемъ къ вамъ, паспыри и служишели
 олшаря! яко же Моисей во весь день брани съ
 Амаликомъ не восхопѣлъ опусшптъ рукъ, воз-
 дѣянныхъ къ Богу: ушвердите и вы руки ваша
 къ молишвѣ дошолѣ, доколѣ неоскудѣютъ мыш-
 цы борющихся съ нами. Внушайте Сынамъ силы
 и упованіе на Господа силъ. Вооружайте словомъ
 испинны просшыя души, опкрышыя нападе-
 ніямъ коварспва. Всѣхъ научайте Словомъ и
 Дѣломъ недорожишъ никакою собспвенностію,
 кромѣ вѣры и опечеспва. И если кто изъ
 Сыновъ Левипскихъ, еще неопредѣлившихся
 къ служенію, возревнуешъ ревностію брани:
 благословляешся на сей подвигъ опѣ самыя
 церкви. Всѣмъ же и каждому, о имени Господа
 нашего, заповѣдуемъ, и всѣхъ умоляемъ, блю-
 шися всякаго неблагочеспія, своеволія и буіихъ
 шашаній, предъ очами нашими привлечшихъ
 гнѣвъ Божій на языки; пребываешъ въ послуша-
 ніи законной опѣ Бога посшавленной власши,
 соблюдаешъ безкорыспіе, браполобіе, едино-
 душеіе, и шѣмъ оправдаешъ желанія и чаянія взы-
 вающаго къ намъ вѣрноподданнымъ своимъ,
 Богомъ Помазаннаго МОНАРХА АЛЕКСАНДРА.
 Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не Хри-
 столюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не преспа-

непѣть отъ всея крошоспи своея вопіятъ ко
 Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ для доблестныхъ
 подвижниковъ, и о благахъ неплѣнныхъ для пѣхъ,
 копорые душу свою полагаютъ за брапію свою.
 Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ,
 и воинспвеннымъ знаменіемъ Россіянъ, сіе про-
 роческое слово: о Бозѣ Спасеніе и Слава.

К О Н Е Ц Ъ.

Всего сего года введено в продажу
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести
пятидесяти девяти тысяч двести

С. О. Н. Е. П.

Čašnikov, Nikolaj V.

Učebnaja kniga russkago jazyka dlja upotreblenija v učiliščach Balt.
gubernij Ross. Imperii

St. Petersburg 1830

L.rel. 1115

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10589002-5